

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 1 2025 / ТОМ 31

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ /
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА /
ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ /
В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ /
ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ /
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

РЕЦЕНЗИИ /

ISSN 2713-0681

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 1 / 2025

Том 31

DOI: [10.19181/nko.2025.31.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1)

EDN: [YZMYZS](https://www.edn.ru/yzmyzs)

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК (К2). Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2025

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор, РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas “Gubkin University”.

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Иванов В. Н., Сергеев В. К.

Ветераны о Победе: социологический анализ исторической памяти 6

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Воробьёва И. В.

Теория общественного договора и его отражение в общественном и политическом пространстве России 26

Шушпанова И. С.

Динамика социально-экономических настроений россиян в условиях СВО: социологическое измерение 36

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Буланова М. Б.

Социальный потенциал российского учительства и проблемы его реализации. 50

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Галкин К. А.

Представления о справедливости в контексте институционального и межличностного доверия к медицине у пожилых людей 59

УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Терашкевич И. С.

Саморепрезентация организаций социальной сферы во «ВКонтакте»: рутинизация и потеря аутентичности 71

РЕЦЕНЗИИ

Козин С. В., Жидяева Т. П.

Новые знания в изучении российского прекариата (рецензия на книгу: Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2024. 462 с.) 85

SOCIOLOGICAL DIMENSION OF HISTORICAL MEMORY

Ivanov, V. N., Sergeev, V. K.

Veterans about the Victory: a sociological analysis of historical memory. 6

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

Vorobyova, I. V.

The theory of the social compact and its reflection in the public and political space of Russia 26

Shushpanova, I. S.

Dynamics of socio-economic attitudes of Russians under the conditions of the SWO: sociological measurement. 36

CURRENT PROBLEMS OF MANAGEMENT IN THE FIELDS OF EDUCATION AND LABOR

Bulanova, M. B.

Social potential of Russian teachers and problems of its realisation. 50

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

Galkin, K. A.

Individual perceptions of equity in the context of institutional and interpersonal trust in medicine by the older 59

MANAGEMENT IN A DIGITAL TRANSFORMATION

Terashkevich, I. S.

Self-representation of social sphere organizations on VKontakte: routinization and loss of authenticity. 71

REVIEWS

Kozin, S. V., Zhidyaeva, T. P.

New knowledge in the study of the Russian precariat (review of the book: The lifeworld of workers: sustainability versus precarity / ed. by Zh. T. Toshchenko. M.: Ves' mir Publ., 2024. 462 p.) 85

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.1)
EDN [PMLZZK](https://edn.ras.ru/PMLZZK)
УДК 316.42

В. Н. Иванов¹, В. К. Сергеев²

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Независимый исследователь. Москва, Россия

ВETERАНЫ О ПОБЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Аннотация. В преддверии празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. предлагаем с позиции текущей геополитической обстановки оценить картину тех лет с точки зрения реальных участников военных действий. С этой целью приводим для ознакомления фрагмент неоднократно переизданной книги В. Н. Иванова и В. К. Сергеева «Всегда Великая Победа». В нём рассмотрены результаты межрегионального социологического исследования, проведённого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Московским институтом социально-культурных программ в марте-июне 2005 года среди 1400 ветеранов-участников боевых действий Великой Отечественной войны. Уже тогда результаты исследования показывали значительные расхождения между мнениями ветеранов и оценками сторонних специалистов. Многие из этих расхождений, в частности касаясь роли СССР и заслуг союзников, достигли апогея в последние три года, в ходе попыток «отменить» значимость вклада советских воинов в достижение Победы. Социологический экскурс в историю нашей страны, аналитический подход к ключевым событиям прошлого необходим как для сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма у современных поколений, так и для логического осмысления событий настоящего времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ветераны, патриотизм, историческая память

Для цитирования: Иванов В. Н., Сергеев В. К. Ветераны о Победе: социологический анализ исторической памяти // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 6–25. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.1). EDN [PMLZZK](https://edn.ras.ru/PMLZZK).

Спросите тех, кто воевал
Евгений Евтушенко

Не заживают быстро раны,
И прошлое – как в страшном сне.
Скажите правду, ветераны,
О нашей праведной войне.

Вилен Иванов

Чем дальше во времени уходят от нас трагические и героические события Великой Отечественной войны, чем меньше рядом с нами остаётся её участников и свидетелей, тем труднее новым поколениям россиян представить их масштабность и значение для всех последующих поколений, для судьбы самой России. Время, политическая конъюнктура, угодливость и недобросовестность некоторых исследователей нивелируют масштабы всенародного подвига, иска-

¹ Впервые опубликовано Иванов В. Н., Сергеев В. К. Всегда Великая Победа. М., 2006 [1]. Перепечатка по 3-му изданию, переработанному и дополненному [2, с. 55–85].

жают деятельность и роль тех или иных личностей в военные годы, что не даёт возможности реально оценить и прошлое, и настоящее.

Сегодня, когда народы России переживают по-своему не менее трудное, переломное время, эпохальные события, способные как поднять страну на вершину величия, так и низвергнуть в пучину хаоса и небытия, мы особенно нуждаемся в исторических реминисценциях, позволяющих взглянуть на прошлое и настоящее объёмно и масштабно, подняться над суетой повседневности, почерпнуть силу и оптимизм у своих предков. Ведь именно в годы военных испытаний с невиданной силой проявились лучшие национальные черты россиян – национальная гордость, достоинство и беспредельная преданность родному Отечеству. Именно тогда любовь к земле отцов и дедов слилась с высоким осознанием личной ответственности за её судьбу. К сожалению, в политической трескотне, корпоративных междоусобицах, многоголосье доморощенных и зарубежных чревоушителей, провозглашающих приоритеты индивидуального благополучия, культивирующих духовную пустоту, теряется, растворяется главное для человека, нации – вера в главенство человеческого разума и души, надежда на возвращение величия человека и страны, любовь к ближнему и родной земле. Нельзя преодолеть трудности, переживаемые нашей страной и её гражданами, без осознания прошлого, без возрождения и воспитания патриотизма.

В наши дни самое время вспомнить о том, как преодоление тягот Великой Отечественной войны, её последствий способствовало формированию такого социально-политического, нравственного климата, культурной ситуации в стране, при которых наиболее полно раскрывались лучшие качества и черты характера россиян. Самоотверженная забота о судьбе Родины, о её настоящем и будущем вызывала к жизни глубокое понимание необходимости укрепления сплочённости перед лицом грозной опасности германского нацизма. Именно здесь надо искать источник консолидации, целеустремлённости в деле восстановления разрушенной страны, способности противостоять внешним и внутренним угрозам, которых на нынешнем этапе развития российского государства и общества не меньше, чем в годы Великой Отечественной войны. Опыт народа и армии, приобретённый в те суровые годы и послевоенный восстановительный период, подвиги фронтовиков, которые после окончания войны так же самоотверженно восстанавливали разрушенное врагом народное хозяйство, актуален и сегодня, являясь бесценным духовным вкладом и примером для современников, важнейшим средством формирования у нынешних поколений соотечественников патриотических качеств, готовности следовать боевым, трудовым и духовным традициям, равняться на лучших, а не подражать худшим. Великая сила живого примера дедов и отцов не должна угаснуть, оказаться потерянной на крутых и опасных изломах отечественной истории.

Редуют ряды участников войны, и с ними уходят бесценные знания об этом героическом и трагическом времени. Тем важнее, отмечая нынешний юбилей, сверить свои представления и свои выводы с мнением тех, кто вынес на своих плечах непомерные тяжести войны, кто организовал в стране военное строительство и работу тыла, кто восстанавливал страну в послевоенное время. Знания, опыт, представления и оценки сегодняшних событий в стране и мире представителями этого поколения, без сомнения, полезны делу современного обустройства новой России.

Институтом социально-политических исследований Российской академии наук совместно с Московским институтом социально-культурных программ

в марте – июне 2005 года было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне.

Эмпирическая база – 1400 человек. Исследование проведено в следующих регионах: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Бурятия, Северная Осетия – Алания, Воронеж, Оренбург, Томск, Ставрополь, Красноярск, Ростов-на-Дону, Смоленск.

Эмпирическим объектом исследования стали представления и оценки участников Великой Отечественной войны. Опрос проводился на основе анонимности, что положительно повлияло на свободное выражение ветеранами своего мнения и искренность ответов, повысило степень достоверности полученной информации.

В исследовании приняли участие представители разных национальностей. Среди них русских – 68%, украинцев – 12%, татар – 8%, евреев – 3%, белорусов – 2% и представителей других национальностей – 7%.

Наибольшую по численности группу составили те, кому в годы войны было от 18 до 25 лет – 83%, 14% участников опроса во время войны было 26–30 лет и 3% – более 30 лет. Такой возрастной состав объясняется убылью ветеранов за годы, минувшие с окончания Великой Отечественной войны, связанной с возрастом, болезнями, непростыми условиями жизни в послевоенное время, ухудшением уровня и качества жизни в постперестроечный период.

По социальному положению в годы войны это были рабочие и колхозники – 60%, служащие – 12%, учащиеся школ, техникумов, вузов – 18% и военнослужащие – 10%, из них с неполным средним, средним и средним специальным образованием – 56%, неполным высшим и высшим – 24% и начальным – 20%.

В конце Великой Отечественной войны респонденты имели следующие воинские звания: рядовой, сержант, старшина – 72%, офицер младшего командного состава (лейтенант, старший лейтенант, капитан) – 20%, офицер старшего командного состава (майор, подполковник, полковник) – 8%; служившие в пехоте – 54%, артиллерии и танковых войсках – по 9%, авиации и инженерных войсках – 6%, связи – 5%, морфлоте – 4%, автотранспортных войсках – 3%, сапёрных – 2%, ПВО – 1% и в разведке – 1%.

Такой состав участников исследования позволяет дать достаточно полную и объективную картину реальных событий тех лет в их представлении, а также оценок событий и фактов современности.

Подавляющее большинство участников исследования в годы войны не были кадровыми военными – 89%. Высшие и средние военные училища закончили 9% респондентов и курсы комсостава – 4%. Никакого специального образования не было у 87% опрошенных.

В действующую армию участники Великой Отечественной войны попали в основном по мобилизации и добровольцами – 78%, были кадровыми военными и призваны из запаса – 22% (см. рис. 1).

Из них опыта боевых действий не имели 98%, только 2% опрошенных участвовали в войне с Финляндией и в вводе войск в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию. В основном это были беспартийные и члены ВЛКСМ – 77%. Отметим, что были кандидатами или членами ВКП(б) 23% участников исследования.

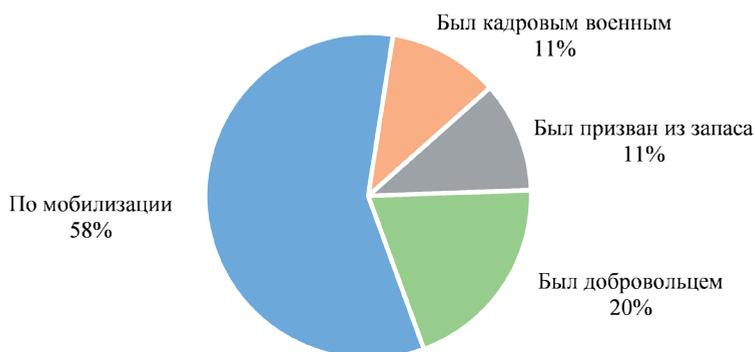

Рисунок 1. «Как Вы попали в действующую армию?», в % от числа опрошенных

Предметом социологического анализа стал круг вопросов, связанных с исследованием представлений и оценок событий Великой Отечественной войны, роли Советского Союза и его союзников в боевых действиях и окончательной победе над фашизмом, оценки состояния Красной армии и армии противника, взаимоотношений в рядах Вооружённых сил, роли командиров и Главкомандующего в представлениях участников войны, состояния боевого духа советских солдат и офицеров, отношения к бывшему противнику сегодня, оценки собственного положения в современной России, социальной обеспеченности, заботы государства о ветеранах Великой Отечественной войны.

Современная ситуация, сложившаяся в результате кардинальных социально-политических трансформаций, характеризуется, в частности, ослаблением историко-культурной преемственности, искажением фактов и событий российской истории всего советского периода, недооценкой достижений советского государства и общества, принижением роли советского народа и Красной армии в деле разгрома немецко-фашистских войск в годы Великой Отечественной – Второй мировой войны, снижением духовности. Подобная ситуация негативно отражается на развитии процессов в различных сферах жизнедеятельности современного государства и общества, уровне гражданского, патриотического сознания, духовной, культурной, исторической преемственности поколений, изменении шкалы ценностных ориентаций, провоцирует развитие комплекса национальной несостоятельности и исторической вины у старших поколений, снижает авторитет Вооружённых Сил России, лишая современных воинов исторических образцов и идеалов.

В связи с этим важнейшее значение приобретает мнение представителей старших поколений, ветеранов Великой Отечественной войны, имеющих огромный жизненный и военный опыт, располагающих возможностью сопоставить прошлое и настоящее, оценить, насколько достоверно излагаются, преподносятся и объективно интерпретируются, оцениваются современными средствами массовой информации, пропаганды, органами просвещения, образования, воспитания и культуры события Великой Отечественной войны, истоки и результаты победы, роль тех или иных личностей, народов России, а также других государств в избавлении мира от нашествия.

Оценки участников Великой Отечественной войны в значительной степени (иногда кардинально) отличаются от предлагаемых СМИ, разработчиками учебных пособий и программ для школ и вузов, определённой частью политиков и исследователей. Например, в то время как зарубежные и отечественные СМИ, ангажированные историки стремятся превознести роль союзников и принизить роль Советского Союза в деле разгрома фашизма, 60% респондентов – участников Великой Отечественной войны, знающих о ней не понаслышке, роль союзников в победе над фашистской Германией и её союзниками называют незначительной. Существенной её считают 28% и решающей – 2% респондентов. Затрудняются дать определённый ответ на этот вопрос 10% участников исследования.

Во время войны важную роль играют подготовка армии, оснащение её современной боевой техникой и снаряжением, обеспечение продовольствием. Участники исследования поделились своими впечатлениями и мнениями относительно состояния Красной армии и армии противника во время Великой Отечественной войны.

При оценке некоторых показателей состояния наших войск и войск противника в годы Великой Отечественной войны ответы распределились следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели состояния войск СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны,
в % от числа опрошенных

Альтернатива	Состояние советских войск				Состояние войск противника			
	Высокое	Среднее	Низкое	Затруднились ответить	Высокое	Среднее	Низкое	Затруднились ответить
Боевая техника (авиация, танки и артиллерия, автотранспортная техника)	41	40	9	10	52	20	5	23
Стрелковое оружие и боеприпасы	38	44	15	3	60	22	4	14
Обмундирование и снаряжение	41	37	16	6	56	17	7	20
Обеспечение продовольствием	27	46	25	2	56	14	2	28
Компетентность командиров, их авторитет среди личного состава, доверие к ним подчинённых	65	27	7	1	34	24	5	37
Идеологическая устойчивость (вера в превосходство своей социальной системы, доверие к верховному командованию, вера в победу в войне)	74	11	5	10	33	38	11	28
Храбрость и самоотверженность солдат и офицеров	87	10	1	2	46	29	11	14

По мнению участников Великой Отечественной войны, боевая техника Красной армии (авиация, танки и артиллерия, автотранспортная техника) была в целом несколько хуже, чем у войск противника. Высоко её оценили 41% респондентов, столько же оценили её средне – 40% и 9% – низко, затруднились ответить – 10%. Немецкую боевую технику опрошенные оценивают в основном высоко – 52% и средне – 20%. Практически столько же респондентов затрудняются ответить на этот вопрос – 23% и только 5% ветеранов оценили боевую технику армии вермахта низко.

Стрелковое оружие и боеприпасы наших войск также оцениваются ниже, чем у войск противника. Высоко их оценили 38% опрошенных, 44% – средне и 15% – низко, 3% затруднились ответить. Этот показатель войск противника характеризуется респондентами как высокий – 60% и средний – 22%, как низкий его оценили 4% и затруднились ответить 14%.

Обмундирование и снаряжение войск Красной армии характеризуется опрошенными в основном высоко – 41%, средне – 37%, 16% оценили его низко и 6% – затруднились ответить. По оценке участников Великой Отечественной войны, немецкие войска обмундированием и снаряжением были оснащены лучше – 56% респондентов, средне – 17%, низко – 7% и 20% респондентов затруднились ответить.

Аналогичное мнение ветераны высказали относительно обеспечения продовольствием. В наших войсках оно оценивалось в основном средне – 46%, 27% оценили его высоко и практически столько же – 25% – низко, 2% затруднились ответить. В войсках армии вермахта обеспечение продовольствием оценивалось как высокое – 56%, как среднее его оценили 14% респондентов, низкое – 2% и 28% затруднились ответить на этот вопрос.

Фашистская Германия, стремясь к мировому господству, задолго до развязывания Второй мировой войны начала готовиться к вооружённым нападениям. Она уже в то время располагала значительными ресурсами, необходимыми для ведения подобного рода борьбы. Тогда как в СССР социально-экономический и военный потенциал был довольно низок.

Потенциально у Советского Союза было всё необходимое, чтобы отразить агрессию. Но реальность оказалась сложнее. Процесс актуализации имевшихся возможностей, превращение их в действующие факторы явился чрезвычайно сложным и противоречивым. Действительно, в самом начале войны у Красной армии не было необходимых сил и средств, чтобы сразу остановить агрессию на границе. Агрессор обладал превосходством над Красной армией в силе и средствах, особенно на избранных им направлениях ударов. У него были инициатива и опыт ведения военных действий, сказался и фактор внезапности.

Вследствие этих и ряда других неблагоприятных для Советского Союза и Красной армии обстоятельств, процесс освобождения от фашизма сформировался из ряда неравнозначных по характеру и конечным результатам этапов, протекавших сначала на территории СССР, а затем и других стран, в том числе самого агрессора – фашистской Германии. И везде главным его содержанием было вооружённое противоборство воюющих сторон, питаемых материально и духовно своим тылом. Миротворившая советская страна в короткие сроки превратилась в военный лагерь. Слова из обращения Правительства «Наше дело правое, победа будет за нами!» означали нечто большее, чем призыв [3, с. 18–19]. Ценой неимоверных усилий в Советском Союзе за срав-

нительно короткие сроки был создан военно-промышленный комплекс, что позволило достичь победы в самой кровопролитной из всех войн в истории человечества. Однако даже с помощью союзников было чрезвычайно сложно обеспечить нашу армию всем необходимым.

По результатам опроса видно, что армия вермахта в начале войны значительно превосходила Красную армию по оснащению боевой техникой, обеспечению стрелковым оружием, боеприпасами и продовольствием.

Но, несмотря на это, Красная армия и весь советский народ оказывали упорное сопротивление опытному, сильному и первоклассно вооружённому противнику.

Советский народ, осознавший нависшую над Родиной опасность, героически проявлял себя и на фронте, и в тылу. Об этом свидетельствуют мужество и стойкость защитников Брестской крепости, военно-морской базы Лиепая, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Москвы, Сталинграда, Новороссийска и Кавказских перевалов. О массовом героизме, проявленном защитниками и жителями блокадного Ленинграда, знает весь мир: 900 дней и ночей продолжалась та жестокая битва, унесшая жизни многих тысяч воинов и мирных жителей. Враг так и не смог овладеть невской твердыней, хотя и подвергал её бесконечным атакам, бомбёжкам, артиллерийским обстрелам.

В ходе всей войны у защитников Отечества проявились огромная воля, сила духа, высокие нравственные качества. Это о них на мраморной плите Мамаева кургана высечены бессмертные слова, принадлежащие Василию Гроссману: «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперёд, и снова чувство суеверного страха охватывало противника. Люди шли в атаку – смертны ли они?!».

Так было в годы Великой Отечественной войны, и народ великой страны выстоял и одолел врага. Слабость, измена в те суровые дни подвергались общенародному презрению.

Недостаток материальных ресурсов в годы войны компенсировался духовными – верой в победу, храбростью, самоотверженностью солдат и офицеров, доверием к верховному командованию и компетентностью командиров.

Компетентность командиров, их авторитет среди личного состава, доверие к ним подчинённых в войсках Красной армии характеризуются участниками Великой Отечественной войны в основном: высоко – 65% и средне – 27%, всего 7% опрошенных указали на низкую компетентность и авторитет командиров и 1% затруднились ответить. Во время Великой Отечественной войны весь мир высоко оценил советское полководческое искусство.

Советские Вооружённые силы провели в период войны более 50 операций групп фронтов, около 250 фронтовых, 1000 армейских операций, десятки тысяч сражений и боев, в ходе и в результате которых проявились превосходство воинского искусства, высокий уровень стратегического руководства и боевого мастерства командного, политического и всего личного состава армии и флота [4, с. 34].

Те же качества командиров в войсках противника оцениваются опрошенными достаточно высоко – 34% и средне – 24%, 5% указали на низкую компетентность и авторитет руководства, а 37% ветеранов оказались в затруднении ответить на этот вопрос. Не самая высокая оценка компетентности командования войск противника, скорее всего, связана с разгромом войск армии вермахта в главных сражениях Великой Отечественной.

Подавляющее большинство участников войны высоко оценивают храбрость и самоотверженность солдат и офицеров Красной армии – 87%, 10% характеризуют эти качества средне, лишь 1% респондентов оценивают их низко, а 2% – затруднились ответить.

Победа над фашизмом ковалась прежде всего на фронте. Навсегда останутся в памяти россиян подвиги наших воинов в великих битвах под Москвой и Сталинградом, Курском и Белгородом, на Висле и Одере, в заключительной Берлинской операции.

Компетентность командования, самоотверженность солдат и офицеров Красной армии в сумме оказались решающей силой, обеспечившей нашу победу. Как подчёркивают современные исследователи, от высокой воинской дисциплины, исполнительности военнослужащих, их полной самоотдачи, с одной стороны, от авторитета командира, его моральных качеств – с другой, зависит реализация духовных возможностей войск в ходе военных действий. Максимальная требовательность, творческий подход к военному делу в годы Великой Отечественной сочетались у советских полководцев, генералов и офицеров с высокими нравственными качествами. Это вселяло в подчинённых дух оптимизма и самоотверженности, веру в разгром немецко-фашистских войск [5, с. 94].

В войсках противника также довольно высоко оцениваются респондентами храбрость и самоотверженность солдат и офицеров армии вермахта – 46%, 29% характеризуют эти качества средне, 11% – низко и 14% затруднились ответить. Это ещё раз доказывает, что советский народ одолел в неравной схватке мощного и опасного противника.

По мнению участников Великой Отечественной войны, в войсках Красной армии высока была идеологическая устойчивость (вера в превосходство своей социальной системы, доверие к верховному командованию, вера в победу в войне) – 74%, средне её охарактеризовали 11%, лишь 5% оценили её низко и 10% затруднились ответить. Это связано с тем, что война была для нас отечественной и захватнической по отношению к СССР. Высокий патриотизм и скорейшее избавление своей земли от оккупантов стимулировали идеологический настрой бойцов Красной армии. Советский народ сплачивали единая идеология, вера в справедливость и правильность политики советского государства, высокий авторитет в народе и армии И. В. Сталина.

Великая Отечественная война имела глубокую идеологическую сущность. Советский Союз вёл борьбу не против народа Германии, а против фашистской агрессии и расистской идеологии нацизма.

Лидеры фашистской Германии стремились к утверждению тысячелетнего рейха чистокровных арийцев и уничтожению «расово неполноценных народов». Известно, что цель фашистской Германии состояла в завоевании мирового господства, в захвате и ликвидации СССР как государства, порабощении и истреблении огромных масс славянских и других народов, составляющих по нацистской терминологии «низшую расу».

Советский Союз и страны антигитлеровской коалиции ставили главной целью защиту свободы и независимости своих государств и других народов, разгром и искоренение фашизма. Как были достигнуты эти цели? Германия, Япония и их союзники потерпели полное поражение, был ликвидирован навязанный народам фашистский режим. Советский Союз и страны антигитлеровской коалиции сокрушили агрессоров на Западе и Востоке, освободили ок-

купированные врагом территории. И не фашисты пришли в Москву, Лондон и Вашингтон, как это они планировали, а войска союзных стран вступили как победители в Берлин, Рим и Токио.

Советский Союз, несмотря на огромные потери и разрушения, вышел из войны окрепшим и более мощным государством, чем до начала войны, как в экономическом, так и в военном отношении. Фашистский рейх и его вермахт, милитаристская Япония и её армия были сокрушены, территории государств-агрессоров были оккупированы союзными войсками [6, с. 17–18].

Относительно идеологической устойчивости в рядах германской армии: 33% респондентов оценили её высоко, 28% – средне, столько же участников исследования оказались в затруднении ответить на этот вопрос и 11% ветеранов охарактеризовали идеологическую устойчивость противника как низкую. По-видимому, такое мнение у ветеранов сложилось в связи с тем, что Германия проиграла войну, и идеология фашизма потерпела крах.

Сравнительная характеристика основных показателей состояния войск Красной армии, армии Германии и её союзников показывает, что на войне столкнулись мощные противники.

Немецко-фашистская армия была сильнейшей в мире, перед которой не могли устоять страны Европы. Фашистские солдаты оказались лучше вооружёнными, опытными и психологически подготовленными. Особенно это чувствовалось в начале войны, когда в войсках Красной армии была велика доля устаревшей техники и стрелкового оружия, но правильная политика и мощная плановая экономика позволили Советскому Союзу быстро преодолеть отставание.

Массовый героизм проявляли труженики тыла. Своим самоотверженным трудом они выиграли битву за металл и хлеб, топливо и сырьё, за создание оружия победы. Отечественная промышленность военных лет превзошла по объёму производства вооружения промышленность нацистской Германии и произвела для Красной армии почти 500 тыс. орудий, более 102 тыс. танков и самоходных орудий и много другой техники. Все стремились внести свой посильный вклад в общее дело скорейшего разгрома фашизма.

В годы войны свыше 6 млн молодых людей без отрыва от производства освоили более 30 военных специальностей. На фронтах войны сражалось более 11 млн юношей и девушек, из них 60% воевали в партизанских отрядах. Их боевые заслуги были высоко оценены: 3,5 млн молодых воинов и 50 тыс. молодых партизан награждены орденами и медалями.

Небывалым в истории было массовое участие женщин как непосредственно в вооружённой защите Отечества, так и в оказании всесторонней помощи фронту. В рядах Красной армии находилось около 600 тыс. женщин, из них офицеров – более 80 тыс. В тылу, заменив ушедших на фронт мужчин, женщины вынесли на своих плечах основную тяжесть труда.

Особым проявлением патриотизма явились жертвования трудящихся государству. Они позволили дополнительно направить на фронт более 2 тыс. самолётов, несколько тысяч танков и военной техники. Широкое распространение получило движение по сбору вещей и подарков для воинов, ширилось донорское движение. Война приобрела народный характер.

Оправившись после нескольких месяцев отступления, Красная армия постепенно набирала силу. Её все активней и уверенней питал тыл, эвакуирован-

ные на восток и переоборудованные на производство военной техники и вооружения, обмундирования и продовольствия заводы и фабрики.

Советские учёные делали всё для разработки новых образцов вооружений. Академия наук СССР в кратчайшие сроки перестроила деятельность своих институтов, лабораторий, исследовательских центров на обслуживание потребностей фронта и тыла. Разнообразная деятельность учёных была сосредоточена на изыскание и совершенствование боевой техники и оружия в интересах усиленного ведения войны с немецко-фашистскими захватчиками. 23 июня 1941 года на экстренном заседании Президиум Академии наук СССР обратился с призывом к учёным страны мобилизовать все силы на активную борьбу с фашистской Германией.

Перестройку деятельности учреждений науки страны на военный лад пришлось вести в трудных условиях эвакуации на восток. В Уфе, Казани, Фрунзе, Новосибирске стремительно развёртывалась и развивалась научная база институтов, работающих на войну.

Под руководством президента академии наук СССР В. Л. Комарова и при поддержке академиков И. П. Бардина, С. Г. Струмилина и других известных учёных был разработан план мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Под председательством академика А. Ф. Иоффе начала работу Военно-морская комиссия академии наук СССР, в которую входили академики Г. А. Калашников, А. Н. Крылов, И. В. Курчатов, представители Военно-Морского Флота СССР и отраслевые научно-исследовательские институты. Комиссия осуществляла деятельность по укреплению боевой мощи ВМФ.

Благодаря труду учёных, инженеров, конструкторов непрерывно совершенствовалось артиллерийское и стрелковое оружие. Предметом особой заботы стало развитие реактивной артиллерии. На весь мир прославились созданные интеллектом и трудом советских людей реактивные установки «Катюша». Постоянно совершенствовалась артиллерия. Над новыми образцами орудий работали талантливые конструкторы Ф. Ф. Петров, В. Г. Грабин, И. И. Иванов, Г. Д. Дорохин и другие. Конструкторы В. А. Дегтярёв, Ф. В. Токарев, П. Я. Горюнов, Г. С. Шпагин и другие модернизировали стрелковое оружие и создавали его новые образцы.

Уже к 1943 году Красная армия превосходила немецкую и военным мастерством, и вооружением. Только за один год на фронт поступило около 35 тыс. самолётов – почти на 10 тыс. больше, чем произвела самолётов Германия, 24 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок. Немецкая промышленность выпустила в 1942 и 1943 гг. только 18200 боевых машин [7, с. 77].

Красноармейцы проявляли невиданную боевую стойкость на полях сражений, основным источником здесь выступали глубокое осознание своей правоты, актуальность идей социализма, преданность политике коммунистической партии. И в этом отношении советское государство оказалось выше фашистской Германии.

Подавляющее число участников опроса (74%) отмечают, что эти отношения были основаны на доверии и уважении, и лишь 19% из них в общей сложности указывают, что отношения между командирами и подчинёнными в Красной армии в годы войны держались на недоверии, жёстком контроле, систематической грубости и унижении личного состава. Не смогли вспомнить характера этих взаимоотношений 7% опрошенных.

Необходимый уровень воинской дисциплины во время войны, в тяжёлых условиях боевых действий обеспечивался преимущественно разъяснительной работой, воспитанием сознательного отношения к воинскому долгу. К такому мнению склоняются 52% опрошенных, уставной командирской требовательностью – 31%, и лишь 7% ветеранов указывают на угрозу применения санкций, как на фактор обеспечения воинской дисциплины. Затруднились дать ответ 10%.

Воспитание патриотического сознания, нетерпимости к фашизму, укрепление веры в силу, мощь Красной армии и уверенности в неизбежной победе стали важнейшими элементами агитационно-пропагандистской и политической работы в действующей армии в годы войны и сыграли большую роль в поднятии боевого духа личного состава. Этому способствовали: постоянная массовая и индивидуальная работа командиров и комиссаров; издание газет и «боевых листов» в полевых условиях; доставка центральных газет на боевые позиции; встречи бойцов с видными деятелями культуры.

В духовном противостоянии с немецко-фашистскими захватчиками значительную роль сыграла отечественная культура. Всё лучшее, что было заложено в культурных традициях народов СССР, проявилось в различных видах и жанрах искусства. Это привело к тому, что миллионы людей как бы заново открыли для себя известные духовные ценности.

На экранах страны и в боевых подразделениях демонстрировались новые фильмы, посвящённые героической тематике, – художественные картины «Зоя», «Нашествие», «Человек № 217», «В шесть часов вечера после войны», «Щит Джургая», документальные – «Победа над Правобережной Украиной», «Битва за Севастополь», «Вступление Красной армии в Бухарест» и другие. Эти кинопроизведения вошли в историю как запечатлённая на плёнку летопись военных событий.

Важную роль в воспитании патриотизма, мужества, отваги, мобилизации духовных сил народа сыграло театральное искусство. Военно-шефскую работу осуществляли артисты Малого театра, МХАТа им. М. Горького, театра им. Евг. Вахтангова, Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. На фронт выезжали бригады артистов Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и других городов. «Играя на сцене, выступая перед нашими доблестными воинами, читая газеты, письма, встречая аплодисменты зрителей, – вспоминает народная артистка СССР В. Пашенная, – мы постоянно чувствовали, что наше советское искусство – это тоже оружие, оружие острое, как меч; оно живёт, сияет, греет сердце» [8, с. 253].

В письме артистам Малого театра после их выступления на фронте один из солдат писал: «Спасибо, дорогие товарищи. Сколько сил и энергии влили вы в нас своим искусством!» [9, с. 160].

Особое мобилизующее воздействие как на бойцов, так и на тех, кто в тылу своим трудом обеспечивал нужды армии, имели краткие, запоминающиеся, западающие в сознание и формирующие необходимый эмоционально-волевой настрой лозунги той поры.

По мнению ветеранов, наиболее эффективными, действенными, оставшимися в памяти и сегодня стали лозунги: «За Родину, за Сталина!» – 72%, «Всё для фронта, всё для победы!» – 65%, «Враг будет разбит, победа будет за нами!» – 51% (см. табл. 2).

Таблица 2

Наиболее популярные лозунги в годы Великой Отечественной войны
(несколько вариантов ответа), в % от числа опрошенных

Лозунг	Доля
Все для фронта, все для победы!	65
Враг будет разбит, победа будет за нами!	51
За Родину, за Сталина!	72
Смерть фашистам!	49
Враг не пройдёт!	32
Папа, убей немца!	8
Другое	12

Мнения московских ветеранов расходятся и с оценками, внедряемыми в общественное сознание, прежде всего в сознание молодёжи, средствами массовой информации, частью историков, политологов и политиков, относительно роли и деятельности И. В. Сталина на посту Верховного Главнокомандующего Красной армии в годы Великой Отечественной войны: 68% участников опроса считают, что Сталин был выдающимся военным руководителем, 14% придерживаются мнения, что Верховный Главнокомандующий был недостаточно подготовлен к такой роли, 11% утверждают, что Сталин фактически не руководил вооружёнными силами, а осуществляли это высшие военные чины, 7% респондентов оказались в затруднении конкретно оценить деятельность Сталина на данном посту (см. рис. 2).

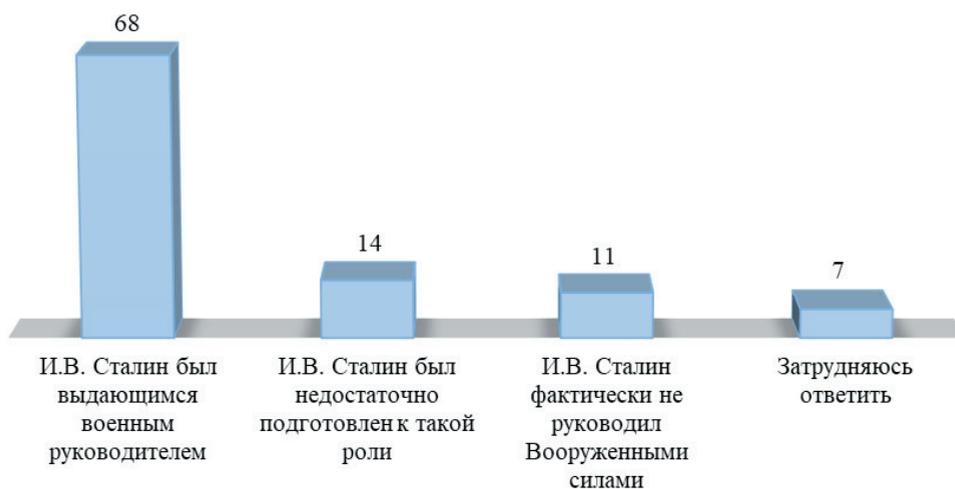

Рисунок 2. «Как Вы оцениваете деятельность И. В. Сталина на посту Верховного Главнокомандующего?», в % от числа опрошенных

Примечательно, что, несмотря на вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз, безжалостное отношение немецко-фашистских войск к населению на оккупированных территориях, личные потери, которые понесли люди на фронте и в тылу, у тех, кто сражался за Родину, благодаря активной,

умелой и верной агитационно-пропагандистской и воспитательной работе сохранилось понимание того, что виновником всех этих бед и потерь является фашизм, ярые его носители и приверженцы, немецкая техника, но не сам немецкий народ. Это понимание было и в тяжёлые годы войны, сохранилось оно и сегодня, спустя 60 лет, о чем свидетельствуют ответы ветеранов Великой Отечественной войны – наших респондентов.

В основном участники сражений испытывали ненависть к немецким фашистам – 53%, к солдатам и офицерам вермахта – 18, в общей сложности – 71%. Они понимали, что именно на совести последних были и вероломное нападение на Советский Союз, и бесчисленные жертвы, и расправы над мирным населением, и разрушения городов, и захват территорий. Ненависть ко всем немцам испытывали 24% участников войны. Она была основана на неприятии того, что немцы – этот цивилизованный, богатый своей культурой европейский народ – смогли допустить приход к власти в Германии фашистского режима, несущего порабощение и смерть по всему миру.

Видимо, по данной причине и сегодня, спустя много лет, 60% участников боевых действий не испытывают желания встретиться с бывшим противником. Этого хотят лишь 15% респондентов. Затруднились дать определённый ответ 25% участников исследования.

На вопрос о том, какие чувства сейчас испытывают к бывшему противнику ветераны Великой Отечественной войны, они ответили так: никаких чувств – 58%, ненависть – 15%, уважение – 9%, сострадание – 17%. Оказались в затруднении дать ответ на этот вопрос 1% респондентов. Причём 56% ветеранов – участников исследования считают, что русские и немцы могут быть друзьями, 13% придерживаются противоположного мнения и каждый третий (31%) не смог дать определённого ответа.

Респонденты – ветераны Великой Отечественной войны, обладающие большим жизненным и боевым опытом, имеют возможность соотнести расстановку сил на международной арене за большой отрезок времени, могут выступать в роли своеобразных экспертов в отношении оценки современной мировой ситуации, положения в ней России. На вопрос о том, существует ли в настоящее время угроза нападения на Россию, только 24% из них ответили, что такой угрозы нет, 18% оказались в затруднении дать определённый ответ и 52% ветеранов придерживаются мнения, что в настоящее время есть угроза нападения на нашу страну.

Возможно, современным политологам, специалистам, отвечающим за обеспечение обороноспособности России, не стоит столь уверенно и безапелляционно убеждать российское общество в отсутствии потенциальных противников и военной угрозы российскому государству в условиях обострения мировых противоречий, перманентных военных конфликтов, территориальных и политических притязаний многих стран в адрес России.

Об адекватности оценок ветеранами Великой Отечественной войны мировых событий и международной обстановки свидетельствует и распределение ответов на вопрос о том, как они представляют себе современный терроризм: 19% участников исследования считают современный международный терроризм следствием глобализации по-американски, 12% – протестом против гегемонистских проявлений США и других западных стран, значительное число ветеранов (39%) полагают, что развитие терроризма стимулирует преступный бизнес. Как новую форму войны против «неверных» рассматривают междуна-

родный терроризм 13% респондентов. Затруднились ответить 17% респондентов.

Таким образом, прямо или косвенно вину за эскалацию терроризма в мире ветераны Великой Отечественной войны возложили на политические круги и финансовую элиту США, использующие терроризм в своих экономических и политических интересах.

Война стала временем суровых испытаний для всего советского народа, но в особенности для тех, кто находился в действующей армии, между жизнью и смертью, ощущал постоянную опасность для себя и своих близких. Ответы на такой вопрос, в какой мере помогала им вера в Бога во время войны, распределились следующим образом (см. табл. 3).

На вопрос о том, верили ли сегодняшние ветераны в Бога в годы войны, однозначно положительный ответ дали 26% участников исследования. Те же, кто колебался между верой и безверием (16%), ныне, спустя 60 лет, склонны думать, что эти крупицы веры помогали им и защищали в трудное время. Отмечают, что в годы войны были неверующими, 58% участников исследования.

За прошедшие десятилетия, минувших с момента окончания Великой Отечественной войны, отношение к религии, к вере бывших её участников, прошедших большой жизненный путь, изменилось.

Таблица 3

«В какой мере помогала Вам вера в Бога во время войны?», % от числа опрошенных

Варианты ответа	Доля
Помогала и защищала	38
Пожалуй, не помогала и не защищала	14
Не помогала	11
Затрудняюсь ответить	37

Ныне верующими себя называют 65% участников войны и атеистами – 35%. То есть число верующих, в основном исповедующих православие (44%), среди участников войны увеличилось.

За последние годы ряд обстоятельств вызвал тягу людей к православной вере, а у неверующих – определённый интерес к религии и к истории церкви, в том числе и к её роли в Великой Отечественной войне. Патриотизм церкви выразался не только в словах, но и в конкретных делах. Сборы церковью денежных средств уже в 1943 году позволили построить танковую колонну имени Дмитрия Донского и авиаэскадрилью имени Александра Невского. Деятельность церкви в годы войны была высоко патриотичной, способствующей консолидации сил страны в отпоре врагу. Не случайно многие священнослужители были отмечены советским государством орденами и медалями [10, с. 3–7].

Конечно, на мировоззрение ветеранов существенным образом повлияло улучшение отношений между церковью и государством, и как следствие, укрепление позиций церкви в общественной жизни в результате социально-политических преобразований в стране.

Начавшиеся с конца 1980-х годов прошлого столетия социально-политические и экономические трансформации, сопровождавшиеся кризисными явлениями во всех сферах российского общества, вызвали социальное расслоение

последнего и падение уровня жизни россиян, что в первую очередь отразилось на самых незащищённых группах населения. Одной из таких групп явились ветераны Великой Отечественной войны. Как известно, именно они представили собой ту возрастную категорию, которая наименее перспективна в плане осуществления активной экономической, производственной деятельности. В этой связи ухудшение уровня и качества жизни ветеранов войны в большинстве случаев было связано с уменьшением заботы о них со стороны государства.

Как же они оценили своё социальное обеспечение и заботу государства в разные годы о тех, кто отстоял страну в годы Великой Отечественной войны? (см. табл. 4).

Если при Б. Н. Ельцине социальное обеспечение и заботу государства о ветеранах 51% респондентов оценивали, как плохо и 38% – удовлетворительно, то при В. В. Путине эта тенденция меняется в лучшую сторону: 32% ветеранов оценили социальное положение удовлетворительно и 31% – плохо.

По сравнению с периодом нахождения у власти Б. Н. Ельцина прослеживается положительная динамика: значительно увеличилась группа ветеранов, довольных заботой государства – с 3% оценивающих на «отлично» и 10% – на «хорошо» до 30%, которые считают, что социальное обеспечение хорошее, и 7%, которые оценивают его на «отлично».

Можно предположить, что если бы не нововведения, связанные с монетизацией льгот, то эти оценки были бы ещё выше.

Таблица 4

«Как Вы оцениваете социальное обеспечение и заботу государства о ветеранах Великой Отечественной войны во времена нахождения у власти различных политических лидеров нашей страны?», в % от числа опрошенных

Политический лидер	Отлично	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
И. В. Сталин	18	30	41	11
Н. С. Хрущёв	7	25	56	12
Л. И. Брежнев	13	47	34	6
М. С. Горбачёв	7	11	49	33
Б. Н. Ельцин	3	10	38	51
В. В. Путин	7	30	32	31

На вопрос «Как Вы относитесь к отмене льгот для ветеранов и замене их денежными выплатами?» большинство участников опроса (63%) дали отрицательный ответ, 21% респондентов восприняли это положительно, а 16% оказались в затруднении. Неоднозначное отношение к монетизации льгот скорее всего продиктовано тем, что социологическое исследование проводилось как среди жителей сельской местности, так и среди горожан. Большинство ветеранов – жителей сельской местности выиграли от этого шага руководства страны, а ветераны-горожане, пользующиеся льготами, проиграли, так как денежная компенсация в основном не покрывает отменённых льгот. Монетаристский курс преобразований в настоящее время подвергается резкой критике со стороны не только левой оппозиции, но и большинства народа.

Представляет интерес тот факт, что при И. В. Сталине социальное положение оценивалось достаточно высоко. Воспринимают заботу государства

в то время на отлично 18% респондентов, на хорошо – 30%, больше трети опрошенных считают, что она была удовлетворительной (41%) и только 11% участников войны оценивают её как плохую.

В первую очередь это объясняется харизмой Сталина, молодостью участников войны и господствующей идеей построения социалистического общества, с которой были связаны большие надежды на «светлое будущее». В это время Советский Союз переживал небывалый трудовой подъем, страна превращалась из аграрной в индустриальную державу. А разработка и создание ядерного оружия делала СССР грозным и опасным потенциальным противником для империалистических стран.

При Н. С. Хрущёве оценка социального обеспечения постепенно меняется: как отличную заботу государства о ветеранах оценивают 7% респондентов, как хорошую – 25%. Прослеживается чёткая тенденция к увеличению доли ветеранов, оценивающих её как удовлетворительную – 56% и неудовлетворительную – 12%, которая сохраняется и в последующем.

Можно сделать вывод о том, что хрущёвская оттепель и критика культа личности Сталина сыграли не последнюю роль в оценке социально-политического положения того времени. Несмотря на то, что Н. С. Хрущёв немало делал для улучшения социально-экономической и политической ситуации в стране (в частности, при нем было развёрнуто широкомасштабное жилищное строительство, развивалось сельское хозяйство, была начата реабилитация политзаключённых), участники Великой Отечественной войны, по-видимому, не прощали ему того, как он интерпретировал Сталина – человека, с именем которого фронтовики шли в атаку и умирали. (По мнению респондентов, одним из самых популярных лозунгов во время войны был «За Родину, за Сталина!» – 72%.)

При Л. И. Брежневе наблюдается ощущение стабильности в оценке социального обеспечения ветеранов. Основная часть респондентов оценили его как хорошее – 47% и удовлетворительное – 34%, 13% опрошенных указали на отличную заботу государства о ветеранах, 6% – оценили её как плохую.

Сравнительно терпимое отношение к этому политическому лидеру можно объяснить и тем, что Брежнев тоже воевал на фронте и хорошо понимал нужды ветеранов.

Социальное обеспечение в период перестройки, связанной с именем М. С. Горбачёва, участники Великой Отечественной войны расценили в основном как удовлетворительное – 49% и неудовлетворительное – 33%, лишь небольшая часть респондентов оценили заботу государства о ветеранах высоко (7% – отлично и 11% – хорошо).

Социально-экономический кризис в «нулевые» годы привёл к снижению жизненного уровня большинства населения страны. Основной тенденцией трансформации социальной структуры социума стало усугубление социального неравенства. В результате часть ветеранов оказалась в ситуации, не позволяющей вести достойный образ жизни.

Об этом, в частности, свидетельствует распределение ответов на вопрос о том, как ветераны Великой Отечественной войны относились в целом к различным сторонам жизни в это время (оценки по пятибалльной шкале). Практически половина (45% опрошенных участников войны) считает своё материальное положение удовлетворительным, 8% – плохим; 38% респондентов указали на своё хорошее материальное положение и лишь 9% опрошенных оказались наиболее обеспеченными.

Жилищные и бытовые условия в основном оцениваются ветеранами как хорошие – 37% (10% – посчитали их «отличными» и 12% – «плохими»), 41% – как удовлетворительные.

В этой связи необходимо ввести в разряд важнейших приоритетов заботу государства о наименее защищённых категориях граждан, в том числе о ветеранах.

Отношение к ветеранам родных и близких в основном оценивается ими высоко: как отличное – 48% и хорошее – 26%. Однако 16 и 10% характеризуют его как удовлетворительное и плохое соответственно. С одной стороны, недовольство отношением близких может быть обусловлено снижением уровня жизни россиян в целом, отсутствием возможностей у младших поколений для оказания материальной поддержки пожилым людям, а с другой – общим ослаблением поколенческих связей, вызванным понижением уровня духовности, гуманизма в обществе в целом.

Состояние здоровья оценивается ветеранами в основном как удовлетворительное (56%) и хорошее (23%), 14% респондентов указали на плохое состояние здоровья и всего 7% расценили его как отличное.

По результатам опроса видно, что ветераны Великой Отечественной войны в целом считают свою жизнь хорошей (43%) и удовлетворительной (38%). На «отлично» её оценили всего 5% респондентов, на неудовлетворительно – 9%.

К деятельности местных органов власти ветераны относятся в общем лучше, чем к деятельности центральных. В основном удовлетворительно (52%) и плохо (27%) ветераны оценивают работу местных органов власти, 21% респондентов считает её хорошей. Деятельность же центральных органов власти они воспринимают как удовлетворительную (45%) и плохую (38%) и только 17% респондентов характеризуют её как хорошую.

Анализ ответов участников Великой Отечественной войны на блок вопросов о различных сторонах их жизни в настоящее время свидетельствует о необходимости уделять больше внимания разработке социальных программ по улучшению условий жизни ветеранов, позволяющих проводить эффективную политику на всех уровнях государственной власти и управления.

Мнения ветеранов Великой Отечественной войны как участников и свидетелей событий тех лет относительно роли Советского Союза, Советской армии, вклада нашего народа в дело разгрома фашистской Германии и её союзников во многом не совпадают с современными оценками отечественных и зарубежных специалистов, средств массовой информации, зачастую фальсифицирующих исторические факты, принижающих вклад России в дело избавления человечества от фашизма. В частности, расходятся оценки в соотношении сил, вооружения и оснащения войск, вклада союзников России, роли реальных личностей в военной истории – главнокомандующего, военачальников, солдат и офицеров на фронте и тружеников тыла.

Искажённое освещение событий Великой Отечественной войны влечёт за собой негативные последствия как для современной России, так и на отдалённую перспективу, снижая уровень патриотизма, гражданственности молодёжи, общественной и гражданской консолидации, исторической, духовной, культурной преемственности поколений, подрывая престиж современных Вооружённых Сил России, снижая понятие героизма в условиях мира и войны.

Решающее значение для обеспечения консолидации российского общества, динамичного, прогрессивного развития страны имеют национальная идея и раз-

работка идеологической концепции, сыгравшие ведущую роль в деле сплочения народа в годы войны и обеспечившие победу.

Воспоминания и мнения ветеранов имеют практическое значение для системной организации, перестройки современных Вооружённых Сил России, особенно для повышения морального духа солдат и офицеров, создания атмосферы братского единства, обеспечения осмысленности службы в армии, престижности военных профессий, борьбы с негативными явлениями в ней.

Участники войны в ходе опроса ещё раз продемонстрировали дееспособность, гражданственность позиции, патриотизм, способность к аналитическому, объективному подходу при оценке явлений и событий прошлого и настоящего. Их знания и опыт могут быть в значительной мере эффективно использованы не только в области военно-патриотического воспитания, но и во многих других сферах жизни общества – просвещении, образовании, культуре, политике и т. п. Поколение победителей, как и поколение детей войны, и сегодня принимает и готово принимать активное участие в деле строительства и укрепления фундаментальных основ новой России.

Распределение ответов на вопрос о том, какие лозунги периода Великой Отечественной войны были им наиболее близки и запомнились, свидетельствует о том, что духовные, а не материальные ценности для них являются главенствующими и в мирное, но сложное для Отечества время им свойственны готовность пожертвовать личным благополучием ради великой цели, ради интересов общества, непримиримость к тайным и явным врагам России, интернационализм, уверенность в неизбежном торжестве идеи сильного Российского государства.

Имея возможность в силу своего возраста проводить исторические параллели, при ответе на вопрос о внутривнутриполитической, экономической ситуации и международной обстановке с конца 30-х годов и до наших дней, несмотря на воспитанный десятилетиями интернационализм, ветераны с большой осторожностью и осмотрительностью оценили соотношение сил, международную ситуацию и положение России в мире, степень её безопасности и характер угроз в кардинально изменившейся за последние годы геополитической ситуации. Об этом свидетельствует тот факт, что три четверти опрошенных придерживаются мнения, что в настоящее время сохраняется реальная угроза нападения на нашу страну, причём они видят её как со стороны традиционных противников России на международной арене, так и в новой, стремительно развивающейся её форме – международном терроризме, по мнению ветеранов, подогреваемом и провоцируемом глобалистскими амбициями США, некоторыми странами Запада и преступным бизнесом.

В целом ответы ветеранов на вопросы анкет отражают их обеспокоенность за судьбу страны и одновременно оптимизм, веру в лучшее будущее, веру в новые поколения россиян.

Библиографический список

1. *Иванов В. Н., Сергеев В. К.* Всегда Великая Победа. М. : Серебряные нити, 2006. ISBN 5-7556-0317-0. EDN [QPHKGP](#).
2. *Иванов В. Н., Сергеев В. К.* Всегда Великая Победа : Посвящено 75-й годовщине победы советского народа и его Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 264 с. ISBN 978-5-89697-329-4. EDN [FSRPHN](#).
3. Социология Великой Победы // Н. Ф. Азясский [и др.]; под общ. ред. В. П. Кузнецова. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2005. 492 с. ISBN 5-7556-0317-0.

4. Иванов В. Н. Великая Победа и послевоенный мир // ПОИСК. 2005. № 10. С. 32–40.
5. Дурново С. И. Моральные ценности советских воинов в Великой Отечественной войне: история и современность // ПОИСК. 2005. № 10. С. 89–97.
6. Гареев М. А. Ложь и фальсификация под видом «поиска правды» // Наука. Культура. Общество. 2005. № 1. С. 15–24.
7. Бессонов Б. Великий подвиг советского народа // Наука. Культура. Общество. 2005. № 1. С. 75–81.
8. Своим оружием : Воспоминания советских писателей, артистов, композиторов и художников об участии в Великой Отечеств. войне / Сост. И. Лупало. М. : Госкомиздат, 1961. 408 с.
9. Малый театр на фронтах Великой Отечественной войны: Сб. статей / Отв. ред. Л. Е. Шаповалов. М. : Искусство, 1949. 170 с.
10. Зинченко О. В. Награды победителям // ПОИСК. 2005. № 10. С. 3–7.

Поступила: 17.01.2025. Принята: 24.02.2025

Сведения об авторах:

Иванов Вилен Николаевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

vilen_ivanov@bk.ru

Author ID РИНЦ: 71693

Сергеев Владимир Кириллович, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры РФ, независимый исследователь. Москва, Россия.

dr-sergeev@mail.ru

Author ID РИНЦ: 433511

V. N. Ivanov¹, V. K. Sergeev²

¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

² Independent Researcher. Moscow, Russia

VETERANS ABOUT THE VICTORY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF HISTORICAL MEMORY

Abstract. On the threshold of celebrating the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945, we propose to assess the picture of those years from the perspective of real participants of military operations from the position of the current geopolitical situation. For this purpose, we present a fragment of the repeatedly republished book by V. N. Ivanov and V. K. Sergeev “Always a Great Victory”. It discusses the results of an interregional sociological study conducted by the Institute of Socio-Political Research of the FCTAS RAS together with the Moscow Institute of Socio-Cultural Programmes in March-June 2005 among 1400 combat veterans of the Great Patriotic War. Even then, the results of the research showed significant discrepancies between the opinions of veterans and the assessments of outside experts. Many of these discrepancies, in particular regarding the role of the USSR and the merits of the Allies, have reached a climax in the last three years, in the course of attempts to ‘cancel’ the significance of the contribution of Soviet soldiers to the achievement of victory. A sociological excursion into the history of our country and an analytical approach to key events of the past are necessary both for the preservation of historical memory and the education of patriotism in modern generations, and for a logical understanding of the events of the present.

Keywords: Great Patriotic War, veterans, patriotism, historical memory

For citation: Ivanov V. N., Sergeev V. K. Veterans about the Victory: a sociological analysis of historical memory. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):6–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.1>

References

1. Ivanov V. N., Sergeev V. K. Always a great victory. Moscow: Serebryanye niti; 2006. [In Russ.]. ISBN 5-7556-0317-0.
2. Ivanov V. N., Sergeev V. K. Always a great victory. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: FNISC RAN; 2020. [In Russ.]. ISBN 978-5-89697-329-4.
3. Azyassky N. F. [et al.]. Sociology of the Great Victory. Moscow: RITS ISPI RAN; 2005. [In Russ.]. ISBN 5-7556-0317-0.
4. Ivanov V. N. The Great Victory and the Postwar World. *POISK*. 2005;(10):32–40. [In Russ.].
5. Durnovo S. I. Moral values of Soviet soldiers in the Great Patriotic War: History and Modernity. *POISK*. 2005;(10):89–97. [In Russ.].
6. Gareev M. A. Lies and falsification under the guise of “search for truth”. *Science. Culture. Society*. 2005;(1):15–24. [In Russ.].
7. Bessonov B. The great feat of the Soviet people. *Science. Culture. Society*. 2005;(1):75–81. [In Russ.].
8. Lupalo I. (comp.). With their weapons: Memories of Soviet writers, artists, composers and artists about participation in the Great Patriotic War. Moscow: Goskomizdat; 1961. [In Russ.].
9. Shapovalov L. E. Maly Theatre at the fronts of the Great Patriotic War: Coll. of art. Moscow: “Iskusstvo”; 1949. [In Russ.].
10. Zinchenko O. V. Awards to the winners. *POISK*. 2005;(10):3–7. [In Russ.].

Received: 17.01.2025. Accepted: 24.02.2024.

Information about the authors:

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Philosophy,
Main researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
vilen_ivanov@bk.ru

Vladimir K. Sergeev, Doctor of Sociology, Honored Worker of Culture of the Russian
Federation, independent researcher. Moscow, Russia.
dr-sergeev@mail.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.2)
EDN [00DXWI](https://edn.nko.ru/00DXWI)
УДК 323.2

И. В. Воробьёва¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основания сосуществования и взаимодействия государственной власти, общества, отдельных социальных групп и общностей в рамках концепции «общественного договора». Автор показывает, что теория общественного договора является идеологической основой взаимоотношений государства, общества и граждан. В статье объясняется происхождение государства как института, в рамках которого реализуются права и свободы граждан и обеспечивается их защита и безопасность. Общественный договор рассматривается как некая идеологическая конструкция, которая обеспечивает баланс интересов большинства населения и политической власти и служит показателем устойчивости и стабильности государства. Эта концепция приобретает особую актуальность как в ситуации выборов власти, так и общего осмысления проблем общественного доверия, солидарности, поддержки гражданами существующего политического курса. Возможность существования общественного договора в общественном и политическом пространстве современной России автор рассматривает через следующие параметры: общественная цель/идея построения общества, средства и методы её достижения, одобрение народом действующей власти и доверие к ней, соответствие проводимой политики интересам граждан, согласование интересов и приоритетов различных социальных групп и общностей.

Ключевые слова: общественный договор, социальный контракт, общественная идея, государственная власть, гражданское общество, общественное доверие, солидарность

Для цитирования: Воробьёва И. В. Теория общественного договора и его отражение в общественном и политическом пространстве России // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 26–35. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.2). EDN [00DXWI](https://edn.nko.ru/00DXWI).

Благодарность: Статья выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00093 «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации», <https://rscf.ru/project/23-18-00093/>

Введение. Идеи принципов сосуществования государства и граждан являются актуальными с момента зарождения самого института «государства» как такового и не теряют своей важности до сих пор. Одной из теорий, объясняющих базовые основания такого взаимодействия, стала теория «общественного договора» как показатель баланса взаимодействия общественных интересов и политической власти.

Данное исследование ориентируется как на теоретические разработки, определяющие подходы к концепции «общественного договора», так и на результаты данных всероссийских опросов. На основе этих материалов выявлены

важнейшие показатели того, насколько общественные группы разделяют существующий общественный договор: одобрение политической и избирательной системы; оценка степени сплочённости в обществе; уровень согласия и доверия между государством и гражданами; поддержка проводимой государством политики; оценка выполнения государством своих обязательств; оценка своих возможностей влиять на проведение государственных решений.

Экспертами отмечается, что несмотря на то, что «общественный договор» – это социально-философская категория, а не какой-либо конкретный официальный документ, он воплощает в себе уровень общественного настроения, существующее в обществе *«согласие, доверие, возможность эффективного решения назревающих проблем, уверенность большинства народа в сегодняшнем и завтрашнем дне, т.е. всего, что характеризует степень устойчивости государства»* [1, с. 8].

Теоретические подходы к понятию «общественный договор». Концепция общественного договора как формы сосуществования государства и граждан в основном сформировалась к XVIII в. Наиболее весомый вклад внесли Т. Гоббс («повинуйтесь и будете находиться под защитой») [2], Дж. Локк («граждане по обоюдному согласию отдают небольшую часть прав ради защиты своих основных естественных прав, которые неотчуждаемы») [3], Ж.-Ж. Руссо («добровольное, выгодное и справедливое соглашение между государством и народом, забота об общем благе и благе каждого») [4] и П. Гольбах («взаимные обязательства гражданина и общества, государство обеспечивает гражданам защиту, порядок и вправе рассчитывать на их лояльность и участие») [5].

Концепция не потеряла актуальности и по сей день, этому посвящено достаточно большое количество работ зарубежных и отечественных исследователей.

Так, границы политической легитимности и степень и возможность принуждения индивида политической властью анализируются в работах Дж. Бьюкена [6]. Вопросы справедливости в отношениях государства и общества как формы взаимного сосуществования отражены в работах Дж. Ролза [7] и S. Freeman [8]. Круг проблем, связанных с осмыслением законности политической власти, которая достойна лояльности со стороны своих граждан, представлен в трудах F. D'Agostino, G. Gaus, J. Thrasher [9]. Важные идеи сосуществования граждан и государства раскрываются в работах М. Олсона, где затрагиваются идеи экономического процветания общества и то, какая власть нужна, чтобы это процветание обеспечить [10, с. 8]. Кроме того, в его работах вопросы взаимодействия граждан и власти рассматриваются через призму потребительского отношения, при котором граждане готовы пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании не хотят.

В работе А. А. Аузана анализируются политические последствия экономических решений власти, из которых складывается определённая «колея» развития страны [11, с. 3–18].

Эволюция идей и параметры общественного договора представлены в научных трудах Ж. Т. Тощенко [12], Т. Е. Абрамзон, А. В. Петрова [13], П. А. Горохова, В. В. Вялых [14], В. П. Макаренко [15], Н. Н. Равочкина [16], в том числе через осмысление путей развития концепции и перспектив её дальнейшего социально-философского использования [17].

Вопросы принятия общественного договора с позиций патернализма и экономической стабильности изучаются в работах Г. А. Явлинского [18], Е. А. Пахомовой [19].

Анализ классических источников, рассматривающих общественный договор в работах Т. Гоббса, Ж-Ж. Руссо, П. Гольбаха и отражение идей современных условиях произведён в работах И. В. Воробьевой [20], А. В. Кученковой [21], Г. В. Тартыгашевой [22].

Состояние и перспективы общественного договора в современных реалиях, «новые рамки» социального контракта между властью и обществом затронуты в работах Е. В. Балацкого, Н. А. Екимовой [23; 24], Ю. В. Воронина, А. В. Столярова [25].

Сегодня эксперты [1, с. 10–13] выделяют следующие качественные параметры общественного договора: общественная цель/идея построения общества, средства и методы её достижения, одобрение народом действующей власти и доверие к ней, соответствие проводимой политики интересам граждан, согласование интересов и приоритетов различных социальных групп и общностей. Насколько эти параметры общественного договора реализуются в общественном и политическом пространстве России? Существует ли в обществе согласие по основным, актуальным и жизненно значимым для народа проблемам?

Планы и перспективы общественного развития как основание общественного договора. Полагаем, можно говорить о том, что базовые идеи дальнейшего построения и развития российского общества находят своё отражение в выступлениях Президента России В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации. В Посланиях последних двух лет наглядно проявляются главные тезисы: построение сильной страны, экономическая и военная безопасность и защита России, формирование гражданских и традиционных нравственных ценностей, формирование «русского мира», укрепление групповой государственной идентичности россиян.

Согласно исследованию ВЦИОМ, из тех россиян, кто смотрел выступление Президента РФ 29 февраля 2024 г., 86% положительно оценили планы, представленные в докладе. Чуть более половины, следивших за Посланием, одобряют основные положения, озвученные лидером страны. Наибольшую поддержку вызывают национальные проекты «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры», поддержка военнослужащих и продление льготной ипотеки. Особую тревогу вызывают вопросы, связанные с конфликтом на Украине. Несмотря на то, что положительная оценка доминировала над отрицательной (а значит, основная часть граждан разделяет предложенные идеи развития страны), у 7% выступление вызвало недоверие, у 4% – разочарование и беспокойство. Примерно 8% граждан сомневаются, что Президенту РФ удастся реализовать декларируемые планы¹. Трактовать позицию воздержавшихся и тех, кто дал отрицательную оценку выступлению, можно по-разному: и как пассивную неподдержку, и как непонимание сути политических преобразований, и как неверие в технологии достижения декларируемых целей.

Оценка гражданами политической системы общества довольно лояльная, динамику этой оценки позволяют оценить данные мониторинга Института социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН. В 2024 г. 25% респондентов говорят о том, что сложившаяся политическая система их пол-

¹ Послание Президента – 2024: оценки // ВЦИОМ. 02 марта 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poslanie-prezidenta-2024-ocenki> (дата обращения: 11.01.2025).

ностью устраивает (для сравнения: в 1994 г. такой ответ выбрали 3% граждан, в 2011 г. – 12%). 50% выступают за изменение недостатков политической системы с помощью реформ (в 1994 г. – 45%, в 2011 г. – 41%). Необходимость радикальных изменений политической системы отмечают 12% россиян (в 1994 г. – 43%, в 2011 г. – 34%) [26, с. 12].

При этом Президент России остаётся практически единственным политиком, чей рейтинг высок в глазах граждан. 72% респондентов, согласно исследованию ИСПИ ФНИСЦ РАН полагают, что В. В. Путин «способен обеспечить России устойчивое развитие в будущем», и это высокий показатель, даже превышающий рейтинг 2014 г., составлявший 62%. Ещё 14% граждан полагают, что политика, способного обеспечить устойчивое развитие страны, в данный момент нет. 18% связывают надежду на улучшение жизни с главой Правительства РФ М. В. Мишустиним, 19% – с министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым, рейтинги остальных действующих политиков незначительны [26, с. 22].

Полагаем, можно говорить о том, что де-факто сегодняшний общественный договор с властью и государством – это, по сути, принятие фигуры действующего Президента РФ и проводимой им политики (уровень одобрения его деятельности в широких массах в настоящий момент достаточно высок – от 60% до 80% и выше по разным аспектам деятельности)². Отчасти это продемонстрировали выборы Президента РФ, которые являются самой реализуемой формой политической активности граждан.

По данным, представленным в СМИ Центральной избирательной комиссией, явка на выборы главы государства в марте 2024 г. с учётом электронного голосования составила 77,49%, а сам Президент набрал более 87% голосов избирателей³. При этом задолго до выборов было понятно, что никто из зарегистрированных кандидатов конкуренции действующему Президенту России составить не сможет.

Каждый четвёртый гражданин страны полагает, что страна развивается в неправильном направлении и нуждается в переменах [26, с. 55]. При этом даже при несогласии с реализуемым политическим курсом основная часть недовольных граждан не стремится к прямому противодействию с властью. Они выбирают пассивные формы политического протеста или вовсе отстраняются от политического участия в жизни общества [26, с. 68].

Пожалуй, исключение в виде протестного отъезда из страны составили волны эмиграции после начала специальной военной операции (СВО) – особенно это было заметно на примере IT-специалистов и представителей творческой отрасли. Однако и тут точная численность «разорвавших общественный договор» не поддаётся однозначной оценке. Во-первых, часть уехавших уже вернулась, а во-вторых, сложно оценить и мотивы того, что значил отъезд: это политическая позиция несогласия с государственным решением или экономические интересы конкретных людей и отраслей, страх перед мобилизацией и пр.

Среди населения достаточно выражен запрос на стабильность и нежелание перемен. Более 70% разделяют мнение, что «России в целях успешного

² Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 22 декабря 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-22122023> (дата обращения: 11.01.2025).

³ ЦИК России утвердила результаты выборов Президента Российской Федерации // ЦИК РФ. 21 марта 2024. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/55227/> (дата обращения: 11.01.2025).

развития нужно единство власти и народа, порядок в обществе и твёрдая рука» и то, что *«при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать»*. Меньше трети россиян полагают, что конкуренция между разными политическими партиями/силами есть необходимое условие демократического развития общества [26, с. 55]. В целом, единая сильная власть и единое руководство принимается значительной частью граждан как понятная форма политической жизни и устройства страны и, в целом, отвечает их видению «общественного договора» с властью. Безусловно, при высоком уровне одобрения действующего политического курса и В. В. Путина как главного политического актора, это может быть рассмотрено как поддержка основными массами существующего статус-кво. При этом отсутствие «сильных партий» и «сильных фигур» на политической арене не даёт серьёзно относиться к политической роли оппозиции, а отсутствие внятной политической конкуренции, полагаем, разрушает и сам процесс, и саму идею выборов власти. Именно поэтому в массовом сознании россиян «сложилось стереотипное представление о выборах как о формальной процедуре с заранее известными результатами» [27, с. 52].

Доверие как основа общественного договора. Доверие общества к политическим и социальным институтам есть один из важнейших критериев принятия гражданами базовых положений общественного договора и легитимности власти. В последние годы наблюдается укрепление доверия к так называемым государственным институтам. По данным респондентов, в 2024 г. абсолютное доверие Президенту РФ выказывают 75% граждан, Правительству РФ – 55%, армии – 74%, руководителям регионов – 47%, и это самые высокие показатели за последние 10–15 лет. К иным общественным институтам индекс доверия располагается значительно ниже: полиции, суду, прокуратуре «абсолютное доверие» выказывают 36%, общественным организациям – 35%, партиям, политическим движениям – 26% [26, с. 18].

Полагаем, что низкий уровень доверия проистекает не только из факта разочарования функционированием социальных институтов, органов и политических фигур. Во-первых, это связано с непониманием и незнанием их функционала, возможностей, реальных дел и решений. Во-вторых, нельзя отрицать, что в общественном сознании приоритет и предпочтение традиционно отдаётся «сильным» фигурам и институтам, которые, по мнению граждан, в состоянии решать насущные проблемы и воздействовать на ситуацию. К таковым граждане достаточно давно причисляют Президента и армию, именно они многие годы сохраняют стабильно высокий рейтинг доверия граждан.

Согласование общественных интересов. Реализация и принятие общественного договора связаны не только с консолидацией интересов граждан и власти, но и с составляющими общество социальными группами. При казалась бы высоком уровне поддержки и одобрения власти менее 38% опрошенных россиян считают, что государство защищает права *«всех граждан России»*, 41% полагают, что в нашем государстве защищают права *«богатых»*, а 23% – что государство, в первую очередь, защищает права *«государственной бюрократии»* [26, с. 16]. Только 38% считают, что в России обеспечивается *«равенство всех перед законом»*, почти половина говорит о нарушении прав на свободу слова, 25% – о невозможности реализовать право на свободу политического выбора [26, с. 25].

При этом анализ данных представленного мониторинга позволяет говорить о том, что в общественном сознании, несмотря на высокий уровень недовольства обозначенными выше проблемами гражданского и политического устройства страны, люди все-таки отмечают положительную динамику в осуществлении властью таких обязательств, как *«реализация социальных гарантий»* (от 30% в 2010 г. до 74% в 2024 г.), *«личная безопасность»* (от 22% в 2010 г. до 57% в 2024 г.), *«соблюдение прав человека»* (от 21% в 2010 г. до 62% в 2024 г.) [26, с. 25]. Полагаем, реализация именно этих важнейших для обыденного существования людей гарантий стала сегодня базовым основанием одобрения и поддержки власти, а значит, и существования общественного договора. Личная безопасность и социальная защита – потребности, которые большинство современных граждан ценят выше, чем гражданские и политические права (*«равенство перед законом и судом»*, *«право участвовать в управлении делами государства»*, *«свобода мысли и слова»*).

При общей формальной удовлетворённости россиянами положением дел в жизни и в стране в обществе сохраняется определённый разрыв между гражданами и политическими элитами. Больше половины граждан считают, что *«власти нет никакого дела до жизни простых людей»*. И хотя этот показатель ниже, чем за весь период мониторинга (75% в 2011 г.), он остаётся весомым [26, с. 27]. В качестве базовых общественных противоречий россияне выделяют противоречия между *«бедными и богатыми»* (59%), а также *«низшими и высшими классами»* (53%). Как важнейшее 45% граждан выделяют противоречие между *«населением и властью»* [26, с. 31].

В сознании и поведении людей сфера политики вытеснена на периферию интересов, распространена политическая аномия, адаптация к которой в различных социальных группах происходит по-разному: от приспособления до ретритизма. В 2024 г. 73% граждан считают, что *«не могут повлиять на политические процессы в стране»* [26, с. 29]. Эксперты констатируют: *«политика в России воспринимается людьми, как “место” функционирования властных групп, принципиально отличное от остального общества (и в значительной мере враждебное ему)»* [28, с. 31].

Тем не менее, рассуждая о выполнении государством своих основных обязанностей перед обществом, граждане отмечают, что государственная власть положительно реализует себя в части взимания налогов (76%), обороны страны (80%), развития культуры, науки и образования (71%) [26, с. 41]. Стоит отметить, что даже в случае недовольства основная часть граждан не склонна к активному протесту или отстаиванию своих прав. 22% говорят о том, что не готовы ни к каким способам отстаивания своих прав и интересов, 26% полагают, что все их интересы в достаточной мере защищены, а 22% готовы подписывать жалобы и обращения к властям разного уровня [26, с. 68]. Получается, что в сознании граждан самый простой и верный способ решения своих проблем – это жалобы вышестоящим руководителям, а ещё лучше – непосредственно Президенту РФ. Подобные примеры решения насущных проблем мы регулярно наблюдаем в ходе «прямых линий» и видеоконференций с участием Президента России, в котором люди видят не только гаранта решения своих проблем, но и главного субъекта соблюдения общественного договора от власти.

Выводы. Изменившаяся структура мирового порядка поставила перед Россией новые вызовы. Происходит цифровая и технологическая трансформация, по-новому выстраиваются отношения внутри нашей страны. Все это создаёт

для государства необходимость осваивать новые принципы и методы взаимодействия с гражданами, а значит, и новые условия/основания общественного договора. Кроме того, принятие общественного договора со стороны граждан – это не только оценка текущего положения дел в стране, это некая условная договорённость по поводу её будущего. В какой стране мы хотели бы жить? Какое будущее для себя желаем?

Обеспечение справедливости мира и законности в обществе, согласно массовым опросам, выступают главными запросами граждан к власти. Причём параметр обеспечения справедливости долгое время оставался главенствующим [26, с. 47]. После начала СВО, предположительно, запрос на справедливость уступает место запросу на безопасность. В исследованиях общественного мнения прослеживается, что граждане отмечают заслуги государства в части обороны страны (эту позицию разделяют 80%, и этот показатель за 15 лет вырос более, чем на 20 пунктов) [26, с. 41]. Неслучайно в посланиях Президента РФ в 2023 г.⁴ и 2024 г.⁵ большое внимание уделялось вопросам проведения СВО и социальной поддержке военнослужащих и их семей, развитию новых территорий, безопасности и экономической независимости страны, построению новых взаимоотношений в другими странами в условиях военного конфликта и т.д. Полагаем, что эффективное разрешение существующего военного конфликта и обеспечение условий послевоенной жизни для России и новых территорий может стать новым основанием общественного договора.

Библиографический список

1. *Тощенко Ж. Т.* Общественный договор, как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 3–15. DOI [10.31857/S013216250026379-9](https://doi.org/10.31857/S013216250026379-9). EDN [YCTSAА](https://www.edn.ru/ycstaa).
2. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 503 с. ISBN 5-244-00966-4.
3. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения : в трёх томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–407 с.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре : трактаты. М.: Канон-пресс : Кучково поле, 1998. 414 . ISBN 5-87533-113-5.
5. *Гольбах П. А.* Основы всеобщей морали, или Катехизис природы // Избранные произведения : в двух томах. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 6–82.
6. *Бьюкенен Д.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном (продолжение) // Муниципальная экономика. 2016. № 1(65). С. 2–14. EDN [VKZURV](https://www.edn.ru/vkzurv).
7. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер., науч. ред. и предисл В. В. Целищева. 3-е изд. М.: URSS, 2017. 534 с. ISBN 978-5-453-00137-8.
8. *Freeman S.* Justice and the social contract: essays on Rawlsian political philosophy. New York : Oxford University Press, 2007. 340 p. DOI [10.1093/oso/9780195301410.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780195301410.001.0001).
9. *D'Agostino F., Gaus G., Thrasher J.* Contemporary approaches to the social contract // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E. N. Zalta & U. Nodelman. 2014. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/contractarianism-contemporary/> (accessed: 11.01.2025).
10. *Олсон М.* Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. 209 с. ISBN 978-5-98379-168-8.
11. *Аузан А. А.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14, № 3. С. 3–18. EDN [SAMHPE](https://www.edn.ru/samhpe).

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [официальный сайт]. 21 февраля 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/70565> (дата обращения: 11.01.2025).

⁵ Послание Президента Федеральному собранию // Президент России: [официальный сайт]. 29 февраля 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 11.01.2025).

12. *Тощенко Ж. Т.* Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 98–121. DOI [10.19181/ezheg.2023.4](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.4). EDN [WOSWAN](#).
13. *Абрамзон Т. Е., Петров А. В.* Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 2. С. 406–424. DOI [10.15826/qr.2017.2.233](https://doi.org/10.15826/qr.2017.2.233). EDN [ZBEOBJ](#).
14. *Горохов П. А., Вялых В. В.* Современные модификации идеи общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 19–23. EDN [RRUAAZ](#).
15. *Макаренко В. П.* Общественный договор и проблема молчаливого согласия // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 141–151. EDN [OVXKKV](#).
16. *Равочкин Н. Н.* Общественный договор: генезис и модификация идей в новоевропейской социальной философии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2(141). С. 496–498. EDN [PGWXYR](#).
17. Социальный контракт: способы теоретизации и философские перспективы / Д. В. Рахинский, Г. В. Панасенко, Н. Н. Равочкин [и др.] // Философская мысль. 2023. № 10. С. 10–21. DOI [10.25136/2409-8728.2023.10.48490](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.10.48490). EDN [YZCEEQ](#).
18. *Явлинский Г. А.* Общественный договор – основа долгосрочной экономической стратегии // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14, № 4. С. 3–29. EDN [SWCBOD](#).
19. *Пахомова Е. А.* Потребительский патернализм как часть общественного договора в России // Философия права. 2015. № 3(70). С. 71–75. EDN [UIQCSP](#).
20. *Воробьева И. В.* Идеи Поля Гольбаха об общественном договоре и их значение для современности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4. С. 67–78. DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-67-78](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-67-78). EDN [PEGJQC](#).
21. *Кученкова А. В.* Народный суверенитет и право на восстание в концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4. С. 79–88. DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-79-88](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-79-88). EDN [CODTKI](#).
22. *Тартыгашева Г. В.* Идея общественного договора в трудах Томаса Гоббса // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4. С. 89–99. DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-89-99](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-89-99). EDN [KXHXNJ](#).
23. *Балацкий Е. В., Екимова Н. А.* Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации // *Journal of Applied Economic Research*. 2022. Т. 21, № 3. С. 604–636. DOI [10.15826/vestnik.2022.21.3.021](https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.3.021). EDN [USNCTD](#).
24. *Балацкий Е. В., Екимова Н. А.* Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 3. С. 74–90. DOI [10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090). EDN [FOTHWL](#).
25. *Воронин Ю. В., Столяров А. В.* К вопросу о выработке нового общественного договора // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11(63). С. 83–97. DOI [10.17803/2311-5998.2019.63.11.083-097](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.63.11.083-097). EDN [CXJSEE](#).
26. Как живешь, Россия?: экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](#).
27. Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 году: анализ и прогноз / Под ред. Г. В. Осипов, В. В. Локосова. М.: ИСПИ РАН, 2010. 376 с. ISBN 978-5-7556-0431-4. EDN [VVNFGS](#).
28. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / С. Г. Айвазова, М. В. Алешина, А. Б. Алферова [и др.]. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 524 с. ISBN 978-5-8243-1783-1. EDN [RDSQEB](#).

Поступила: 11.01.2025. Доработана: 05.02.2025. Принята: 19.02.2025.

Сведения об авторе:

Воробьёва Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент,
кафедра теории и истории социологии,

Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

vorobyova.irina@list.ru

Author ID РИНЦ: [654506](#); ORCID: [0000-0001-6522-3860](#)

THE THEORY OF THE SOCIAL COMPACT AND ITS REFLECTION IN THE PUBLIC AND POLITICAL SPACE OF RUSSIA

Abstract. This article examines the foundations of the coexistence and interaction of state power, society, individual social groups and communities within the framework of the concept of a “social compact”. The author shows that the theory of the social compact is the ideological basis of the relationship between the state, society and citizens. The article explains the origin of the state as an institution within which the rights and freedoms of citizens are realized and their protection and security are ensured. The social contract is considered as a kind of ideological structure that ensures a balance between the interests of the majority of the population and political power and serves as an indicator of the stability and stability of the state. This concept is becoming particularly relevant both in the situation of government elections and in the general understanding of the problems of public trust, solidarity, and citizens’ support for the existing political course. The author considers the possibility of the existence of a social compact in the public and political space of modern Russia through the following parameters: the public goal/idea of building a society, means and methods of achieving it, people’s approval of the current government and trust in it, compliance of the policy with the interests of citizens, coordination of interests and priorities of various social groups and communities.

Keywords: social compact, social contract, social idea, state power, civil society, public trust, solidarity

For citation: Vorobyova I. V. The theory of the social compact and its reflection in the public and political space of Russia. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):26–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.1.2>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00093 “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00093/>

References

1. Toshchenko Zh. T. Social contract as a noumenon: the experience of sociological understanding. *Sociological Studies*. 2023;(6):3–15. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250026379-9](https://doi.org/10.31857/S013216250026379-9).
2. Gobbs T. Leviathan, or the matter, form and power of a commonwealth ecclesiastical and civil. Moscow: Mysl'; 2001. (In Russ.). ISBN 5-244-00966-4.
3. Locke J. Two treatises of government. In: Locke J. Essays in 3 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 1988. (In Russ.). P. 137–407.
4. Rousseau J. J. Du contrat social: traités. Moscow: Kanon-press, Kuchkovo pole; 1998. (In Russ.). ISBN 5-87533-113-5.
5. Holbach P. Éléments de la morale universelle, ou Catéchisme de la nature. In: Holbach P. Selected works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Sotsekgiz; 1963. (In Russ.). P. 6–82.
6. Buchanan J. The limits of liberty: between anarchy and Leviathan. *Munitsipal'naya ekonomika*. 2016;(1):2–14. (In Russ.).
7. Rawls J. A Theory of justice. Moscow: URSS; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-453-00137-8.
8. Freeman S. Justice and the social contract: essays on Rawlsian political philosophy. New York: Oxford University Press; 2007. DOI [10.1093/oso/9780195301410.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780195301410.001.0001).
9. D'Agostino F., Gaus G., Thrasher J. Contemporary approaches to the social contract. In: Zalta E. N., Nodelman U. (eds.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2014. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/contractarianism-contemporary/> (accessed: 11.01.2025).
10. Olson M. Power and Prosperity : outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2012. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-168-8.

11. Auzan A. A. Social contract and civil society. *Universe of Russia*. 2005;14(3):3–18. (In Russ.).
12. Toshchenko Zh. T. The social contract: the evolution of ideas. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2023;21:98–121. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2023.4](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.4).
13. Abramzon T. E., Petrov A. V. (2017). Odic versions of the “Social Contract” in 18th-century Russia. *Quaestio Rossica*. 2017;5(2):406–424. (In Russ.). DOI [10.15826/qr.2017.2.233](https://doi.org/10.15826/qr.2017.2.233).
14. Gorokhov P. A., Vyalykh V. V. Contemporary revisions of the social contract idea. *Theory and Practice of Social Development*. 2013;(11):19–23. (In Russ.).
15. Makarenko V. P. Social contract and the problem of tacit consent. *Polis. Political Studies*. 2012;(2):141–151. (In Russ.).
16. Ravochkin N. N. Social contract: ideas genesis and modification in the new European social philosophy. *Eurasian Law Journal*. 2020;(2):496–498. (In Russ.).
17. Rakhinsky D. V., Panasenko G. V., Ravochkin N. N. Social contract: about approaches to its theoretization and its philosophical prospects. *Philosophical Thought*. 2023;(10):10–21. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-8728.2023.10.48490](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.10.48490).
18. Yavlinsky G. A. Social contract – the basis of long-term economic strategy. *Universe of Russia*. 2005;14(4):3–29. (In Russ.).
19. Pakhomova E. A. (2015). Consumer paternalism as a part of the public contract in Russia. *Philosophy of Law*. 2015;(3):71–75. (In Russ.).
20. Vorobyova I. V. Paul Holbach’s ideas about the social contract and their significance for nowadays. *RSUH/RGGU bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2023;(4):67–78. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-67-78](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-67-78).
21. Kuchenkova A. V. Popular sovereignty and the right to revolt in the conception of the social contract by J.J. Rousseau. *RSUH/RGGU bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2023;(4):79–88. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-79-88](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-79-88).
22. Tartygasheva G. V. The idea of a social contract in the writings of Thomas Hobbes. *RSUH/RGGU bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2023;(4):89–99. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2023-4-89-99](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-89-99).
23. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Social contract phenomenon: evolution of concepts and modern interpretations. *Journal of Applied Economic Research*. 2022;21(3):604–636. (In Russ.). DOI [10.15826/vestnik.2022.21.3.021](https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.3.021).
24. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Social contract in Russia: before and after 2022. *Journal of Institutional Studies*. 2022;14(3):74–90. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090).
25. Voronin Yu. V., Stolyarov A. V. On the issue of development new social contract. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(11):83–97. (In Russ.). DOI [10.17803/2311-5998.2019.63.11.083-097](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.63.11.083-097).
26. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
27. Osipov G. V., Lokosov V. V. (eds.). Russia: subjective and objective factors in overcoming crisis: social and socio-political situation in Russia – 2009 year. Moscow: ISPI RAN; 2010. (In Russ.). ISBN 978-5-7556-0431-4.
28. Aivazova S. G., Aleshina M. V., Alferova A. B. [et al.]. Civil and political in Russian public practices. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1783-1.

Received: 11.01.2025. Corrected: 05.02.2025. Accepted: 19.02.2025.

Information about the author:

Irina V. Vorobyova, Candidate of Sociology, Associate Professor,
Department of Theory and History of Sociology,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

vorobyova.irina@list.ru

ORCID: [0000-0001-6522-3860](https://orcid.org/0000-0001-6522-3860)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.3)
EDN [ADVZJS](https://edn.ru/ADVZJS)
УДК 316.3

И. С. Шушпанова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ СВО: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. В статье представлен социологический анализ ключевых индикаторов, характеризующих динамику социально-экономических настроений россиян в период проведения специальной военной операции. Эмпирическую базу исследования составили данные социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, за 2022 и 2024 гг. Авторская модель социологического исследования включает в себя изучение структуры общественных тревог, характера взаимоотношений государства и общества в контексте реализации социально-экономических преобразований, особенностей деприваций и оценок гражданами собственного материального положения. Было установлено, что за исследуемый период произошло частичное перераспределение приоритетных для россиян страхов. Повысилась значимость проблем обеспечения безопасности на разном уровне, в то же время отмечено снижение значимости экономических угроз на фоне роста оценки гражданами эффективности государственной политики в сфере экономических преобразований. Несмотря на снижение значимости, экономические тревоги остаются в лидерах, вынуждая граждан прибегать к самоограничениям. Проведённый факторный анализ позволил выявить ключевые компоненты, описывающие характер деприваций граждан. Первый фактор составили ограничения, связанные с витальными потребностями. На удовлетворении данных потребностей россияне старались не экономить. В состав второго фактора вошли социальные потребности граждан, временное ограничение которых не повлекло существенных изменений в их жизнедеятельности. Статистический анализ показал стабилизацию материального положения населения при снижении уровня бедности. В качестве позитивной тенденции зафиксирован рост денежного достатка среднего класса как результат усиления трудовой мотивации. Полученные результаты могут быть использованы для корректировки социальной политики государства и разработки мер по поддержанию социальной стабильности в кризисных условиях.

Ключевые слова: общество, государство, власть, депривации, материальное положение, тревожность, социально-экономическое положение, реформы, специальная военная операция, социально-экономические настроения

Для цитирования: Шушпанова И. С. Динамика социально-экономических настроений россиян в условиях СВО: социологическое измерение // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 36–49. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.3). EDN [ADVZJS](https://edn.ru/ADVZJS).

Введение. Актуальность изучения социальных настроений россиян в условиях проведения специальной военной операции (СВО) на Украине обусловлена рядом факторов. Во-первых, текущая геополитическая ситуация оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности граждан, формируя новые социальные риски и вызовы. Во-вторых, меняющийся характер общественных тревог требует своевременного научного осмысления для разработки соответствующей

щих мер государственной политики. В-третьих, необходимость понимания механизмов социальной адаптации населения в новых экономических условиях, в том числе в рамках антироссийских санкций, делает данное исследование особенно значимым.

Исследования социально-экономических настроений россиян носят междисциплинарный характер. В данной статье мы сосредоточимся на социологическом подходе, позволяющем зафиксировать ключевые социально-экономические показатели в оценках граждан. Субъективный аспект изучения особенностей социального благополучия граждан используется в исследованиях различных профессиональных, возрастных и других групп и социальных классов [1; 2; 3; 4]. Социологическое измерение социально-экономического положения граждан, проживающих в различных регионах, часто сопровождается статистическими сравнительными оценками и индикаторами, отражающими изменение объективных показателей [5; 6; 7].

Проблема исследования заключается в выявлении специфики динамики социально-экономических настроений россиян в период СВО и определении ключевых факторов, влияющих на самооценку населением своего материального положения. При этом остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как изменяются приоритеты потребления и характер деприваций у различных социальных групп в текущих условиях.

Эмпирическую базу представленного авторского исследования составили данные социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», который проводится на протяжении более 30 лет Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН под руководством доктора социологических наук В. К. Левашова. В частности, в анализ вошли результаты 52 и 54 этапов социологического мониторинга, проведённые в мае 2022 года и апреле 2024 года. [8; 9]. Выделенные ключевые характеристики выборки описывают использование квотно-пропорциональной модели. Её размер составил 1700 взрослых граждан России в рамках проведения каждого этапа.

Целью работы является комплексный анализ динамики социально-экономических настроений россиян в период СВО на основе данных социологического мониторинга. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: исследовать структуру общественных тревог граждан; проанализировать взаимоотношения государства и общества в контексте реализации социально-экономических преобразований; выявить особенности деприваций и оценок гражданами собственного материального положения; определить основные тенденции изменения социально-экономических настроений населения.

Социальная структура тревог граждан. Анализ данных социологического исследования, проведённого в апреле 2024 года Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, показывает, что экономические проблемы остаются доминирующими в структуре общественных тревог россиян. **Первый** базовый уровень тревог составили проблемы дороговизны жизни (49%) и роста цен на продукты питания (47%). Однако их значимость постепенно снижается на фоне усиления страхов, по большей части связанных с безопасностью и военными рисками. **Второй** уровень в иерархии волнений граждан заняли вопросы проведения специальной военной операции на Украине (30%), распространения терроризма (30%), повышения тарифов на услуги ЖКХ (29%), высокой инфляции (26%), угрозы ядер-

Рисунок 1. Распределение ответов россиян на вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?», РФ, % от числа опрошенных

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» ИСПИ ФНИСЦ РАН [8, с. 9–10; 9, с. 9–10].

ной войны (23%) и страха перед неопределённостью будущего (21%). В составе **третьего** уровня тревог граждан зафиксированы проблемы, находящиеся на периферии, связанные с произволом чиновников, коррупцией (18%), падением нравов, культуры (17%), отсутствием гарантии личной безопасности (17%), ростом преступности (15%), экологической обстановкой (14%), ухудшением отношений с США и Европой (13%), безработицей (13%), ухудшением материального положения пенсионеров (12%), экономическими санкциями против России (12%), углублением разделения общества на богатых и бедных (12%), обострением межнациональных отношений (12%) и распространением наркомании (12%). Самый низкий уровень тревог россиян составили вопросы закрытия или простоя предприятий (8%), роста алкоголизма (8%), мирового экономического кризиса (3%) и задержки выплаты зарплаты, пенсий (2%). Третичный эшелон социальных тревог сохраняет относительно стабильную структуру, однако отмечается тенденция к перераспределению приоритетов в сторону усиления внимания к вопросам правопорядка и криминогенной ситуации.

Описывая динамические характеристики отметим, что с начала специальной военной операции (СВО) на Украине существенно сократилось число граждан, которых волновали проблемы экономических санкций против России (на 12 п.п.), роста цен на продукты питания (на 11 п.п.), ухудшения отношений с США и Европой (на 11 п.п.), мирового экономического кризиса (на 9 п.п.), безработицы (на 8 п.п.) и страха перед неопределённостью будущего (на 6 п.п.) (см. рис. 1). В то же время в период с 2022 по 2024 годы социологические измерения позволили зафиксировать рост тревог россиян по следующим вопросам: проблемы проведения СВО на Украине (на 27 п.п.), распространение терроризма (на 22 п.п.), рост преступности (на 8 п.п.) и отсутствие гарантий безопасности (на 7 п.п.). В целом состав базового уровня тревог россиян за период проведения специальной военной операции на Украине не изменился. Однако на втором уровне в иерархии волнений граждан зафиксировано снижение значимости двух ключевых проблем: ухудшение отношения к России ряда стран на международной арене и тревог в сфере труда. При этом обострились опасения граждан, касающиеся вопросов обеспечения безопасности.

В апреле 2024 года общий уровень тревожности граждан имел достаточно высокие значения. В ходе проведения исследования 66% опрошенных отметили максимально допустимое количество позиций – пять различных проблем, вызывающих у них тревогу. Данный уровень тревожности условно можно оценить на 5 баллов по пятибалльной шкале. Значения тревог выше среднего – 4 и 3 баллов наблюдались у 18% и 11% россиян. Менее 10% респондентов выбрали одну или две ключевые, по их мнению, проблемы, которых их беспокоят (2% и 3% соответственно). Средний уровень тревожности граждан зафиксирован на отметке 4,4 баллов. В мае 2022 года данный показатель составлял 4,2 балла.

Взаимоотношения власти и общества: оценка социально-экономических реформ. Изучение взаимоотношений власти и общества в контексте оценки социально-экономических реформ подчёркивает существенную роль государства в обеспечении стабильности и улучшении качества жизни населения в кризисный период. По оперативной оценке Федеральной службы государственной статистики, в 2024 году уровень бедности составил 7,2% от общей численности населения. Годом ранее это значение находилось на уровне 8,3%. В целом в 2024 году количество граждан, находившихся за чертой бедности, составило 10,5 млн

человек. В начале 2025 года по сравнению с тем же периодом 2024 года индекс потребительских цен вырос почти на 10%. Больше всего подорожали продукты питания (рост на 11%), бензин (11%) и услуги ЖКХ (11%). Для поддержания уровня материального благосостояния и укрепления социальной защиты граждан в 2025 году, Правительство РФ приняло ряд законодательных актов, предусматривающих рост пенсий, пособий и выплат различным категориям граждан.

По данным апрельского исследования 2024 года, 50% респондентов положительно оценивали курс проводимых Правительством РФ экономических реформ (см. рис. 2). Негативное отношение по данному вопросу высказали 19% граждан. «Безразлично», – так ответили 16% россиян. Затруднились высказать свою точку зрения 15% опрошенных.

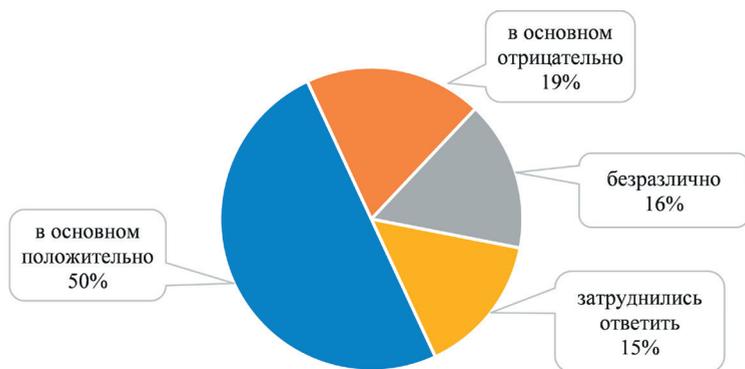

Рисунок 2. Распределение ответов россиян на вопрос: «Как Вы относитесь к экономическим реформам, проводимым Правительством?», РФ, апрель 2024 г., % от числа опрошенных,

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» ИСПИ ФНИСЦ РАН [9, с. 13–14].

Социологический мониторинг выявил положительную динамику общественного восприятия проводимых органами власти экономических преобразований: доля поддерживающих реформы граждан увеличилась с 42% в мае 2022 года до 50% в апреле 2024 года. При этом количество противников реформ сократилось с 23% до 19%. Число россиян, высказавших своё безразличие по данному вопросу, не изменилось и находилось на уровне 17–16%.

Рассмотрим более подробно отношение респондентов различных возрастных когорт к курсу экономических реформ, проводимых Правительством России. Позитивным аспектом можно считать то, что во всех анализируемых группах доминирует положительное мнение (см. табл. 1). Тем не менее, можно выделить некоторые существенные отличия во взглядах на экономические реформы. В молодёжной когорте (18–24 и 25–30 лет) второе место по числу ответов занимает вариант «безразлично», отражающий индифферентность выбранной позиции (26% и 25% соответственно). При этом количество молодых респондентов с негативным отношением существенно меньше по сравнению с другими возрастными группами. Далее с ростом возраста увеличивается число россиян, негативно относящихся к курсу экономических реформ. В возрастных интервалах 31–40 лет и 41–50 лет приблизительно равны доли респондентов, выбравших варианты ответов «в основном отрицательно» (20% и 16% соответственно)

и «безразлично» (18% и 17% соответственно). В возрастных когортах 51–60 лет и старше 60 лет наряду с положительным мнением наблюдалось существенное преобладание числа россиян, отрицательно относящихся к экономическим преобразованиям, как в своей группе, так и среди других возрастных интервалов (25% и 23% соответственно). Таким образом, старшее поколение более критично оценивает действия органов власти по сравнению с молодёжью. При этом молодое поколение предпочитает занимать позицию дистанцирования от проводимой властью политики.

Таблица 1

Распределение ответов россиян разных возрастных когорт на вопрос: «Как Вы относитесь к экономическим реформам, проводимым Правительством?», РФ, апрель 2024 г., % по каждой возрастной группе

Варианты ответов	18–24 лет	25–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
В основном положительно	50	49	46	54	48	51
В основном отрицательно	3	14	20	16	25	23
Безразлично	26	25	18	17	12	11
Затруднились ответить	21	12	16	13	15	15

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» ИСПИ ФНИСЦ РАН [9].

Улучшение взаимоотношений власти и российского общества по вопросу оценки проводимых социально-экономических преобразований фиксирует динамика распределений ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, отвечают или нет проводимые в стране экономические преобразования интересам большинства населения нашей страны?». В апреле 2024 года 44% россиян дали положительный ответ (см. рис. 3). Противоположных взглядов придерживались 31% респондентов. Затруднились ответить 25%.

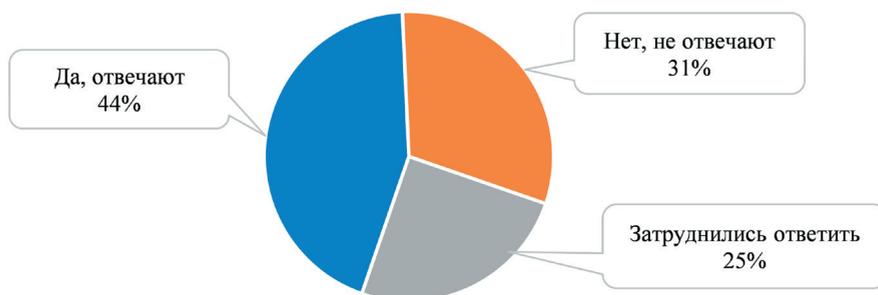

Рисунок 3. Распределение ответов россиян на вопрос: «Как Вы считаете, отвечают или нет проводимые в стране экономические преобразования интересам большинства населения нашей страны?», РФ, апрель 2024 г., % от числа опрошенных

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» ИСПИ ФНИСЦ РАН [9, с. 38–39].

С началом специальной военной операции на Украине ситуация, складывающаяся в различных сферах жизнедеятельности, стала стремительно меняться. Государство сыграло существенную роль в сдерживании социально-экономических рисков и стабилизации социального благополучия граждан. Результаты социологического мониторинга фиксируют позитивные изменения и поддержку курса социально-экономических реформ, инициированные органами власти. По сравнению с маем 2022 года в апреле 2024 года с 36% до 44% возросло число россиян, считавших, что проводимые в стране экономические преобразования отвечают интересам большинства населения нашей страны. В то же время с 42% до 31% снизилась численность респондентов – противников социально-экономических преобразований в России. Отметим, что за все годы проведения социологического мониторинга в российском обществе доминировало негативное мнение. Исключением стал 2024 год.

Исследование деприваций как фактора социально-экономического положения граждан. Для оценки социального благополучия населения ряд авторов используют депривационный подход. В его основе лежит анализ структуры потребления граждан, рассматриваемой в контексте разного уровня ограничений потребностей, необходимых для жизнедеятельности [10]. В исследованиях П. В. Белопащенко депривации изучаются в рамках анализа показателей субъективной бедности [11]. В её работах строится индекс депривации, который включает в себя 11 показателей: питание, лекарства, жилищная площадь, дополнительное образование, стоматология, одежда, условия жилья, медицинское обслуживание, собственное жильё, ИКТ, товары длительного пользования [12]. Авторы С. В. Устинкин и П. И. Куконков предлагают применять показатели социальной депривации для оценки уровня социальной напряжённости в различных группах населения [13]. Депривационный подход к исследованию социального благополучия используется в работах М. Ф. Черныша, П. Е. Сушко, А. С. Лысухо [14]. Структура депривационных параметров имеет динамический характер, актуализируясь под воздействием современных процессов [15].

По данным социологического исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН, наибольшее число граждан постоянно или изредка ограничивали себя в отдыхе, поездках в отпуск (37% и 38% соответственно) и в посещениях ресторанов, мест общественного питания (36% и 34% соответственно) (см. табл. 2). Изредка респондентам приходилось сталкиваться с лишениями, связанными с покупкой одежды и обуви (47%), товаров длительного пользования (44%), посещениями театра, кино (33%), улучшением жилищных условий, ремонтом жилья (38%). Никогда не отказывали себе наибольшее число граждан в потреблении электричества (65%), в поездках на транспорте, бензине для автомобиля (61%), в лекарствах (58%), в доступе к информационно-компьютерным технологиям, средствам коммуникации (53%), в продуктах питания (49%), в медицинском обслуживании (48%) и в получении дополнительного образования (39%).

Индекс депривации (Id), рассчитанный по каждому социологическому индикатору, характеризует степень ограничения ключевых потребностей граждан. Он описывает социально-экономическое положение россиян в социуме. Значения индекса изменяются в диапазоне от -1 до 1. Наибольшие значения индекса депривации зафиксированы у индикаторов самоограничений граждан, касающихся отдыха, поездок в отпуск (0,36), посещения ресторанов, мест общественного питания (0,34). Также депривации наблюдались у граждан в отношении

Таблица 2

**Распределение ответов россиян на вопрос:
«Как часто за последний год Вашей семье приходилось ограничивать себя
в следующем?», РФ, апрель 2024 г., % от числа опрошенных**

Позиции	Постоянно	Изредка	Никогда	Затрудняюсь ответить	Индекс депривации (Ид)
В отдыхе, поездках в отпуск	37	38	20	5	0,36
В посещениях ресторанов, мест общественного питания	36	34	19	11	0,34
В улучшении жилищных условий, ремонте жилья	33	38	23	6	0,29
В покупке товаров длительного пользования	27	44	23	5	0,26
В посещениях театра, кино	27	33	32	8	0,11
В одежде, обуви	15	47	36	2	0,03
В медицинском обслуживании	12	37	48	3	-0,18
В получении дополнительного образования	12	19	39	31	-0,18
В продуктах питания	10	39	49	2	-0,2
В лекарствах	9	30	58	3	-0,34
В доступе к информационно-компьютерным технологиям, средствам коммуникации	8	23	53	16	-0,34
В поездках на транспорте, бензине для автомобиля	7	28	61	4	-0,4
В потреблении электричества	7	26	65	2	-0,45

Источник: Расчёт по данным мониторинга «Как живёшь, Россия?» ИСПИ ФНИСЦ РАН [9].

улучшения жилищных условий, ремонта жилья (0,29) и покупок товаров длительного пользования (0,26). В то же время по оценкам россиян, их ограничения коснулись посещения театра, кино (0,11), покупок одежды и обуви (0,03). В «зелёной зоне» депривации находились остальные анализируемые жизненно важные показатели, связанные с витальными потребностями. Полученные в ходе расчётов отрицательные значения индекса данных показателей указывают на преобладающие недепривационные характеристики, то есть наибольшее число граждан старались не экономить на удовлетворении данных потребностей. Однако 7–12% россиян постоянно ограничивали себя в потреблении электричества, в поездках на транспорте, бензине для автомобиля, в доступе

к информационно-компьютерным технологиям, средствам коммуникации, в лекарствах, в продуктах питания, в получении дополнительного образования и в медицинском обслуживании. Удовлетворение анализируемых потребностей в рамках депривационного подхода коррелирует с самооценкой граждан своих денежных доходов. Рассчитанные коэффициенты связи, статистически значимые на уровне 0,05, фиксируют корреляции разной силы. С ухудшением субъективных оценок материального положения граждан усиливается витальная депривация, связанная с ограничениями в покупках продуктов питания, одежды и обуви, товаров длительного пользования.

Проведённый факторный анализ по депривационным показателям позволил выделить два латентных компонента, характеризующих сущность самоограничения ключевых потребностей россиян. Предварительно проведена оценка адекватности выборки (КМО=0,92) и наличия корреляционных связей между показателями на статистически значимом уровне 0,01. Факторный анализ базировался на использовании метода главных компонент и ротации по методу Varimax.

Таблица 3

**Двухфакторная модель, построенная по депривационным показателям
(результаты после ротации)**

Факторы	Индикаторы ограничений потребностей	Факторные нагрузки
Фактор 1 (доля общей дисперсии 58%)	В поездках на транспорте, бензине для автомобиля	0,825
	В потреблении электричества	0,799
	В лекарствах	0,796
	В продуктах питания	0,731
	В медицинском обслуживании	0,707
	В доступе к информационно-компьютерным технологиям, средствам коммуникации	0,678
	В одежде и обуви	0,649
	В получении дополнительного образования	0,520
Фактор 2 (доля общей дисперсии 9%)	В посещениях ресторанов, мест общественного питания	0,857
	В посещениях театра, кино	0,806
	В улучшении жилищных условий, ремонте жилья	0,741
	В покупке товаров длительного использования	0,692
	В отдыхе, поездках в отпуск	0,690

В состав первого фактора входят индикаторы депривации, связанные с удовлетворением физиологических потребностей, а также безопасности: ограничения в поездках на транспорте, бензине для автомобиля, в потреблении электричества, в лекарствах, в продуктах питания, в медицинском обслуживании, в доступе к информационно-компьютерным технологиям, средствам коммуникации, в одежде и обуви, и в получении дополнительного образования. Именно первых пять индикаторов вносят существенный вклад в формирование данного фактора.

Второй фактор тесно связан с социальными потребностями более высокого уровня, а также потребностями, удовлетворение которых граждане готовы от-

ложить по времени без существенных потерь: ограничения в посещениях ресторанов, мест общественного питания, в посещениях театра, кино, в улучшении жилищных условий, ремонте жилья, в покупке товаров длительного использования и в отдыхе, поездках в отпуск. Анализ показал, что значения индекса депривации по индикаторам из первой группы находятся в «зелёной зоне», а из второй – в «красной зоне».

Самооценка материального положения граждан. Субъективная оценка денежного благополучия выступает ключевым индикатором социально-экономического положения населения, отражающим адаптацию граждан к текущим жизненным условиям. В апреле 2024 года на вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение вашей семьи в настоящее время?» большинство граждан оценили его как среднее (58%) (см. рис. 4). Варианты ответов «очень хорошее» и «хорошее» выбрали 1% и 19% респондентов соответственно. Противоположного мнения придерживались 18% и 1% граждан, материальное благополучие которых находилось на уровнях «плохое» и «очень плохое». Затруднились ответить 3% опрошенных. За два года структура распределения мнений граждан существенно не изменилась. Таким образом, согласно самооценкам, можно наблюдать отсутствие негативных тенденций и стабилизацию восприятия своего материального положения гражданами.

Другой аспект субъективной оценки граждан своего социально-экономического положения тесно связан с изучением социальных деприваций в соотношении с материальными расходами. По данным социологического мониторинга, 19% россиян находились в зоне экономической уязвимости на грани нищенства и бедности. Им денег хватало только на приобретение продуктов питания (17%) или же совсем не хватало даже на покупку еды (2%). Не ограничивали себя в приобретении необходимых продуктов и одежды 54% россиян. Могли позво-

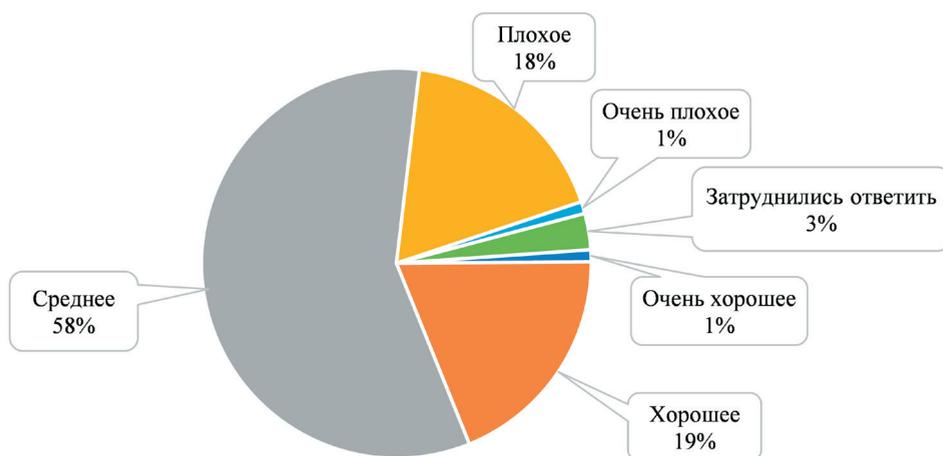

Рисунок 4. Распределение ответов россиян на вопрос: «Как Вы оцениваете материальное положение вашей семьи в настоящее время?», РФ, апрель 2024 г., % от числа опрошенных

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» ИСПИ ФНИСЦ РАН [9, с. 61].

лечь себе покупку большинства товаров длительного пользования 25% респондентов. Ни в чем себе не отказывали лишь 2% граждан. Отметим, что за два года с 17% до 25% возросло число обеспеченных россиян.

Исследование трудовой мотивации выявило положительную динамику. В апреле 2024 года большинство респондентов придерживались точки зрения, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие» (51%). Число их оппонентов зафиксировано на уровне 39%. Затруднились ответить 10% респондентов. По сравнению с маем 2022 года, число граждан с высокой трудовой мотивацией выросло с 45% до 51%. Численность противоположной когорты снизилась с 44% до 39%. Таким образом, с начала специальной военной операции на Украине, согласно самооценкам граждан, в динамике материального положения негативных тенденций не зафиксировано. Более того, выросла трудовая мотивация россиян, желающих работать и улучшать своё социально-экономическое благополучие.

Заключение. Проведённое исследование динамики социально-экономических настроений россиян в период проведения СВО позволило выявить ключевые тенденции адаптации населения к новым условиям жизнедеятельности. Несмотря на вызовы, с которыми столкнулось российское общество, ухудшения социального благополучия россиян не произошло. Полученные результаты показали перераспределение приоритетных общественных тревог в сторону усиления проблем безопасности при сохранении лидерства социально-экономических тревог в массовом сознании граждан. Вопросы безопасности, связанные проведением СВО, терроризмом и угрозой ядерной войны вышли вперёд по сравнению с тревожностью из-за общего ухудшения отношений с США и Европой и антироссийских санкций.

Анализ структуры общественных тревог, взаимоотношений государства и общества, особенностей деприваций и самооценок материального положения граждан показал, что несмотря на сложные реалии, социальное благополучие населения не претерпело ухудшения несмотря на инфляционные показатели и рост цен. Более того, отмечено снижение уровня бедности, увеличение числа обеспеченных граждан с 17% до 25%, а также рост трудовой мотивации населения. Меры государственной поддержки широких слоёв населения позволили снизить социально-экономические риски и были высоко оценены гражданами.

Депривационный подход к исследованию социально-экономического положения россиян позволил выделить два ключевых фактора, характеризующие различные аспекты ограничений потребностей граждан. Ключевые депривации вошли в состав первого фактора. Граждане чаще всего отказывали себе в удовлетворении социальных потребностей, прежде всего, в посещениях ресторанов, мест общественного питания, театра, кино и других. Россияне старались не экономить на удовлетворении витальных нужд, необходимых для поддержания жизнедеятельности (второй фактор деприваций).

Выявленные закономерности изменения социально-экономических настроений населения могут быть использованы для прогнозирования дальнейших тенденций развития социальной сферы и разработки мер по обеспечению социальной стабильности в условиях продолжающейся специальной военной операции.

Библиографический список

1. *Фадеева Е. В.* Социально-экономическое положение среднего медицинского персонала в ситуации пандемии коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1. С. 75–85. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-75-85](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-75-85). EDN [RLDTZX](https://www.edn.ru/RLDTZX).
2. *Дорошина А. В.* Социально-экономическое благополучие молодежи Европы и России как основание выстраивания жизненных стратегий // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 98–111. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.8). EDN [EXCZLA](https://www.edn.ru/EXCZLA).
3. *Тихонова Н. Е.* Влияние кризиса на жизнь российского среднего класса // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 48–64. EDN [WHRXVT](https://www.edn.ru/WHRXVT).
4. *Каравай А. В.* Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2(162). С. 121–137. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837). EDN [HBVFHG](https://www.edn.ru/HBVFHG).
5. *Пятшева Е. Н.* Социально-экономические особенности развития моногородов России // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3(27). С. 73–83. DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-73-83](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-73-83). EDN [PJXXGU](https://www.edn.ru/PJXXGU).
6. *Мукомель В. И.* Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2(150). С. 141–156. DOI [10.14515/monitoring.2019.2.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.07). EDN [QQVKVC](https://www.edn.ru/QQVKVC).
7. *Каминский В. С.* Социальное настроение жителей Вологодской области в условиях экономического кризиса // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 2(14). С. 21–39. DOI [10.19181/snsp.2016.4.2.4269](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.2.4269). EDN [WAIKVD](https://www.edn.ru/WAIKVD).
8. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022). EDN [BNJMLL](https://www.edn.ru/BNJMLL).
9. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](https://www.edn.ru/INPEEV).
10. *Шушпанова И. С.* Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ // Вопросы управления. 2023. № 2(81). С. 7–19. DOI [10.22394/2304-3369-2023-2-7-19](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-7-19). EDN [ZUWJUH](https://www.edn.ru/ZUWJUH).
11. *Белопашенцева П. В.* Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 78–90. DOI [10.31857/S013216250028306-9](https://doi.org/10.31857/S013216250028306-9). EDN [OQNXMT](https://www.edn.ru/OQNXMT).
12. *Белопашенцева П. В.* Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4(170). С. 110–129. DOI [10.14515/monitoring.2022.4.2224](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224). EDN [WUOLWD](https://www.edn.ru/WUOLWD).
13. Россия реформирующаяся : ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2021. 488 с. DOI [10.19181/ezheg.2021](https://doi.org/10.19181/ezheg.2021). EDN [FGVZZO](https://www.edn.ru/FGVZZO).
14. *Епихина Ю. Б., Черныш М. Ф., Сушко П. Е., Шилова В. А., Лысухо А. С.* Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. 95 с. DOI [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1). EDN [MDGGPD](https://www.edn.ru/MDGGPD).
15. *Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Тер-Акопов С. А.* Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 2. С. 51–63. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00015](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015). EDN [JFLDAB](https://www.edn.ru/JFLDAB).

Поступила: 01.02.2025. Принята: 05.03.2025.

Сведения об авторе:

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
i.s.shushpanova@mail.ru
Author ID РИНЦ: [152975](https://elibrary.ru/152975); ORCID: [0000-0002-2877-1814](https://orcid.org/0000-0002-2877-1814)

I. S. Shushpanova¹¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC ATTITUDES OF RUSSIANS UNDER THE CONDITIONS OF THE SWO: SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Abstract. The article presents a sociological analysis of the key indicators characterising the dynamics of socio-economic attitudes of Russians during the special military operation. The empirical base of the study is the data of sociological monitoring 'How are you, Russia?', conducted by the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, for 2022 and 2024. The author's model of sociological research includes the study of the structure of public anxieties, the nature of relations between the state and society in the context of the implementation of socio-economic transformations, the features of deprivation and citizens' assessments of their own financial situation. It was found that during the period under study there was a partial redistribution of priority fears for Russians. The importance of security problems at various levels has increased, while at the same time a decrease in the importance of economic threats has been noted against the background of an increase in citizens' assessment of the effectiveness of state policy in the sphere of economic transformation. Despite the decrease in significance, economic worries remain in the lead, forcing citizens to resort to self-restraint. The factor analysis allowed us to identify the key components describing the nature of citizens' deprivations. The first factor was restrictions related to vital needs. Russians tried not to save money to satisfy these needs. The second factor includes social needs of citizens, the temporary restriction of which did not cause significant changes in their life activities. Statistical analysis showed stabilisation of the material situation of the population with a decrease in the poverty rate. As a positive trend, the growth of money wealth of the middle class was recorded as a result of increased labour motivation. The results obtained can be used to adjust the state social policy and develop measures to maintain social stability in crisis conditions.

Keywords: society, state, government, deprivation, financial situation, anxiety, socio-economic situation, reforms, special military operation, socio-economic attitudes

For citation: Shushpanova I. S. Dynamics of socio-economic attitudes of Russians under the conditions of the SWO: sociological measurement. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):36–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.1.3>

References

1. Fadeeva E. V. Social and economic status of mid-level medical personnel during the coronavirus pandemic. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2022;(1):75–85. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-75-85](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-75-85).
2. Doroshina A. V. Socio-economic well-being of the youth of Europe and Russia as the basis for building life strategies. *Science. Culture. Society*. 2022;28(2):98–111. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.8).
3. Tikhonova N. E. The impact of crisis on the life of Russian middle class. *Social Sciences and Contemporary World*. 2016;(4):48–64. (In Russ.).
4. Karavay A. V. The behavior of Russians aimed at improving their financial situation in the era of COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(2):121–137. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837).
5. Pyatsheva E. N. Socio-economic features of the development of single-industry towns in Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2021;(3):73–83. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-73-83](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-73-83).
6. Mukomel V. I. Crimea in expectation of changes: socio-economic context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(2):141–156. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.2.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.07).
7. Kaminskii V. S. Social mood of inhabitants of Vologda region in economic crisis conditions. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2016;4(2):21–39. (In Russ.). DOI [10.19181/nsnp.2016.4.2.4269](https://doi.org/10.19181/nsnp.2016.4.2.4269).

8. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2022. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022).
9. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
10. Shushpanova I. S. The socio-economic situation of the Russians in the context of saving people: sociological analysis. *Management Issues*. 2023;17(2):7–19. (In Russ.). DOI [10.22394/2304-3369-2023-2-7-19](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-7-19).
11. Belopashentseva P. V. Official and subjective poverty in Russia: the impact of 2020–2021 events. *Sociological Studies*. 2023;(10):78–90. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250028306-9](https://doi.org/10.31857/S013216250028306-9).
12. Belopashentseva P. V. What does the deprivation approach say about Russian poverty? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(4):110–129. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.4.2224](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2224).
13. Gorshkov M. K. (ed.). Russia, which is being reformed: Yearbook: issue 19. Moscow: Novy Chronograf; 2021. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2021](https://doi.org/10.19181/ezheg.2021).
14. Epikhina Yu. B., Chernysh M. F., Sushko P. E., Shilova V. A., Lysukho A. S. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of empirical research. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' (INAB)*. 2020;1. (In Russ.). DOI [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1).
15. Korchagina I. I., Prokofieva L. M., Ter-Akopov S. A. Material deprivations in poverty estimations. *Population*. 2019;22(2):51–63. (In Russ.). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00015](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015).

Received: 01.02.2025. Accepted: 05.03.2025.

Information about the author:

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sociology, Associate professor;
Associate Professor of the Department of Applied Sociology,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

i.s.shushpanova@mail.ru

ORCID: [0000-0002-2877-1814](https://orcid.org/0000-0002-2877-1814)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.4)
EDN [DLFYVS](https://edn.dlrfyvs.com)
УДК 316.334.22:371.15

М. Б. Буланова¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В настоящее время российские учителя как социальная группа испытывают проблемы в выполнении своей основной миссии по образованию и воспитанию будущих поколений. Учитель выступает главным агентом социализации учащихся, влияющим на становление их мировоззрения, ценностных ориентаций, контролирует уровень и качество знаний, приобретенных на школьной ступени. В статье представлен социальный потенциал учительства в общественном и личном измерении; рассмотрен ряд объективных и субъективных причин, затрудняющих успешную реализацию данного потенциала. Сделан вывод, что факторами, положительно влияющими на социальный потенциал российского учительства, является высокий уровень их образования, историческая миссия профессии, безусловная поддержка со стороны общества. Вместе с тем, к отрицательным факторам можно отнести недофинансирование школьного образования со стороны государства, высокий уровень бюрократизации и низкий престиж профессии. Создание условий для развития социального потенциала учительства является неотъемлемой составной частью общественного договора этой части интеллигенции с властью.

Ключевые слова: социальный потенциал, российские учителя, школьное образование, общественный договор

Для цитирования: Буланова М. Б. Социальный потенциал российского учительства и проблемы его реализации // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 31, № 1. С. 50–58. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.4). EDN [DLFYVS](https://edn.dlrfyvs.com).

Благодарность: Статья выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00093 «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации», <https://rscf.ru/project/23-18-00093/>

Введение. Интерес научного сообщества к проблемам социального потенциала возрастает в период трансформации одной или нескольких сторон жизни современного общества. В этом случае закономерна постановка вопроса о ресурсах, резервах той или иной сферы или социальной группы в обеспечении устойчивого развития социума. В связи с наметившимися новыми трендами второй половины 1980-х – начала 2000-х годов, зарубежные исследователи начали активно разрабатывать тематику социального капитала как неотъемлемой части социального потенциала [1], а также обратили внимание на возрастание его значимости в свободном выборе возможностей для личностного роста [2; 3]. Особенно важными в плане изучения потенциала взаимодействия социальных структур и личности оказались работы Д. Коулмэна и Э. Гидденса [4; 5]. Примерно в это же время, в связи с началом перестройки российского

общества, проблемы социального потенциала в контексте мобилизации экономических и социокультурных ресурсов были подняты в работах М. К. Горшкова и Т. И. Заславской [6; 7]. О необходимости включения человеческого потенциала в сложный процесс воспроизводства новой социальной структуры (т.н. личностной составляющей общественной жизни) писали В. А. Ядов, З. Т. Голенкова, А. Г. Здравомыслов [8]. Разработка проблем человеческого потенциала повлекла за собой и рассмотрение роли отдельных социальных групп в общественной жизни. О молодёжной составляющей человеческого потенциала написала Ю. А. Зубок, выявив его изменение в условиях неопределённости и риска [9]. В течение 2010-х гг. российскими исследователями были достигнуты определённые успехи в изучении социального потенциала в целостности и многогранности, проявляющейся на уровнях общества и региона, организации и социальной группы [10; 11]. Оказалось, что социальный потенциал имеет свою динамику и показатели, различающиеся в зависимости от субъекта, его носителя.

В предлагаемой статье речь пойдёт о развитии потенциала социально-профессиональной группы учительства. Наблюдая динамику развития данной группы за последние 50 лет, американские исследователи М. Крафт и М. Лион зафиксировали устойчивый спад с 2010 г. нескольких показателей профессии учителя: престиж, интерес студентов к данному виду деятельности и удовлетворённость педагога условиями труда [12]. Среди факторов, влияющих на социальный потенциал данной группы, таких как стабилизация заработной платы, снижение гарантий занятости, падение авторитета учителей, на первое место в последние годы вышел фактор обеспечения их безопасности. Современная американская школа со стороны общественности стала ассоциироваться с местом возможного насилия и нападений не только на учащихся, но и на учителей [13]. Учёные показали, что, начиная с 2017 по 2022 гг., количество инцидентов со стрельбой в школах достигло уровня 100 случаев ежегодно. По их мнению, это способствует не только ограничению социального потенциала учительства как группы, но и уменьшению степени их влияния на общество.

Одними из первых о потенциале социально-профессиональной группы учителей в деле развития различных форм российского образования, задумались Ф. Г. Зиятдинова, Г. Е. Зборовский и Е. А. Шуклина [14; 15]. В течение двух десятилетий XXI в. постоянный процесс реформирования образовательной сферы в России удерживал интерес социологов к проблемам воспроизводства и раскрытия потенциала учительства. В данной статье представлена динамика развития социального потенциала российского учительства в общественном и личностном измерении.

Профессия учителя относится к одной из самых сложных, требуя постоянной самоотдачи в коммуникации с интеллектуально и нравственно незрелыми личностями. Социальная значимость этой профессии огромна, ведь речь идёт о подготовке молодого поколения к жизни и труду в обществе. Социальный потенциал учительства – интегральная характеристика качеств и возможностей педагогов, реализующихся в образовательной среде под воздействием определённых факторов. Сущностной чертой данного потенциала является способность учителей к активной деятельности по предоставлению необходимых знаний, умений и навыков учащимся. Социальный потенциал учительства имеет две составляющие – общественную и личностную. В первом значении это ис-

пользование обществом профессиональных навыков учительства, во втором значении – возможности для личности применить свои качества в профессиональной деятельности.

Социальный потенциал учительства в общественном измерении. Для государства вопросы школьного образования были в числе первоочередных и в советский период, когда с помощью учительства были реализованы грандиозные проекты ликвидации неграмотности и повышения общего культурного уровня жителей, и в постсоветский период перестройки и реформирования российского общества. Вместе с тем, на протяжении всего исторического периода, в силу разных обстоятельств, на сферу образования вообще и школьного образования, в частности, выделялось недостаточно средств. В 2022 г. в России государственные расходы на образование составляли 4% от ВВП, в то время как соответствующие расходы государств ОЭСР – 5–6%.

Динамика числа средних учебных заведений, контингента учащихся, а также постоянное реформирование школьного образования отражались на колебаниях востребованности учительства, а, значит, и на подготовке кадров учителей в высших учебных заведениях. И если до 1990 г. наблюдался рост доли педагогов среди специалистов с высшим образованием (в среднем 30% от всех выпускников вузов), то к 2020 г. этот показатель существенно снизился – до 12,5%, а выпуск вузами педагогов составил 10,7%¹. По мнению ряда исследователей, объективными причинами такого уменьшения можно считать развернувшийся в 2010–2015 гг. процесс укрупнения городских и малокомплектных сельских школ. Однако действовал и фактор, связанный с существующей оценкой труда педагогов. Конечно, правительство в этот период приняло меры, повысив номинал заработной платы учителей, но за счёт сокращения их численности и роста нормативной нагрузки на оставшихся работать в школе [16, с. 47].

Начавшийся экономический кризис нивелировал достигнутый рост заработной платы учителей, а интенсивность их нагрузки осталась прежней с тенденцией к увеличению [17]. Этот вывод подтверждается данными статистики. Так, с 2021/22 до 2022/23 учебного года произошло очередное сокращение численности учителей (с 1083,4 тыс. чел. до 1079 тыс. чел.) при росте интенсивности их труда (если в 2013/2014 уч. г. на 1 учителя приходилось 13 учеников, то в 2022/23 уч. г. – 20 учеников)². Понятно, что ведение профессиональной деятельности в классах с наполняемостью более 40 человек, – весьма сложная задача и требует от учителя не только поддержки дисциплины в классе, но и умения выстроить траекторию обучения предмету в отведённое на урок время, не позволяющее опросить всех учащихся.

Несмотря на тот факт, что в стране в настоящее время насчитывается 319 классических университетов с педагогическими специальностями и 38 педагогических вузов, сложился и поддерживается постоянный дефицит кадров молодых учителей. С целью привлечь выпускников ведущих российских вузов в обычные, с невысоким уровнем достигнутых показателей, средние школы, с 2015 г. действует общероссийская программа «Учитель для России», разработанная Некоммерческим благотворительным фондом поддержки и развития

¹ Индикаторы образования: 2023 г.: статистический сборник. М.: ВШЭ, 2023. С. 240. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/819352620.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

² Индикаторы образования: 2024 г.: статистический сборник. М.: ВШЭ, 2024. С. 260, 262. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/898893701.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

образования «Новый учитель». Пройдя серьёзный предварительный отбор, на два года стипендиаты проекта становятся учителями, получают методическую поддержку по своему предмету, помогают учащимся достигнуть наилучших результатов в учёбе. К 2023 г. в программе приняли участие 700 молодых специалистов, 95% из которых продолжили работу в сфере образования. Конечно, в масштабах России – это совсем небольшая, но все-таки поддержка для молодых педагогов.

Наличие отвечающего необходимым требованиям профессии кадрового состава является непременным условием развития социального потенциала учительства. Вместе с тем, в последнее время наблюдается ряд тревожных явлений, затрудняющих приход в профессию нового пополнения. Недостаточное пополнение учительства молодёжью приводит к старению педагогического состава школ. Возрастные педагоги, конечно, обладают необходимым опытом в профессии, но у них снижено стремление к здоровой конкуренции, наблюдается низкая мотивация к введению инновационных форм преподавания и внедрению новых технологий. Показательным периодом в этом отношении стала эпидемия коронавируса 2020–2022 гг. Вынужденный переход на дистанционное обучение оказался сложным и технически, и психологически для пожилых педагогов. Преобладание возрастных педагогов в конечном счёте приводит к созданию образовательной среды, неблагоприятной для закрепления молодых учителей в школах.

Ещё одна проблема связана с феминизацией учительской профессии. Данные статистики показывают, что за период с 2017 по 2021 г. 85,4% выпускников-педагогов вузов составляли женщины³. Для мужчин приход в профессию педагога связан с преодолением двух барьеров: недостаточной оплаты труда и невысокого престижа профессии. В последние годы ситуация начинает понемногу изменяться, однако можно скорее наблюдать процесс трудоустройства в школы молодых мужчин в крупных городах, чем сельских поселениях.

Наконец, отношение общества к профессии учителя неоднозначно. Востребованность профессии не вызывает у россиян сомнений, однако престиж профессии оценивается скромнее. По данным исследований ВЦИОМ в 2022 г., престижность профессии учителя по пятибалльной шкале оценивается на 3,19, а доходность профессии составляет 2,73 балла⁴. Поддерживается и стереотипное представление о том, что учитель – женская профессия. В упомянутом исследовании был задан вопрос о желанности профессии учителя для подрастающих детей или внуков. Для девочек этот показатель составил 2,91 баллов из 5, для мальчиков – 2,46.

Итак, можно сделать вывод о недостаточном уровне поддержки социально-профессиональной группы учителей со стороны государства, несмотря на то, что профессия учителя воспринимается общественностью как необходимая для социализации молодого поколения.

³ Обследование рабочей силы–2022 (2017–2021). Выборка – 2181 чел. выпускников-педагогов из 20546 чел. выпускников вузов. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ORS-2022-all.rar> (дата обращения: 04.02.2025).

⁴ Профессия: учитель! // ВЦИОМ. 05 октября 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-privlekatelnost> (дата обращения: 09.02.2025). Выборка: во всероссийском телефонном опросе «ВЦИОМ-Спутник» приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет.

Социальный потенциал учительства в личностном измерении. Профессия учителя – одна из тех, для овладения которой требуется высокий уровень личностной мотивации как во время обучения, так и при устройстве на работу по специальности [18]. По данным статистики, в 2021 г. только у 16,5% выпускников педагогических вузов не возникло трудностей при поиске работы, т.к. большая часть из них уже была трудоустроена в период обучения. Среди причин, по которым выпускники не выбрали работу учителя, были названы: отсутствие вакансий по полученной специальности (31%), низкий уровень зарплаты (29%), не устроили условия труда (20,6%)⁵. Первый показатель является прямым следствием выдачи выпускникам дипломов с квалификацией «бакалавр педагогики», требующей конкретизации по факту полученной специальности на рабочем месте. Зарплатные ожидания выпускников часто оказываются гораздо выше реального предложения. Что касается условий труда, то здесь затронуто множество факторов – от графика работы до заполнения журналов и других документов отчётности [19]. В случае с теми выпускниками-педагогами, которые в конечном итоге выбрали работу не по специальности, их образовательный потенциал оказался невостребованным, ненужным, а бюджетные средства государства – напрасно потраченными.

Для тех молодых педагогов, которые устроились работать по специальности, важным является период адаптации к полученной профессии. Согласно собранным статистическим данным, в первую очередь 26,6% молодых педагогов столкнулись со стрессовыми ситуациями на рабочем месте и оказались неготовыми к ним. Причём неблагоприятное сочетание этих стрессов с личными особенностями чревато для учителя возможностью профессионального выгорания независимо от стажа работы [20]. 24,5% не хватило умения применить технические навыки к собственному предмету обучения. 19,2% молодых учителей отметили перегрузку в работе с электронными и бумажными документами, в том числе, необходимость вести родительский чат и быть на постоянной связи не только в школе, но и дома. 12,7% столкнулись с необходимостью вести переговоры с детьми и родителями, самостоятельно решать конфликтные ситуации⁶.

Кроме того, одной из важных проблем, с которыми сталкиваются молодые учителя на рабочем месте, является противоречие между идеальным образом учителя, сформированном в сознании россиян, и образом реального учителя в конкретных условиях работы в определённой школе. Интересен факт, установленный ВЦИОМ в ходе проведения опроса россиян в 2022 г. Оказывается, идеальный образ учителя в общественном мнении может меняться достаточно часто. Так, например, если в феврале 2022 г. на первое место в образе хорошего школьного учителя выходили качества компетентности, знаний, квалификации (23%), то в октябре 2022 г. эти качества заняли четвертую позицию, а на первой оказались доброжелательность, уважение учеников (32%), ранее занимавшие вторую позицию. Стабильную третью позицию и в первом, и во втором опросе заняли такие качества, как любовь к детям и забота о них (19% и 21% соответственно). На второй позиции в октябре 2022 г. оказались качества порядочности, честности, справедливости (25%). Таким образом, можно отметить усиление запроса на личностные качества учителя, его способность к коммуни-

⁵ Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников (ВТР-2021). Выборка: 1188 выпускников-педагогов из 10763 чел. выпускников. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 09.02.2025).

⁶ Там же.

кации с детьми, тогда как его образованность и подготовка отходят на второй план. Портрет хорошего учителя выглядит так: доброжелательный, порядочный и справедливый, любит детей, образованный, умный и разносторонний. Именно этому образу и приходится соответствовать молодому педагогу⁷.

Молодые россияне от 18 до 24 лет практически не поддерживают мнение, что учитель – это призвание (4%), в то время как общий массив опрошенных сохраняет это убеждение (15%). Молодые люди ищут в учителях альтернативу родителям, т.к. на первое место ставят доброту и уважение к учащимся (45%), а затем внимательность и душевность (31%)⁸. Отсюда меняется и стиль общения: на учителей сердятся, обижаются, выясняют с ними отношения, требуют индивидуального подхода и понимания личных обстоятельств. В итоге ученики делают учителей ответственными за все жизненные неурядицы и неудачи, с которыми они сталкиваются в период обучения в школе. Понятно, что не каждый молодой педагог согласится добровольно взвалить на себя такой тяжёлый груз. Да и у возрастных педагогов не всегда получается справляться с негативными эмоциями. Отсюда неутешительные данные сервиса SuperJob, что в числе факторов того, почему современные дети не любят школу, оказалась травля ребёнка со стороны учителя. Так ответили 16% опрошенных родителей, имея в виду тот факт, что некоторые учителя отказываются признать в учениках самостоятельных личностей⁹. Нередко в услугах школьного психолога нуждаются не только ученики, но и учителя. Личностное переживание учителем своей негативной роли оказывает влияние на динамику престижа профессиональной группы в целом. Понятно, что школьники, подвергшиеся буллингу со стороны учителей, с большой вероятностью в будущем не выберут в качестве сферы своей профессиональной деятельности педагогику. Однако более ощутимым ударом по престижу профессии является тот факт, что имеющийся единичный негативный опыт будет осознан вышедшим из стен школы выпускником как характеристика социально-профессиональной группы учительства в целом.

Данные статистики убедительно свидетельствуют о том, что практически каждый десятый трудоустроенный молодой педагог намерен в ближайшее время сменить место работы и уйти из профессии. Тем не менее, удовлетворённость от работы, которую демонстрируют молодые педагоги, достаточно высокая. Подавляющее число работающих учителей (93,7%) довольны содержанием своего труда, что позволяет отнести данную профессию к творческим, позволяющим личности раскрывать свои потенциальные возможности в процессе активной деятельности¹⁰.

Выводы. Социальный потенциал социально-профессиональной группы учительства – это динамический ресурс, зависящий как от внешних обстоятельств, так и от внутренних качеств педагогов. В России сложились исторические условия для поддержки достаточного уровня данного потенциала, однако

⁷ Профессия: учитель! // ВЦИОМ. 05 октября 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitelja-prestizhnost-dokhodnost-privilekatelnost> (дата обращения: 09.02.2025). Выборка: во всероссийском телефонном опросе «ВЦИОМ-Спутник» приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет.

⁸ Там же.

⁹ Проблему травли в школах выведут на новый уровень // Метро. 28 января 2025 г. С. 11.

¹⁰ Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников (ВТР-2021). Выборка: 1188 выпускников-педагогов из 10763 чел. выпускников. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения: 09.02.2025).

это больше заслуга самих учителей и результат их самоотверженного труда на благо общества. В современных условиях социальный потенциал российского учительства недостаточно раскрыт. Проблемы его реализации связаны с понижением престижа профессии педагога. В широком смысле престиж профессии педагога связан с признанием её ценности, значимости для общества. В узком смысле – с субъективным восприятием, личностным переживанием со стороны её субъекта – учителя. В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, – никто не сомневается в важности и значимости профессии учителя для общества, однако социально-профессиональная группа учительства не получает достаточной поддержки со стороны государства и общественности для полной реализации своего социального потенциала. В этом смысле общественный договор между властью и учительством можно признать частично состоявшимся. Для полной его реализации требуется увеличение государственных инвестиций в образование и повышение статуса профессии учителя в российском обществе.

Библиографический список

1. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Richardson. New York : Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
2. Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York : Simon & Schuster, 2000. 544 p. ISBN 978-0-7432-0304-3.
3. Sen A. Development as freedom. Oxford : Oxford University Press, 1999. 384 p. ISBN 978-0198297581.
4. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. № 1. P. 95–120. DOI [10.1086/228943](https://doi.org/10.1086/228943).
5. Giddens A. The constitution of society. Berkeley : University of California Press, 1984. 402 p. ISBN 0-520-05292-7.
6. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002. М. : РОССПЭН, 2003. 512 с. ISBN 5-8243-0437-8. EDN [SDCPDN](https://elibrary.ru/SDCPDN).
7. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М. : Дело, 2003. 566 с. ISBN 5-7749-0277-3. EDN [QOCHND](https://elibrary.ru/QOCHND).
8. Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Институт социологии РАН, 1998. 696 с. ISBN 5-89697-011-0. EDN [TCIOAB](https://elibrary.ru/TCIOAB).
9. Зубок Ю. А. Молодежь в воспроизводстве человеческого потенциала российского общества // Человеческий потенциал современной России : сб. ст. / Под ред. Г. Х. Шингарова, И. Е. Задорожнюка. М. : Изд-во СГУ, 2005. С. 132–184.
10. Беляева Л. А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 51–64. EDN [RDRCCX](https://elibrary.ru/RDRCCX).
11. Каргаполова Е. В. Категория «потенциала региона»: специфика проблемного поля // Научный потенциал регионов России на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей. Астрахань : АИСИ, 2013. С. 144–154.
12. Kraft M., Lyon M. The rise and fall of the teaching profession: prestige, interest, preparation, and satisfaction over the last half century // EdWorkingPaper. 2024. No: 22-679. DOI [10.26300/7b1a-vk92](https://doi.org/10.26300/7b1a-vk92).
13. Картова А. Ю. Проактивная система предотвращения инцидентов скулшутинга: что имеет значение? // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 83–98. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.6). EDN [AKJJCV](https://elibrary.ru/AKJJCV).
14. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. М. : Гардарика, 2005. 383 с. ISBN 5-8297-0237-1. EDN [QODURT](https://elibrary.ru/QODURT).
15. Зиятдинова Ф. Г. Социальные проблемы образования. М. : РГГУ, 1999. 281 с. ISBN 5-7281-0289-1.
16. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN [DMQCRN](https://elibrary.ru/DMQCRN).

17. Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л., Царьков П. Е. Условия труда педагогов: хронометрический и социологический анализ. М. : Соционцентр, 2016. 327 с. ISBN 978-5-906001-47-4. EDN FWUTFK.
18. Буланова М. Б. Педагог: грани профессионального становления // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 4. С. 89–98. DOI 10.28995/2073-6401-2022-4-89-98. EDN QKSYMM.
19. Осипов А. М., Матвеев В. В., Матвеева Н. А., Воронцова Т. И. Школьные администраторы: агенты и жертвы бумажного прессинга // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 71–79. DOI 10.31857/S013216250014215-9. EDN NTSRIF.
20. Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25. DOI 10.31857/S013216250004949-6. EDN RBKSMV.

Поступила: 12.02.2025. Принята: 14.03.2025.

Сведения об авторе:

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

marina_bulanova@inbox.ru

Author ID РИНЦ: 112262; ORCID: 0000-0002-0001-6315

M. B. Bulanova¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

SOCIAL POTENTIAL OF RUSSIAN TEACHERS AND PROBLEMS OF ITS REALISATION

Abstract. Russian teachers as a social group are experiencing problems in fulfilling their main mission of educating and educating future generations. The teacher acts as the main agent of socialization of students, influencing the formation of their worldview and value orientations, and controls the level and quality of knowledge acquired at the school level. The article presents the social potential of teaching in the public and personal dimensions; a number of objective and subjective reasons considered that complicate the successful implementation of this potential. It concludes, that the factors that positively influence the social potential of Russian teachers are the high level of their education, the historical mission of the profession, and unconditional support from society. At the same time, negative factors include underfunding of school education by the state, a high level of bureaucratization and low prestige of the profession. Creating conditions for the development of the social potential of teachers is an integral part of the social contract between this part of the intelligentsia and the authorities.

Keywords: social potential, Russian teachers, school education, social contract

For citation: Bulanova M. B. Social potential of Russian teachers and problems of its realisation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):50–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.1.4>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00093 “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and lessons of implementation” <https://rscf.ru/en/project/23-18-00093/>

References

1. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J. G. (ed.). Handbook of theory and research for the sociology of education. New York: Greenwood Press; 1986. P. 241–258.
2. Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster; 2000. ISBN 978-0-7432-0304-3.
3. Sen A. Development as freedom. Oxford: Oxford University Press; 1999. ISBN 978-0198297581.

4. Coleman J. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988;94(1):95–120. DOI [10.1086/228943](https://doi.org/10.1086/228943).
5. Giddens A. The constitution of society. Berkeley: University of California Press; 1984. ISBN 0-520-05292-7.
6. Gorshkov M. K. Russian society in the conditions of transformation. Myths and reality (sociological analysis). 1992–2002. Moscow: ROSSPEN; 2003. (In Russ.). ISBN 5-8243-0437-8.
7. Zaslavskaya T. I. Societal transformation of Russian society: activity-structural concept. Moscow: Delo; 2003. (In Russ.). ISBN 5-7749-0277-3.
8. Yadov V. A. (ed.). Sociology in Russia. 2nd ed. Moscow: Institute of Sociology of the RAS; 1998. (In Russ.). ISBN 5-89697-011-0.
9. Zubok Yu. A. Youth in the reproduction of human potential of the Russian society. In: Shingarov G. H., Zadorozhnyuk I. E. (eds). Human potential of modern Russia : coll. of art. Moscow: SGU Press; 2005. P. 132–184. (In Russ.).
10. Belyaeva L. A. Cultural and social capital and tensions in Russia's social space. *Social Sciences and Contemporary World*. 2013;(5):51–64. (In Russ.).
11. Kargapolova E. V. The category of “potential of the region”: the specifics of the problem field. In: Scientific potential of Russian regions in the service of modernisation: interuniversity collection of scientific articles. Astrakhan: AISI; 2013. P. 144–154. (In Russ.).
12. Kraft M., Lyon M. The rise and fall of the teaching profession: prestige, interest, preparation, and satisfaction over the last half century. *EdWorkingPaper*. 2024. No: 22-679. DOI [10.26300/7b1a-vk92](https://doi.org/10.26300/7b1a-vk92).
13. Karpova A. Yu. A proactive schoolshooting incident prevention system: what matters? *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):83–98. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.6).
14. Zborovsky G. E., Shuklina E. A. Sociology of education. Moscow: Gardariki; 2005. (In Russ.). ISBN 5-8297-0237-1.
15. Ziyatdinova F. G. Social problems of education. Moscow: RGGU; 1999. (In Russ.). ISBN 5-7281-0289-1.
16. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of specialists in intellectual labor: sociological analysis. Moscow: FNISC RAN; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).
17. Sheregi F. E., Arefiev A. L., Tsarkov P. E. Labour conditions of teachers: chronometric and sociological analysis. M.: Sotsiocentr; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-47-4.
18. Bulanova M. B. Teacher. Sides of professional development. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*. 2022;(4):89–98. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2022-4-89-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-4-89-98).
19. Osipov A. M., Matveev V. V., Matveeva N. A., Vorontsova T. I. School administrators: agents and victims of paper pressure. *Sociological Studies*. 2021;(9):71–79. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014215-9](https://doi.org/10.31857/S013216250014215-9).
20. Konstantinovsky D. L., Pinskaya M. A., Zviagintsev R. S. Professional health of teachers: from enthusiasm to burnout. *Sociological Studies*. 2019;(5):14–25. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250004949-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004949-6).

Received: 12.02.2025. Accepted: 14.03.2025.

Information about the author:

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

marina_bulanova@inbox.ru

ORCID: [0000-0002-0001-6315](https://orcid.org/0000-0002-0001-6315)

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.5)
EDN [TPGVQL](https://edn.ras.ru/TPGVQL)
УДК 316.4

К. А. Галкин¹

¹СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН. Санкт-Петербург, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ К МЕДИЦИНЕ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются индивидуальные представления пожилых людей о справедливости в системе здравоохранения через призму институционального и межличностного доверия. Эмпирическая база исследования включает 40 полуструктурированных интервью с жителями Санкт-Петербурга и сельских районов Республики Карелия в возрасте 66–85 лет. Полученные результаты позволили выделить в рамках анализа институционального и межличностного доверия маркеры, характеризующие сходства и различия в отношении к системе здравоохранения у рассмотренной категории граждан. Общими маркерами институционального доверия для всех респондентов выступает оснащённость медицинских учреждений современным оборудованием и наличие компетентного персонала. Пожилые люди в сельской местности проявляют значительное недоверие к местной медицине, предпочитая службы скорой помощи как более надёжный канал получения качественной медицинской помощи. Существенно зависит от места проживания отношение к статусу медицинских учреждений и доверию к ним. Общими межличностными маркерами доверия выступает наличие взаимодействий и контактов с врачами, минимизация бюрократизированного общения. Для сельских жителей также оказалась важна интегрированность медицинских работников в сельскую общность и соседская помощь, которая смягчала недоверие к сельской медицине и её возможным проблемам. Исследование показало, что индивидуальные представления о справедливости достаточно сильно зависят от доверия к здравоохранению, и отсутствие доверия влияет на понимание справедливости пожилыми людьми. Тесная связь между объективными характеристиками медицинской помощи и субъективным восприятием её справедливости требует разработки дифференцированных подходов к совершенствованию системы здравоохранения с учётом региональных особенностей.

Ключевые слова: здоровье, медицина, пожилые люди, справедливость в медицине, доверие к медицине

Для цитирования: Галкин К. А. Представления о справедливости в контексте институционального и межличностного доверия к медицине у пожилых людей // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 59–70. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.5). EDN [TPGVQL](https://edn.ras.ru/TPGVQL).

Введение. Доступность услуг здравоохранения является значимой социальной проблемой, сохраняющей свою актуальность для любого общества. Исследования показывают, что своевременное предоставление медицинской помощи способствует позитивным изменениям в состоянии здоровья населения [1; 2]. Качественное здравоохранение способствует снижению демографических проблем, уменьшению смертности и расширению возможностей социальной активности различных групп населения, включая пожилых людей. Очевидна взаи-

мосвязь качественного здравоохранения и с концепцией активного долголетия, с преодолением возрастных проблем со здоровьем [3]. При этом на фоне общей модернизации системы здравоохранения последних лет актуальной остаётся проблема неравенства доступа к медицинским услугам, в том числе основанная на месте проживания пациента [4], что приводит к ухудшению здоровья и снижению качества жизни жителей регионов [5].

Помимо количественно измеряемой материально-ресурсной базы, оценка качества здравоохранения зависит и от субъективных факторов, что подводит к такой многогранной категории как социальная справедливость. С одной стороны, она обеспечивается и регулируется законами через соответствующие государственные институты, распределение благ. С другой – существенно зависит от субъективного понимания справедливости получателями благ. Таким образом, в предлагаемой статье мы опираемся на подход Д. Эстлунда [6], С. Хаслангер [7] и др., ставящих моральные ориентиры в качестве доминирующих при оценке справедливости.

Проблемы несправедливости в вопросах доступа к медицинской помощи давно находятся в центре научного внимания, однако особую актуальность они приобретают в контексте изучения различных демографических групп и их субъективной удовлетворённости качеством медицинского обслуживания [8]. Несмотря на ряд преимуществ общих количественных исследований, стоит отметить, что они не всегда способны отразить индивидуальные нюансы, такие как субъективное восприятие справедливости оказания медицинской помощи и доверие к медицинской системе, которые могут значительно различаться в мегаполисах и регионах [9]. Эти категории сложнее измерить количественными методами, но они важны для понимания оценки справедливости медицинских услуг и особенностей доверия у различных социальных групп.

Пожилые люди являются одной из ключевых групп, нуждающихся в качественной медицинской помощи. Исследования показывают, что возможность самостоятельно контролировать процесс лечения и следить за своим здоровьем является важным фактором, влияющим на физическое благополучие пожилых людей [10]. Данные количественных исследований также свидетельствуют о том, что наличие контроля над получением и процессом лечения повышает уровень адаптации пожилых пациентов к возрастным изменениям, а также снижает риск соматических заболеваний и общий уровень стресса [11]. К числу факторов, ограничивающих возможность самостоятельного выбора и сохранения контроля за собственным здоровьем в жизни пожилых людей, можно отнести неравенство в оказании медицинской помощи, инфраструктурные проблемы, затрудняющие доступ к медицинским услугам, а также субъективное понимание справедливости пожилыми людьми [12]. Исследователи выделяют ключевые проблемы, связанные с автономностью и ответственностью за своё здоровье, а также с измерением неравенства в медицине и его влиянием на различные социальные группы [13; 14].

Выше мы уже отмечали институциональный элемент социальной справедливости, заключающийся в справедливом распределении государственными институтами ресурсов и общественных благ, что относится также и к сфере здравоохранения [15; 16]. А. Сен определяет справедливость через наличие власти и ресурсов в процессе принятия решений. Этот подход может быть полезен для анализа субъективного отношения к справедливости среди различных групп населения [17]. Исследования показывают, что достижение полного равенства в медицине маловероятно из-за различий в условиях жизни и уровне благосостояния населе-

ния [13]. Препятствуют равному доступу к качественным медицинским услугам и региональные различия [18]. Исследователями здравоохранения рассмотрены не только экономические факторы, влияющие на понятие справедливости в сфере медицины, но и субъективные аспекты, включающие потерю доверия к медицинской системе и снижение самоуважения среди пациентов [19].

Таким образом, условно можно выделить два дискурса справедливости в медицине. Первый – консервативный, экономический, поддерживаемый политиками и официальными институтами, направленный на сохранение существующего порядка. Второй – критический, субъективно-ценностный, отражающий отношение населения и медицинского сообщества к проблеме справедливости в медицине [15; 20].

В качестве меры измерения справедливости в ходе исследования будет использована категория доверия, как значимая для обоих выделенных выше дискурсов. В отечественной науке принято выделять два типа доверия: институциональное доверие и межличностное [21]. **Институциональное доверие** формирует между институтами и гражданами социальные связи, которые способствуют развитию стабильности в обществе. Важным в рамках рассмотрения институционального доверия выступает изучение не отдельных личностей, а институтов и особенностей доверия в рамках институтов – политических, экономических, института семьи и пр. [22; 23]. Доверие к здравоохранению как институту зависит от его прозрачности, доступности и равенства в предоставлении услуг. **Межличностное доверие** определяется сетью отношений индивидов с другими индивидами [24]. Здесь на восприятие качества медицинской помощи влияет доверие между пациентом и врачом, но не только. Социальная сеть в таком случае представляет собой устойчивую систему связей, взаимодействий не только с медицинскими специалистами, но и с родственниками и соседями, медицинскими учреждениями конкретного региона. Она также связана с тем, что в рамках взаимодействий происходит эффективный обмен информацией и формируется взаимная помощь и поддержка [25]. В рамках обоих определений доверия, как институционального, так и межличностного, мы рассматриваем доверие как культурный ресурс, поддерживающий социальную справедливость, стабильность и предсказуемость функционирования социальных институтов.

Медицина представляет собой сферу, подверженную постоянным изменениям в распределении власти между врачами и пациентами, а также между государством и гражданами. М. Ривкин-Фиш отмечает, что в медицинской системе присутствуют различные формы власти и контроля, создающие неравенство в медицине [26]. Исследования доверия в медицине показывают, что практики доверия могут варьироваться от критического анализа неравенства и выбора определённых медицинских услуг до эмоционально окрашенного доверия, основанного на культурных ожиданиях [27; 28]. В результате формируется амбивалентная модель доверия, включающая как пассивное принятие ситуации, так и активный поиск справедливого лечения и распределения ресурсов [29]. Такой выбор обусловлен наличием ресурсов, структурных ограничений и культурных представлений пациентов о доверии.

Цель настоящего исследования – рассмотреть представления пожилых людей о справедливости в медицине, проанализировав особенности институционального и межличностного доверия к здравоохранению в городе и в сельской местности.

Выделяют два блока факторов, влияющих на доверие к медицинской помощи. Первый включает характеристики системы здравоохранения, региональные

особенности, доступность медицинских услуг и влияние окружающей среды и соотносится с институциональным доверием к медицине. Второй блок связан с качеством услуг, присутствующих в конкретных клиниках, поддержкой родственниками и соседями и соотносится с межличностным доверием к здравоохранению [30]. Мы рассматриваем справедливость через изучение институционального и межличностного доверия, так как, формируя гипотезу настоящего исследования, мы предполагаем, что индивидуальное понимание пожилыми людьми справедливости неразрывно связано с доверием как на институциональном, так и на межличностном уровнях.

Методология исследования и эмпирическая база. В исследовании использованы эмпирические данные, собранные с помощью 40 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми, проживающими в Санкт-Петербурге и в сельских районах Республики Карелия. Этот подход позволил охватить широкий спектр мнений и опыта, отражающих различия в обращении за медицинской помощью в зависимости от географического контекста. Развитие здравоохранения в регионах исследования демонстрирует разницу в доступности медицинских услуг. В Санкт-Петербурге существует развитая система здравоохранения, включающая научные медицинские центры и экстренные службы [31]. В сельской местности Республики Карелия существует нехватка врачей, особенно молодых специалистов, и отмечается дефицит первичной медико-санитарной помощи [32]. Однако реализуются проекты по улучшению ситуации, включая развитие фельдшерско-акушерских пунктов.

Интервью дополнялись данными из дневников наблюдений, где фиксировались особенности взаимодействия пожилых людей с системой здравоохранения, их поведение при обращении за медицинской помощью. Исследование проводилось с октября 2024 года по январь 2025 года. Средняя длительность интервью составила 48 минут, максимальная – 1 час 52 минуты. Большинство интервью проходило оффлайн, но 8 интервью были проведены в Skype с информантами из сельских районов Республики Карелия. Поиск информантов осуществлялся через комплексные центры социального обслуживания населения в Санкт-Петербурге и сельские администрации. Выборка включала 20 информантов из Санкт-Петербурга и 20 из Республики Карелия в возрасте от 66 до 85 лет. Хотя при планировании выборки учитывалась гетерогенность по полу, итоговая выборка оказалась с заметным перекосом в сторону женщин (12 мужчин и 28 женщин). Среди информантов были мужчины и женщины различного возраста и профессий, а также с разным уровнем образования, что обеспечило разнообразие эмпирического материала.

В рамках тематического анализа были выделены следующие ключевые темы:

- отношение пожилых людей к учреждениям здравоохранения и их доверие к системе здравоохранения в целом с акцентом на то, как информанты воспринимают качество и доступность медицинских услуг;
- опыт обращения за первичной медицинской помощью, включая обстоятельства, вынудившие обратиться за помощью, и субъективные оценки удовлетворённости оказанными услугами;
- оценка работы медицинских специалистов, их профессионализма и отзывчивости, что являлось важным аспектом общего впечатления от системы здравоохранения.

Итак, в рамках эмпирического исследования мы рассматриваем представления о справедливости в медицине у пожилых людей, проживающих в городе и в сельской местности, выделяя маркеры доверия в рамках институционального и межличностного подходов. Данные маркеры влияют на представления пожилых людей о справедливости.

Представления о справедливости в контексте институционального доверия к медицине. При рассмотрении полученных результатов в контексте институционального доверия важно отметить, что доверие к медицине коренным образом отличается в городской и сельской местности. Ключевым маркером доверия к институту здравоохранения в сельской местности выступает наличие необходимых ресурсов для оказания медицинской помощи. К таким ресурсам пожилые люди относили полностью укомплектованный медицинским персоналом фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) или амбулаторию и наличие у фельдшера опыта работы, желательного в сельской местности. Информанты отмечали, что работа в сельской местности требует более высокого профессионализма, так как врачи и фельдшеры, работающие в ФАПах, ощущают себя профессионально изолированными, следовательно значимой становится способность к оперативности и самостоятельности принятия решений по лечению:

«Хорошо, когда есть всё в пункте медицинском, но конечно без нормальных рук это всё кажется достаточно ненужным. Например, вот у нас ЭКГ-аппарат поставили, и очень хорошо, что старая фельдшер наша вернулась работать, и следовательно, нашла в себе силы и терпение, и всё это изучила. И вот тогда наконец-то всё заработало. А что толку-то было раньше, когда фельдшер молоденькая и вообще ничего не знала про работу этого аппарата» (ж., 73 года, село, Республика Карелия).

Другим важным маркером доверия к медицине у пожилых жителей сельской местности стало знание персоналом современных технологий. Модернизация и цифровизация системы здравоохранения и, в частности, современные способы записи на приём ко врачам, как правило, создавали для пожилых людей дополнительные барьеры. Возможность прийти в амбулаторию и беспрепятственно получить необходимое направление или рецепт на лекарства нередко сравнивалась пожилыми людьми в сёлах с доступностью подобных действий в городе и была одним из маркеров доверия и понимания более справедливого отношения медицинской помощи к пожилым людям:

«Раньше все было просто, а теперь я скажу так – черт ногу сломит вообще в этом вот всем, потому что надо в этом во всем разбираться. А как разбираться-то? И я вот скажу, очень ценю нашего фельдшера, потому что она, как вам сказать, достаточно быстро может по клавишам постучать и также быстро все сделать – будь то запись на приём к врачу в городе или же направление, рецепт на лекарство. Все это ей легко удаётся, и следовательно, вот это для меня очень важно и значимо в целом, потому что я сама старая и во всех этих системах разобратся не могу» (ж., 80, село, Республика Карелия).

Ещё одним важным маркером доверия пожилых людей в сельской местности была возможность быстрого приезда скорой помощи. Скорая помощь выступала для пожилых людей в сельской местности нередко единственным способом получения экстренной помощи. Именно служба скорой помощи воспринималась пожилыми людьми связующим звеном с городской медициной, возможностью получения качественной медицинской помощи, в то время как возможности и оснащённость местных пунктов сельские жители оценивали довольно низко:

«У нас здесь в селе в принципе на скорую только одна и надежда есть, потому что судите сами: в городе ты сам можешь дойти или хотя бы доползти до больницы, то здесь в сельской местности таких возможностей в принципе нет. И конечно, все это связано с тем, что вся надежда тогда на скорую. Ведь если что, они могут и помочь тебе быстро, и в город доставят. Важно, чтобы они хотя бы приезжали – пусть долго, но приезжали» (ж., 80, село, Республика Карелия).

Наши данные показали, что помимо получения экстренной помощи, через службу скорой помощи информанты в сельской местности пытались решить вопросы доступа к лекарствам. Иногда, не имея необходимой дозы жизненно важного лекарства, скорую помощь могли вызывать для его получения. Также вызов скорой помощи и её приезд были важны с точки зрения постановки правильного диагноза. Информанты отмечали, что такой диагноз было достаточно сложно получить в ФАП или в амбулатории. Таким образом можно отметить, что служба скорой помощи компенсировала множество несовершенств в вопросах оказания медицинской помощи пожилым жителям сельской местности.

Информанты в сельской местности подчёркивали, что отсутствие справедливости, выраженное в разрыве качества оказываемой медицинской помощи в городе и в сельской местности, является одним из значимых факторов, подрывающих доверие к сельской медицине. Они считали возможности сельских медицинских учреждений недостаточными для лечения различных заболеваний, особенно хронических и требующих консультаций квалифицированных специалистов.

Для информантов в городе ключевым маркером доверия к оказываемым медицинским услугам оказалось их качество. При этом качество медицинских услуг ранжировалось городскими информантами в зависимости от статуса самого учреждения. Так, «внизу» подобного рейтинга доверия оказывались поликлиники и районные больницы, «вверху» рейтинга были крупные медицинские центры федерального значения и центры, имеющие научную и исследовательскую базу:

«Я бы никогда не решилась просто делать операцию в какой-то больнице районного значения. Это в целом вообще даже не безопасно. Поэтому я сразу легла в этот центр (название удалено ввиду анонимизации данных исследования, – прим. автор), и в этом центре я в итоге и сделала операцию, и пока все хорошо» (ж., 69, Санкт-Петербург).

Также важным маркером доверия к медицинским учреждениям для пожилых горожан является опыт и статус врача в профессиональном сообществе. Ещё одним важным маркером для них стало оснащение самой поликлиники и больницы, наличие необходимой техники, а также специалистов, готовых на этой технике работать. Обобщим: наиболее важными маркерами доверия для пожилых людей-жителей города стали статус врача и медицинского учреждения, а также оснащённость медицинских учреждений.

Рассмотрев маркеры институционального доверия пожилых людей в городе и в сельской местности, отметим, что значимость оснащённости медицинского учреждения и наличие компетентного персонала, знакомого с имеющимся оборудованием, является важным маркером доверия для всех интервьюируемых вне зависимости от места жительства. Дальше начинаются различия, в которых прослеживается влияние существующего неравенства в доступе регионов к медицинской инфраструктуре и ресурсам: у пожилых жителей сельской местности в подавляющем большинстве прослеживается недоверие к качеству сельской медицины по сравнению с городской как в вопросах оснащённости, так и в вопросах качества оказываемых услуг (корректности поставленного ди-

агноза). Городские информанты, в свою очередь, имея больший выбор, в иерархии медицинских учреждений отводят районным поликлиникам самый низкий уровень, предпочитая центры федерального уровня, что тоже демонстрирует низкий уровень институционального доверия к медицине.

Представления о справедливости в контексте межличностного доверия к медицине. Значимым маркером доверия к медицине в сельской местности для пожилых людей выступает проживание фельдшера или врача ФАП в данной местности и его/её включение в сельское сообщество. Как правило, соседство и знакомство с фельдшером и врачами выступает залогом установления достаточно тесного общения и включения медика в сеть местных взаимодействий и в соседскую сеть на селе.

При этом те фельдшеры, которые приезжают в село из города или других сел и недостаточно интегрированы в локальное сообщество, расценивались пожилыми людьми негативно с точки зрения возможного доверия им:

«Раньше была у нас фельдшер Тамара, так она здесь сама выросла, и мы с ней с детства были знакомы. И вот до того момента, пока она не умерла, и потом как она скончалась, так и не смогли нам нормального фельдшера вообще-то прислать. То есть все присылали каких-то молодых, а они что, они же не знают, как это работать на селе в принципе-то, вот у них поэтому и возникает очень много проблем с такой работой, и в итоге, конечно, сейчас такая фельдшер, что к ней лучше и не ходить» (м., 69, село, Республика Карелия).

Другим важным маркером доверия стала значимость соседского общения и взаимодействий в соседском сообществе. Этот маркер напрямую не относится к медицинской помощи и связан скорее с недоверием к системе здравоохранения, однако для пожилых людей такой маркер подкреплял утраченное доверие к оказываемой медицинской помощи в сельской местности и служил возможностью для получения необходимого совета по лечению или покупки необходимых лекарств при наличии сложностей с обращением за помощью в ФАП или амбулаторию:

«Если бы не соседи, то, наверное, очень сложно было бы в принципе что-либо предпринимать, поскольку все-таки вы же понимаете, что здесь все достаточно сложно в плане того, чтобы хоть какую-то помощь получить в принципе. И вот, конечно, вся надежда на соседей. Они, если нужно, ведь могут и лекарства необходимые привезти, и, конечно, если это необходимо, как-то помочь вообще в целом. А так получается, что здесь по-другому и вообще не выжить в принципе, потому что нет здесь как таковой медицины» (м., 65, село, Республика Карелия).

Таким образом, для информантов из сельской местности важна интегрированность врачей в локальное сообщество и умение ориентироваться в нём. Не менее значимо наличие соседских сетей поддержки, доверие к которым в случае проблем со здоровьем могло быть выше, чем к местной медицине в контексте региональных инфраструктурных проблем оказания медицинской помощи в сельской местности.

Для пожилых жителей города основным маркером межличностного доверия стала налаженная коммуникация с врачами и медицинскими сотрудниками, работающими в поликлиниках и больницах. Значима возможность обратиться к врачу напрямую и получить консультацию в любое время. Также важной оказалось терапевтическое общение с пациентами, которое способствовало получению необходимой информации и улучшало взаимопонимание между врачом и пациентом:

«Я считаю, что самое главное — это когда ты можешь к своему врачу обратиться и позвонить ему в любое время, и он откликается. Это не так, как в поликлиниках, когда на приёме вам говорят: «Пришли!? И что вам надо!?!» Здесь важно, что твой знакомый врач он всегда тебе может что-то подсказать и что-то посоветовать, это крайне важно в целом. И также важным выступает и то, что такие врачи должны быть хорошими профессионалами» (ж., 69, Санкт-Петербург).

Данный маркер доверия для пожилых горожан связан также со статусом медицинского работника-профессионала, который, как правило, определялся его статусом в профессиональном сообществе. О статусе врачей в профессиональном сообществе пожилые люди старались узнавать заранее из интернета, а затем уже обращаться к нужному специалисту. При выборе специалиста важным маркером доверия было наличие стажа работы в крупных медицинских центрах и в частных клиниках:

«Я вообще считаю, знаете, что все от врачей зависит и от того, насколько врач, который тебя лечит, профессионал. Потому что если врачу, скажем так, профессионализма не достаёт, то здесь очень много проблем потом начинает возникать. И конечно, если врач там работает в районной поликлинике и он уже по возрасту не молодой, да и плюс к тому, к примеру, видит плохо, то конечно, какое там лечение. Важен стаж, наличие степени тоже неплохо и, конечно же, наличие большого практического опыта» (ж., 65, Санкт-Петербург).

При этом пожилые люди в городах не считали важной соседскую поддержку и поддержку родственников. Они отмечали в интервью, что при оказании медицинской помощи наиболее значимы именно знакомство с врачом и медицинским работником, наличие межличностных взаимодействий, которые затем могли образовывать сеть поддержки пожилого человека в процессе лечения. Немаловажным для них является и статус медицинского работника, его профессиональные знания и навыки, а также опыт работы.

Врачам часто не хватает времени на спокойное общение с пациентами, имеющее важное терапевтическое значение. Все информанты подчёркивают недостаток такого взаимодействия, свободной коммуникации с медиками, попытки решения этой проблемы зависят от региона проживания. Так, сельские информанты отмечали, что интегрированность сельских врачей и фельдшеров в местное сообщество открывает возможности к неформальной коммуникации с ними, что играет важную роль в формировании доверия к врачам. Пожилые жители города старались наладить коммуникацию для непосредственного постоянного контакта с врачом, которого они тщательно отбирают на основании профессионального статуса, опыта и компетенций.

В контексте межличностного доверия все пожилые люди критиковали модель медицинской помощи, предполагающую «быстрые» визиты и ограниченное взаимодействие между врачом и пациентом. Все они подчёркивали, что бюрократизированность системы здравоохранения является одним из ключевых факторов её несправедливости и отмечали важность создания доверительных отношений через длительное общение и углублённое взаимодействие.

Заключение. При проведении исследования мы проанализировали данные интервью пожилых жителей Санкт-Петербурга и жителей сельских регионов Республики Карелия, опираясь на представления о справедливости в медицине через описание институциональных и межличностных маркеров доверия к системе здравоохранения.

Анализ показал, что оснащённость медицинских учреждений современным оборудованием и наличие компетентного персонала являются универсальными маркерами институционального доверия для всех информантов независимо от места проживания. Однако при сравнении городского и сельского контекстов проявились существенные различия, обусловленные структурным неравенством в доступе к медицинским ресурсам. Особенно заметным оказалось недоверие пожилых жителей сельской местности к качеству предоставляемых медицинских услуг. Это недоверие распространяется как на техническую оснащённость учреждений, так и на профессиональную компетентность медицинского персонала. Служба скорой помощи, по их мнению, предпочтительней и с точки зрения постановки диагноза, и как шанс попасть на лечение в больницу районного центра. Городские информанты демонстрируют более высокие стандарты выбора медицинских учреждений, при этом отдавая предпочтение федеральным центрам и академическим клиникам, что тоже подчёркивает неоднородность уровня доверия внутри системы здравоохранения.

С точки зрения межличностного доверия важной составляющей является качество взаимодействия между врачом и пациентом, возможность обсудить проблемы, почувствовать себя вовлечённым в проводимое лечение. Недостаток времени на полноценное терапевтическое общение был отмечен всеми информантами как серьёзный недостаток современной модели медицинской помощи. Однако стратегии преодоления этой проблемы различаются в зависимости от места проживания. Сельские информанты указывали на важность неформальной коммуникации, возможной благодаря тесной интеграции медицинских работников в местное сообщество. Пожилые жители города стремятся создать долгосрочные отношения с конкретными врачами, которых они тщательно выбирают по профессиональным критериям. Отметим, что для пожилых жителей сельской местности профессиональные критерии имеют меньшее значение, при отсутствии доверенного врача, межличностное доверие компенсируется соседскими взаимоотношениями.

Проведённое исследование подтверждает существование связи между представлениями о справедливости и доверием к оказываемым медицинским услугам. Доверие в сфере здравоохранения формируется под влиянием как объективных факторов (оснащённость учреждений, квалификация персонала), так и субъективных (качество межличностного взаимодействия). Особое внимание следует обратить на региональные различия в уровне доверия, которые требуют разработки дифференцированных подходов к совершенствованию системы здравоохранения. Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на изучении эффективности различных моделей взаимодействия между врачами и пациентами, а также на анализе влияния цифровизации здравоохранения на уровень доверия среди пожилых людей. Все эти факторы оказывают влияние на индивидуальные представления о справедливости пожилых людей, что подчёркивает важность дальнейшего рассмотрения данной темы.

Библиографический список / References

1. Шарабчиев Ю. Т., Дудина Т. В. Доступность и качество медицинской помощи: слагаемые успеха // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2013. № 4(4). С. 16–34. EDN [RHDHPF](#).
Sharabchiev Yu. T., Dudina T. V. Accessibility and quality of medical care: components of success. *Mezhdunarodnye obzory: klinicheskaya praktika i zdorov'e*. 2013;(4):16–34. (In Russ.).

2. Русинова Н. Л., Панова Л. В., Бурмыкина О. Н. Предикторы удовлетворённости потребителей услугами первичного здравоохранения // Социология медицины. 2006. № 2(9). С. 24–31. EDN HDVKDI.
Rusinova N. L., Panova L. V., Burmykina O. N. The predictors of consumers' satisfaction of primary health care services. *Sociology of Medicine*. 2006;(2):24–31. (In Russ.).
3. Rojo-Pérez F, Fernández-Mayoralas G., Rodríguez-Rodríguez V. Active ageing and quality of life: A systematized literature review. In: Rojo-Pérez F, Fernández-Mayoralas G. (eds) *Handbook of active ageing and quality of life: From concepts to applications*. Cham: Springer; 2021. P. 63–96. DOI [10.1007/978-3-030-58031-5_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-58031-5_4).
4. Вялых Н. А. Механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в России: методологический поворот в современных социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 122–137. DOI [10.17223/1998863X/45/13](https://doi.org/10.17223/1998863X/45/13). EDN YRWWLJ.
Vyalykh N. A. Differentiation mechanisms of medical care consumption in Russia: a methodological turn in contemporary sociological research. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2018;(45):122–137. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/45/13](https://doi.org/10.17223/1998863X/45/13).
5. Галкин К. А. Особенности социальных неравенств в здоровье пожилых людей в России и Европе: обзор исследований // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47, № 1. С. 14–22. DOI [10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22). EDN DCKNDL.
Galkin K. A. features of social inequalities in the health of older people in Russia and Europe: research review. *Nomothetika: Philosophy, Sociology, Law*. 2022;47(1):14–22. (In Russ.). DOI [10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-14-22).
6. Estlund D. Human Nature and the Limits (if Any) of Political Philosophy. *Philosophy & Public Affairs*. 2011;39(3):207–237. DOI [10.1111/j.1088-4963.2011.01207.x](https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2011.01207.x).
7. Haslanger S. *Resisting Reality: Social Construction and Social Critique*. Oxford: Oxford University Press; 2012. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199892631.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199892631.001.0001). EDN UUVIMX.
8. Poortinga W., Bird N., Hallingberg B. [et al.]. The role of perceived public and private green space in subjective health and wellbeing during and after the first peak of the COVID-19 outbreak. *Landscape and Urban Planning*. 2021;211:104092. DOI [10.1016/j.landurbplan.2021.104092](https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2021.104092). EDN VQIRVO.
9. Ugur Z. B. How does inequality hamper subjective well-being? The role of fairness. *Social Indicators Research*. 2021;158(2):377–407. DOI [10.1007/s11205-021-02711-w](https://doi.org/10.1007/s11205-021-02711-w). EDN HYOIDL.
10. Klabbers G., Bosma H., Kempen G.I.J.M. [et al.]. Do psychosocial profiles predict self-rated health, morbidity and mortality in late middle-aged and older people? *Journal of Behavioral Medicine*. 2014;37(3):357–368. DOI [10.1007/s10865-013-9493-x](https://doi.org/10.1007/s10865-013-9493-x). EDN SRYNOD.
11. Barlow J, Singh D, Bayer S, Curry R. A systematic review of the benefits of home telecare for frail elderly people and those with long-term conditions. *Journal of Telemedicine and Telecare*. 2007;13(4):172–179. DOI [10.1258/135763307780908058](https://doi.org/10.1258/135763307780908058).
12. Luo W., Yao J., Mitchell R. [et al.]. Locating emergency medical services to reduce urban-rural inequalities. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2022;84:101416. DOI [10.1016/j.seps.2022.101416](https://doi.org/10.1016/j.seps.2022.101416). EDN ONNZNH.
13. Marmot M. Social justice, epidemiology and health inequalities. *European Journal of Epidemiology*. 2017;32(7):537–546. DOI [10.1007/s10654-017-0286-3](https://doi.org/10.1007/s10654-017-0286-3). EDN IXWKFO.
14. Arcaya M. C., Arcaya A. L., Subramanian S. V. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories. *Global Health Action*. 2015;8(1):27106. DOI [10.3402/gha.v8.27106](https://doi.org/10.3402/gha.v8.27106).
15. Савельева Ж. В., Мухарьямова Л. М., Кузнецова И. Б. Социальная справедливость в здравоохранении: опыт и оценки россиян // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 3. С. 154–179. DOI [10.17323/1811-038X-2018-27-3-154-179](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-154-179). EDN RTFQEX.
Saveleva Zh. V., Mukharyamova L. M., Kuznetsova I. B. Social justice in healthcare in the experiences and judgments of Russians. *Universe of Russia*. 2018;27(3):154–179. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2018-27-3-154-179](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-154-179).
16. Cookson R., Dolan P. Principles of justice in health care rationing. *Journal of Medical Ethics*. 2000;26(5):323–329. DOI [10.1136/jme.26.5.323](https://doi.org/10.1136/jme.26.5.323). EDN EPUCJH.
17. Sen A. Social justice and the distribution of income. In: *Handbook of income distribution*. 2000;1:59–85. DOI [10.1016/S1574-0056\(00\)80004-4](https://doi.org/10.1016/S1574-0056(00)80004-4).

18. Oliver A., Mossialos E. Equity of access to health care: outlining the foundations for action. *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2004;58(8):655–658. DOI [10.1136/jech.2003.017731](https://doi.org/10.1136/jech.2003.017731).
19. Dover D. C., Belon A. P. The health equity measurement framework: a comprehensive model to measure social inequities in health. *International Journal for Equity in Health*. 2019;18(1):1–12. DOI [10.1186/s12939-019-0935-0](https://doi.org/10.1186/s12939-019-0935-0). EDN [XTXWNQ](https://www.edn.net/XTXWNQ).
20. Темницкий А. Л. Феномен справедливости в оплате труда медицинских работников // Мир России. Социология. Этнология. 2017. Т. 26, № 3. С. 64–89. DOI [10.17323/1811-038X-2017-26-3-64-89](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-64-89). EDN [YZIDEF](https://www.edn.net/YZIDEF).
Temnitsky A. L. The phenomenon of justice in the labour remuneration of medical workers. *Universe of Russia*. 2017;26(3):64–89. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2017-26-3-64-89](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-3-64-89).
21. Кошарная Г. Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества // Власть. 2015. № 9. С. 125–129. EDN [UMYFOT](https://www.edn.net/UMYFOT).
Kosharnaya G. B. Institutional and interpersonal trust in the process of consolidation of the Russian society. *Vlast'*. 2015;(9):125–129. (In Russ.).
22. Kaasa A., Andriani L. Determinants of institutional trust: the role of cultural context. *Journal of Institutional Economics*. 2022;18(1):45–65. DOI [10.1017/s1744137421000199](https://doi.org/10.1017/s1744137421000199). EDN [IBCXQY](https://www.edn.net/IBCXQY).
23. Bornstein B. H., Tomkins A. J. Institutional trust: an introduction. In: Bornstein B., Tomkins A. (eds) *Motivating cooperation and compliance with authority*. Nebraska symposium on motivation. Cham: Springer; 2015. P. 1-11. DOI [10.1007/978-3-319-16151-8_1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-16151-8_1).
24. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1(381). С. 26–36. EDN [VSLWUH](https://www.edn.net/VSLWUH).
Kuchenkova A. V. Interpersonal trust in Russian society. *Sociological Studies*. 2016;(1):26–36. (In Russ.).
25. Hupcey J. E., Miller J. Community dwelling adults' perception of interpersonal trust vs. trust in health care providers. *Journal of Clinical Nursing*. 2006;15(9):1132–1139. DOI [10.1111/j.1365-2702.2006.01386.x](https://doi.org/10.1111/j.1365-2702.2006.01386.x).
26. Temkina A., Rivkin-Fish M. Creating health care consumers: The negotiation of un/official payments, power and trust in Russian maternity care. *Social Theory & Health*. 2020;18(4):340–357. DOI [10.1057/s41285-019-00110-3](https://doi.org/10.1057/s41285-019-00110-3). EDN [MBGPKH](https://www.edn.net/MBGPKH).
27. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. Санкт-Петербург : ЕУ СПб, 2009. С. 179–210. EDN [NQKYKZ](https://www.edn.net/NQKYKZ).
Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. 'I don't trust doctors', but... Overcoming mistrust in reproductive medicine. In: *Health and trust: gender approach to reproductive medicine*. St. Petersburg: EU SPb; 2009. P. 179–210. (In Russ.).
28. Natalier K., Willis K. Taking responsibility or averting risk? A socio-cultural approach to risk and trust in private health insurance decisions. *Health, Risk & Society*. 2008;10(4):399–411. DOI [10.1080/13698570802167413](https://doi.org/10.1080/13698570802167413).
29. Holt-Lunstad J., Uchino B. N. Social ambivalence and disease (SAD): a theoretical model aimed at understanding the health implications of ambivalent relationships. *Perspectives on Psychological Science*. 2019;14(6):941–966. DOI [10.1177/1745691619861392](https://doi.org/10.1177/1745691619861392).
30. Talbert N., Wong N. In whom we trust: the effect of trust, subjective norms, and socioeconomic status on attitudes and COVID-19 vaccination intentions. *Health Communication*. 2025:1–14. DOI [10.1080/10410236.2025.2456995](https://doi.org/10.1080/10410236.2025.2456995).
31. Торхова Е. Л. Анализ цифровой трансформации учреждений здравоохранения в Санкт-Петербурге // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 7(65). С. 230–233. DOI [10.24411/2411-0450-2020-10628](https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10628). EDN [HRHCHO](https://www.edn.net/HRHCHO).
Torkhova E. L. Analysis of digital transformation of health care institutions in St. Petersburg. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2020;(7):230–233. (In Russ.). DOI [10.24411/2411-0450-2020-10628](https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10628).
32. Кадникова Т. Г. Некоторые аспекты реализации государственной программы в сфере здравоохранения на примере Республики Карелия // Вектор экономики. 2017. № 11(17). С. 28. EDN [ZWPKJX](https://www.edn.net/ZWPKJX).
Kadnikova T. G. Some aspects of the implementation of the state program in the sphere of public health in the example of the republic of Karelia. *Vektor ekonomiki*. 2017;(11):28. (In Russ.).

Поступила: 21.01.2025. Доработана: 01.03.2025. Принята: 13.03.2025.

Сведения об авторе:

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия.

Kgalkin1989@mail.ru

Author ID РИНЦ: 850737; ORCID: 0000-0002-6403-6083

K. A. Galkin¹

¹ SI RAS – FCTAS RAS. St. Petersburg, Russia

INDIVIDUAL PERCEPTIONS OF EQUITY IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL AND INTERPERSONAL TRUST IN MEDICINE BY THE OLDER

Abstract. The article examines individual perceptions of older people about fairness in the health care system through the prism of institutional and interpersonal trust. The empirical base of the study includes 40 semi-structured interviews with residents of St. Petersburg and rural areas of the Republic of Karelia aged 66-85. The results obtained allowed us to identify markers within the framework of the analysis of institutional and interpersonal trust that characterise similarities and differences in attitudes to the health care system among the considered category of citizens. The common markers of institutional trust for all respondents are the availability of modern equipment and competent staff. Older people in rural areas show significant distrust in local medicine, preferring ambulance services as a more reliable channel for receiving quality medical care. Attitudes towards the status of and trust in medical institutions vary significantly depending on the place of residence. Common interpersonal markers of trust include the presence of interactions and contacts with doctors and minimisation of bureaucratised communication. The integration of medical workers into the rural community and neighbourly help, which mitigated distrust in rural medicine and its possible problems, also proved to be important for rural residents. The study showed that individual perceptions of fairness were quite strongly influenced by trust in health care, and lack of trust affected older people's understanding of fairness. The close relationship between objective characteristics of medical care and subjective perception of its fairness requires the development of differentiated approaches to improving the health care system, taking into account regional peculiarities.

Keywords: health, medicine, older people, justice in medicine, trust in medicine

For citation: Galkin K. A. Individual perceptions of equity in the context of institutional and interpersonal trust in medicine by the older. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):59–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.1.5>

Received: 21.01.2025. Corrected: 01.03.2025. Accepted: 13.03.2025.

Information about the author:

Konstantin A. Galkin, Candidate of Sociology, Senior researcher, Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia.

Kgalkin1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6403-6083

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.6)
EDN [RMGDGN](https://edn.rmgdgn.ru)
УДК 316.422

И. С. Терашкевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ВО «ВКОНТАКТЕ»: РУТИНИЗАЦИЯ И ПОТЕРЯ АУТЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье представлено исследование коммуникативных практик организаций социальной сферы во «ВКонтакте» после принятия закона о госпабликах. На материале качественного исследования сообществ города Печоры (Псковская область) выявлены ключевые тенденции изменений саморепрезентации локальных сообществ в цифровом пространстве. Исследование проведено в парадигме цифровой антропологии с опорой на теорию полимедиа Д. Миллера и М. Мадриану и концепцию полимедийного репертуара К. Тагг и А. Лайонс. Для эмпирического исследования были отобраны три сообщества небольшого регионального города, проведён хронологический анализ их постов, а также серия полуструктурированных интервью с администраторами этих сообществ. Особое внимание уделено влиянию единых централизованных, спущенных «сверху» требований на практики создания контента и последствиям этой стандартизации. Выявлено противоречие между декларируемой целью создания пабликов, как открытых каналов коммуникации, и фактическим результатом в виде формального выполнения требований через публикацию стандартизированных выхолощенных текстов, транслирующих повседневную рутину внутри организации и за её пределами, что часто не вызывает отклик аудитории. При этом аутентичные способы создания оригинального контента, основанные на творческом подходе администраторов, вытесняются, несмотря на их большую эффективность в привлечении аудитории. Отмечены следствия тенденции привлечения к администрированию рядовых сотрудников без специальных навыков, что увеличивает их рабочую нагрузку при одновременном снижении вовлеченности пользователей, а также ускоряет процессы алгоритмизации и формализации контента.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая антропология, полимедиа, госпаблик, локальные интернет-сообщества, цифровая коммуникация

Для цитирования: Терашкевич И. С. Саморепрезентация организаций социальной сферы во «ВКонтакте»: рутинизация и потеря аутентичности // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 71–84. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.6). EDN [RMGDGN](https://edn.rmgdgn.ru).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00261, <https://rscf.ru/project/24-18-00261/>

Введение. В 2022 году в РФ был принят так называемый «закон о госпабликах»¹, который обязал органы местного самоуправления, подведомственные организации и суды вести официальные страницы в социальных сетях «ВКонтакте» или «Одноклассники». Планировалось, что это сделает госорганизации более открытыми для коммуникации, обратной связи и будет способствовать

¹ Имеются в виду изменения в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ, зафиксированные в Распоряжении Правительства РФ от 02.09.2022 № 2523-р.

информированности граждан². В научных публикациях [1; 2; 3] феномен госпабликов осмысливается преимущественно через термины, которые российский социолог Д. В. Иванов называет частью «менеджериально-административного дискурса цифровизации» [4]. В отмеченных выше текстах авторы не проблематизируют феномен госпабликов, оценивая его с позиций вышестоящих менеджеров [1; 2; 3]: немногочисленные попытки проведения интервью ограничиваются «руководителями цифровой трансформации» или «представителями региональных и муниципальных органов власти» [3, с. 260]. Сообщества государственных организаций и подведомственных учреждений интерпретируются в них лишь как инструмент, с помощью которого государственные структуры коммуницируют с гражданами. Однако, важно учитывать, что многие госпаблики до 2022-го года существовали как самостоятельные сообщества «ВКонтакте», контент в которых создавался и публиковался зачастую инициативно, на основании личных навыков, эстетических предпочтений и творческих решений администраторов. Коммуникация с пользователями строилась менее формально и была направлена на выполнение ситуативных задач. В местных сообществах школ, библиотек, домов культуры публиковались посты, с помощью которых администратор мог пригласить пользователей на ближайшее мероприятие, рассказать о прошедшем событии, провести конкурс и другим нерегламентированным способом взаимодействовать с аудиторией.

На наш взгляд, появление «госпабликов» – это следствие технократического тренда на цифровизацию, который зачастую сводится к прямому переносу традиционных структур в виртуальную среду. При этом замещение проводится с максимальной унификацией для облегчения сбора статистики и алгоритмизированного управления. Тенденция охватывает не только процессы цифровизации на государственном уровне, к которым относится развитие сообществ государственных организаций, но и другие локальные интернет-сообщества.

В рамках проводимого исследования принимается в расчёт и проблема сохраняющегося цифрового разрыва, выражающегося в данном контексте не в технологическом оснащении, но в меньшем вовлечении регионов в виртуальную социализацию по мере удаления от центров урбанизации. В этой связи для эмпирического рассмотрения был выбран небольшой, относительно удалённый от центра региональный город Печоры (Псковская область), где можно увидеть как паблики локализуются в определённом сообществе.

Как было отмечено выше, для ведения официального сообщества Федеральный закон предлагает учреждениям выбор между социальными сетями «ВКонтакте» и «Одноклассниками». Часть организаций публикует идентичные посты на обеих площадках, но ведение паблика только на «Одноклассниках» редко выбирают из-за разницы в уровне популярности. Так, по данным Ассоциация Коммуникационных Агентств России «ВКонтакте» стал самой популярной социальной сетью в России, к концу 2024 года его средняя месячная аудитория по стране достигла 88,1 млн пользователей³. «Одноклассники» занимают в этом рейтинге по итогам 2024 года лишь седьмую строчку (среднемесячная аудитория – 36 млн), упав по сравнению с 2023 годом на три позиции. Для

² В России вступил в силу закон об обязанности госорганов вести страницы в соцсетях // ТАСС. 01 декабря 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16469577> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Лысова А. Аудитория девяти крупнейших социальных сетей в России в 2025 году: исследования и цифры // Rrc.world. 27 января 2025. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/> (дата обращения: 04.02.2025).

примера: в сообществе Печорской гимназии в «Одноклассниках» посты выходили до апреля 2023-го года, а затем – перестали. Причина в низкой активности пользователей: «Никому он [публик] не нужен» – пояснил в интервью один из администраторов. В «Одноклассниках» у Печорской гимназии меньше сотни подписчиков, при том, что во «ВКонтакте» их почти две тысячи. Из-за низкой активности пользователей в «Одноклассниках» и малой представленности там официальных пабликов, для исследования были отобраны сообщества «ВКонтакте», как более популярной платформы.

Приблизительно с 2020 года сообщества «ВКонтакте» города Печоры с помощью гиперссылок и хэштегов включаются в медиасеть других сообществ, что приводит к трансформации способов создания и публикации контент. Поэтому, в предлагаемом тексте мы рассматриваем не только госпаблики, но используем более широкую категорию – сообщества организаций социальной сферы «ВКонтакте». Под понятием «организация социальной сферы» подразумеваются местные государственные и негосударственные организации, которые ведут социально-значимую деятельность. Виртуальные сообщества этих организаций становятся платформой для коммуникации между самой организацией, местными жителями и другими пользователями социальной сети. В программе исследования был сформулирован исследовательский вопрос: «Как организации социальной сферы репрезентируют себя в социальной сети “ВКонтакте?”».

Обзор литературы. Мы считаем, что феномен госпабликов на текущий момент недостаточно осмыслен в отечественной научной литературе. Большинство публикаций по этой теме осмысливают госпаблики через призму государственного управления, описывая их как «официальные сообщества организаций» – некую цифровую технологию, с помощью которой происходит коммуникация между государственной властью и населением, а также осуществляется контроль за деятельностью органов власти со стороны граждан. Подобные исследования невольно воспроизводят официальный дискурс цифровизации, в рамках которого госпаблики – это часть некой позитивной цифровой трансформации. Например, А. С. Никитина и Т. Е. Зерчанинова делают вывод о том, что «цифровые решения позволяют повысить прозрачность и эффективность деятельности органов власти, уровень доверия между властью и населением, качество эффективных коммуникаций между властью и обществом» [5, с. 154]. А. А. Федоровских и М. М. Хусаинова также рассматривают госпаблики как инструмент коммуникации, с помощью которого создаётся «сеть достоверной информации», что приводит «к повышению открытости органов власти, формированию лояльной аудитории и развитию гражданского общества» [2, с. 303]. Похожий вывод делает А. Н. Скокова: «Присутствие власти в социальных сетях, мессенджерах, на интернет-порталах позволяет гражданам быть сопричастными в решении социально значимых вопросов...» [6, с. 101]. В то же время исследователи Г. О. Панфилов и А. В. Чугунов дают иную интерпретацию и показывают, что подобные проекты электронного участия скорее направлены на «повышение политической управляемости региональных органов власти» [7, с. 261].

Среди существующих рисков системы госпабликов акцент чаще всего делается на недостаточном количестве квалифицированных сотрудников, которые владели бы необходимыми навыками ведения соцсетей [2; 5; 6].

Отдельно стоит отметить, что методология этих текстов как правило ограничивается количественными исследованиями и проведением экспертных интер-

вью с руководителями «цифровой трансформации». Опыт пользователей и администраторов, которые ведут госаблики, на наш взгляд не получает должного внимания. Анализ опыта пользователей ограничивается анализом уровня вовлечённости в сообщество [1].

Представленный текст встраивается в существующую дискуссию, однако предлагает несколько иной подход: критически отнестись к цифровой трансформации и проблематизировать статус госаблика как «инструмента коммуникации», который выполняет некие официальные задачи. Мы предлагаем посмотреть на госаблики и иные сообщества организаций скорее как на «живые» сообщества. Посты в этих сообществах публикуются и читаются не абстрактной «организацией» и «аудиторией», а конкретными сотрудниками, которые могут разным образом создавать посты, и реальными пользователями – родителями учеников, читателями библиотеки и газеты и т.д.

Теоретические основания и методы исследования. Для рассмотрения обозначенной темы было проведено качественное эмпирическое исследование, опирающееся на традицию цифровой антропологии [8]. В рамках этой парадигмы исследователь пространственно или «виртуально» перемещается в своё «поле»: как правило, это небольшой город или другое физически существующее место. Анализируется то, как пользователи задействуют цифровые платформы в различных культурных контекстах. Представители этого подхода – Д. Миллер и М. Мадриану. Миллер пишет о том, что спецификой антропологического подхода к исследованию «цифрового» (технологий, медиа и т.д.) заключается в том, что антропология отказывается от универсальных категорий и стремится к нахождению локальных территориальных особенностей в использовании цифровых технологий: в зависимости от контекста технологии могут использоваться по-разному, так как онлайн и офлайн пространства связаны друг с другом [9].

Миллер и Мадриану на основе собственных полевых исследований разрабатывают теорию полимедиа [10]. Основная идея заключается в том, что медиа (различные цифровые технологии и программное обеспечение, которые опосредуют коммуникацию) рассматриваются не по отдельности, а как единая совокупность. Электронная почта, мессенджеры, социальные сети, сервисы для видео- и аудиозвонков, телефон и персональный компьютер – интегрированная среда аффордансов [11], которая определяет коммуникативный опыт, усиливает или ослабляет эффекты коммуникации: выбор медиа может задавать темпоральность коммуникации, позволяет создать дистанцию между собеседниками, контролировать уровни интимности [12; 13; 14; 10; 15]. Разные медиа применяются пользователями для разных практик, требующих больше или меньше сенсорной информации.

Идеи Миллера и Мадриану развивают К. Тагг и А. Лайонс [16], применяя и интерпретируя концепцию семиотического репертуара [17]. Семиотический репертуар позволяет рассматривать не только язык или жесты в отдельности, а весь набор семиотических ресурсов, которые индивид использует в зависимости от контекста – модальности. Такой подход позволяет «схватывать» больше семиотических высказываний, так как анализирует не только язык, но и жесты, использование материальных объектов и т.д. Если Миллер с Мадриану фокусировались на последствиях выбора того или иного медиа, то Тагг и Лайонс пытаются понять, как этот выбор влияет на семиотические ресурсы: лексику,

знаки препинания, эмоджи и пр. Вырисовывается сложная схема: пользователь в зависимости от своей практики выбирает устройство (например, смартфон или компьютер), затем платформу с набором «возможностей», это задаёт «модальность», которая в итоге определит набор «знаков».

В ходе исследования были отобраны сообщества города Печоры в популярной социальной сети «ВКонтакте». Выбор пал на такие паблики как: «Печорская правда» (9122 подписчика⁴, дата создания сообщества: 12.04.2019) – сообщество местной газеты, в котором публикуются городские новости; «МБОУ Печорская гимназия» (1817 подписчиков, дата создания сообщества: 02.05.2020) – официальное сообщество школы, в котором через посты транслируется школьная повседневность; и «Печорская районная библиотека» (865 подписчиков, дата создания: 31.10.2012) – официальное сообщество библиотеки, наиболее старое из представленных. Критерий отбора – разное количество подписчиков и наличие доступа к информантам. Было выбрано одно из самых больших сообществ города, одно из самых маленьких, и со «средним» количеством подписчиков.

Сбор данных проходил с помощью цифровой этнографии [18]: хронологически просматривалась лента в сообществах, начиная с самых первых публикаций до последних на момент проведения исследования (весны 2024-го года). Это была неформализованная процедура, поэтому трудно реконструировать точное количество просмотренных публикаций: в сообществе «МБОУ Печорская гимназия» это публикации с 2020-го года, в «Печорской правде» с 2019-го, и в «Печорской районной библиотеке» с 2012-го. Как правило, у публикации в определённый временной период есть определённый паттерн: у постов по-разному структурируется текст, разный объём, наличие или отсутствие иллюстрации. В ходе просмотра ленты можно наблюдать, как этот паттерн меняется: появляется пост, который отличается от всех предыдущих. На подобных постах, чей паттерн выбивается из ранее увиденного, приходилось останавливаться более подробно, чтобы понять как они устроены (что изменяется в структуре текста, какие изображения появляются или исчезают; устойчивы ли эти изменения и т.д.), затем проинтерпретировать и объяснить изменения. По ходу просмотра ленты делались краткие записи с описанием постов и расписыванием начальных гипотез и интерпретаций.

Затем с администраторами сообществ проводились полуструктурированные телефонные интервью: всего проведено 5 экспертных интервью длительностью от 20 минут до часа. Критерием отбора была роль администратора: в сообществе школы и газеты были выбраны сотрудники, которые отвечают за публикацию большей части контента, и их можно назвать «главными». Два интервью с администраторами сообщества «МБОУ Печорская гимназия»: один администратор из школы редактирует и публикует большую часть контента, а второй отправляет посты на модерацию через «Госуслуги». Два интервью с бывшим и нынешним⁵ администраторами сообщества «Печорская правда», которые, по сути, в одиночку публиковали весь контент. В сообществе библиотеки роли распределяются иначе, там больше администраторов, каждый из которых отвечает за «свою» тему. Информантом стал один из сотрудников, который, как и его коллеги, публикует посты в сообщество и параллельно администрирует сайт. С накоплением определённого объёма данных заметки и интервью перечитывались

⁴ Данные о подписчиках актуальны на момент апреля 2024-го года.

⁵ «Нынешним» на момент апреля 2024-го года.

и проводилась процедура открытого кодирования: фрагменты текста получали коды, сравнивались друг с другом, объединялись в категории, что позволило сделать ряд общих выводов.

Роль «центра» в администрировании сообществ: рекомендации и курсы как способ овладения семиотическим репертуаром. Значимую роль в том, как именно сообщества социальной сферы репрезентируют себя в социальной сети «ВКонтакте» в последние годы, играют ограничения и правила, которые задаются вышестоящим руководством (условным «центром»), а также обучение администраторов. Правила могут быть как жёсткими (например, чёткий график выхода постов или публикация постов через «Госуслуги»), так и мягкими (например, рекомендации по оформлению текста). Обучение представляет собой прохождение соответствующих курсов и заимствование «*фишек*» из «сообществ-эталонов» – сообществ организаций, которые с точки зрения «центра» эффективно публикуют информацию и взаимодействуют с аудиторией.

С помощью рекомендаций и курсов администраторы осваивают то, что мы будем называть «семиотическим репертуаром» – конфигурацию знаков, из которой выстраивается оформление страницы и публикаций. Это может быть определённая структура поста с разбиением на короткие абзацы или единое цветовое оформление изображений в сообществе.

С помощью правил, рекомендаций и обучения «центр» контролирует содержание публикаций в сообществе, стремится к эффективному, с его точки зрения, распространению информации и включает сообщества в единую сеть. Например, базовым правилом в сообществах госорганизаций («МБОУ Печорская гимназия» и «Печорская районная библиотека») является публикация постов через «Госуслуги»: ответственный администратор отправляет пост на проверку модератору, и лишь после одобрения он публикуется в сообществе. В разделах госпабликов (сгруппированных виджетах, которые видны при заходе на страницу) должны присутствовать ссылки на отдельные «Госуслуги» (например, в «Печорской гимназии» это «*Сообщить о проблеме*», «*Запись в кружок*»), телефоны экстренных служб, а в «Подробной информации» должны быть прикреплены контакты организации.

Сервис «Госуслуги» таким образом позволяет вести учёт за количеством публикаций в сообществе, контролировать их содержание и централизованно публиковать посты, посвящённые федеральным и региональным проектам:

«Есть определённые статьи, которые они рекомендуют нам разместить. [...] Некоторые посты они сами публикуют прямо как модераторы. Рассылают по группам...» (администратор 3, жен.)⁶.

В то же время, в сообществах госорганизаций (школы и библиотеки), согласно интервью с информантами, нет правил и рекомендаций по оформлению текста: администраторы вправе свободно создавать посты, подбирая собственные конфигурации семиотических ресурсов. Тем не менее, просматривая посты в хронологическом порядке можно выделить определённые способы создавать контент в сообществе. Мы предполагаем, что это достигается с помощью обучения.

Обучающие программы для сотрудников учреждений, ведущих официальные сообщества, существуют в разных форматах: например, видеокурс «Ака-

⁶ Здесь и далее цитаты из интервью в целях анонимизации обозначаются с указанием присвоенного номера и пола администратора.

демия госпабликов»⁷, сайт «Госпаблики России»⁸, упоминаемое информантами сообщество «Госпаблики – Лучшее»⁹.

«Да, я, конечно, прохожу курсы...» (администратор 1, жен.).

В описанном администратором сообществе регулярно публикуются советы по эффективному администрированию госпабликов. Например, размещена серия видеоуроков с краткими советами по общему ведению страницы, оформлению текста и постов. Есть видео, посвящённые фотографиям, тексту, «брендингованию» и т.д. Следование многим из приведённых в видеороликах советов, мы наблюдали в ходе хронологического анализа постов в сообществах «Печорской гимназии» и «Печорской районной библиотеки». В частности, рекомендациям: «используйте собственный визуальный контент», «самый важный акцент должен быть в начале текста», «делите ваш контент на рубрики; рубрикатор можно представить в виде хэштегов». Советы в роликах дополняются ссылками на сообщества-эталоны, из которых администраторы могут заимствовать успешные решения. Например, комментарий: «Администрация Брянского района одноимённой области вынесла рубрикатор в отдельный лонгрид»¹⁰. Перечисленные выше обучающие сайты организованы АНО «Диалог» (и её «дочкой» АНО «Диалог-регионы») – официально созданной для курирования цифровизации обратной связи между населением и властью. Таким образом, непосредственно в ходе обучения, администраторы подстраиваются под официальные правила «центра» и осваивают семиотический репертуар SMM-администрирования.

В сообществе «Печорской правды» администраторы должны соблюдать гораздо больше рекомендаций по оформлению страницы сообщества и публикаций: текст должен быть «не очень большой», делиться на короткие абзацы, необходимо использовать эмоджи и прикреплять фотографии в горизонтальном виде. Есть также правила по графику выхода постов: минимум 4 поста в день, между постами должен проходить минимум 1 час; нельзя делать репосты публикаций, но можно ставить ссылки на них, перерабатывая оригинальный текст. Администратор из «центра» имеет возможность публиковать посты (как правило, рекламные) или удалять комментарии, нарушающие правила сообщества.

Правила, рекомендации и официальное обучение приводят к тому, что сообщества становятся ретрансляторами социальной жизни в организациях (как в случае с «Печорской гимназией» и «Печорской районной библиотекой») и за её пределами (как в случае с «Печорской Правдой»). Администраторы осваивают семиотический репертуар, который направлен на регулярную публикацию постов, созданных с помощью определённых приёмов, то есть на стандартизацию контента. Подобный подход нацелен не на создание уникальных публикаций, а на трансляцию событий в форме единообразных постов, созданных по определённому алгоритму.

Потеря аутентичности» и возникновение «постов-отчётов». Подобное мы назовём «потерей аутентичности» – процессом, в ходе которого традиционные для сообщества способы создания контента, заменяются инструментари-

⁷ Академия госпабликов. URL: <https://edu.dialog-regions.ru/gospublic> (дата обращения: 04.02.2025).

⁸ Госпаблики России. URL: <https://gospabliki.ru> (дата обращения: 04.02.2025).

⁹ Госпаблики – Лучшее. URL: <https://vk.com/gospubest> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰ Брендинг в госпабликах: [видео] // ВКонтакте. URL: https://vkvideo.ru/video-216307558_456239063 (дата обращения: 04.02.2025).

ем, предложенным «центром». Этот инструментарий предполагает эффективные, стандартизованные способы создавать и публиковать контент, который, на практике, не приводит к отклику аудитории, а создаёт серии однотипных, выхолащенных «постов-отчётов». В то же время, в сообществах исторически существуют «аутентичные» способы создавать контент. Способы, которые задействуют творческие способности администратора, и могут вызывать реакцию со стороны аудитории.

При анализе в рассматриваемых сообществах публикаций с 2020 по 2024 годы, можно выделить некоторые тенденции. Во-первых, начиная с 2020 года в текстах постепенно появляется общая структура: заголовок, который кратко дублирует содержание остального текста; текст разбивается на небольшие абзацы в несколько строк. Во-вторых, в постах начинают использоваться эмоджи и хэштеги, чтобы сделать текст более выразительным, тематически разделить посты и включить их в сеть других сообществ. В-третьих, в постах используются фотографии, сделанные сотрудниками организации в ходе мероприятий. В-четвёртых, у всех сообществ появляется «шапка» (фоновая область над названием и информацией о сообществе), заполненные разделы, прикреплённые виджеты.

Хронологически просматривая посты, можно увидеть аутентичные методы создания и оформления контента. В «Печорской районной библиотеке» до 2020 года большинство постов – это изображения, связанные с книжной и библиотечной эстетикой, взятые из интернета или из других тематически близких сообществ. Тексты лаконичны: администратор в нескольких предложениях приглашает поучаствовать в мероприятии, или рассказывает о поступлении новой книги. В период с 2020 по 2022 годы сообщество меняется: появляется всё больше подробных «отчётов» с прошедших мероприятий – длинных текстов с чёткой структурой, фотографиями, большим количеством эмоджи и т.д. С помощью хэштегов, ссылок и репостов увеличивается количество упоминаний областных и региональных проектов, что позволяет включить посты в широкую сеть.

Подобный процесс можно наблюдать в сообществах «Печорской гимназии» и «Печорской правды». В «Печорской гимназии» до февраля 2021 года посты выходили не регулярно, текст не делился на абзацы, мог быть размером в несколько сотен слов; иногда встречалось использование картинок из интернета, или публикация изображения без какого-либо текста. Также в «Печорской гимназии» периодически выходили посты, посвящённые 8 марта, дню учителя, 9 мая и другим праздникам. Обычно в таких постах представлены фотографии и видеозаписи, сделанные школьниками, родителями, выпускниками. Во время пандемии, в 2020–2021 годах созданы серии постов, посвящённых «последнему звонку» и «вечеру встречи». Они выстроены таким образом, что хронологически повторяют события мероприятия. Первый пост работает как начало мероприятия (из-за пандемии «последний звонок» пройдёт в дистанционном формате), далее «автор» обращается к выпускникам, педагогам и родителям, предоставляет слово директору и далее. Это сознательное творческое решение, которое родилось в кризисный момент пандемии и выполняло определённую задачу: провести «праздник» в дистанционном формате. При этом подобная серия постов не только задействует навыки администратора, но и требует активности аудитории.

В Печорской гимназии долгое время новости публиковались на сайт (до того, как к нему стали предъявляться более строгие требования). Существо-

вал также формат блогов на платформе от Google, в котором каждый класс публиковал информацию о себе, участвовал в школьных конкурсах фотографий. В 2021 году у школы появляется страница в Instagram¹¹, на которой освещалась школьная жизнь «изнутри»:

«У нас такой контент интересный был в Инстаграме. [Имя учителя] вела. Туда выкладывались всякие там рилсы... Неформальная такая была группа, да, не гос... Ну не через госуслуги была пропущена, да? Было очень много подписчиков, было клёво...» (администратор 1, жен.).

Специфические навыки и творческий подход конкретного учителя позволили создать сообщество, способное привлечь учеников, выпускников и учителей. Однако, для официального сообщества подобный неформальный подход не подойдёт:

[Отвечая на вопрос, можно ли вести сообщество школы, как страницу в Инстаграме] *«Ну нет, понимаешь, у нас все-таки «ВКонтакте» – это официальная страница «Печорской гимназии». Она, конечно, не для документации, но она и не для такого увеселительного контента»* (администратор 1, жен.).

В случае «Печорской Правды» сначала (в 2019-ом году) выходили «простыни» текста – длинные посты, которые часто копировали статьи из газеты (с указанием авторства): в них не было деления на абзацы, эмоджи, иллюстраций, посты также выходили нерегулярно. Первый администратор воспринимал сообщество как продолжение газеты, подходу к созданию постов скорее как журналист и редактор. У него даже были творческие замыслы создания канала в Telegram:

«[...] это более серьёзная штука, она более склонна к анализу и более аналитическая, и там уже можно было бы поиграть смыслами» (администратор 2, муж.).

С начала 2024 года в газету приходит новый главный редактор. Она, в ходе администрирования, делает акцент на коммуникации с аудиторией, сравнивая сообщество «Печорской правды» с сообществами по типу «Подслушано в...», где пользователи сами могут предлагать посты, что является принципиально иным способом администрирования. При ней форма постов окончательно стандартизируется: текст начинает дробиться на фрагменты, активно используются эмоджи, хэштеги, фотографии с мероприятий, оформление страницы с помощью виджетов и разделов.

Роль пользователей-администраторов: «готовые решения» и «ошибки» в ходе администрирования. Аутентичные способы создания контента – это часть того, что мы будем называть готовыми решениями. Учителя, журналисты, библиотекари, привлечённые к ведению официальных сообществ, – это в большинстве своём обычные пользователи, не имеющие специфических познаний в SMM (social media marketing) и администрировании. Когда они получают статус администраторов, им изначально самим приходится придумывать способы создавать и публиковать контент. Социолог Э. Свидлер пишет, что в периоды так называемых «нестабильных культур» (unsettled cultures) происходит культурный шок, за которым следует борьба различных идеологий, предлагающих различные «стратегии действия» [19]. Ситуация, когда от людей, не владеющих соответствующими навыками, требуют администрировать сообщества – это си-

¹¹ Холдинг Meta, куда входит Instagram, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

туация своеобразного культурного шока, которая заставляет искать стратегии действия. В этот момент предыдущий опыт пользователя позволяет находить готовые решения, то есть посты приобретают привычную администратору форму. Например, объёмный газетный текст без изменений переносится в пост или же серия постов хронологически повторяет мероприятие в школе.

В большинстве сообществ есть несколько администраторов с разными ролями, однако есть «главные», координирующие создание постов. Администратор получает от сотрудников или читателей текст, который может быть отредактирован и опубликован, либо сначала отправлен на модерацию через «Госуслуги». Посты приходится создавать быстро: большинство информантов не пользуются текстовыми редакторами, используя смартфон, напрямую вписывая или копируя текст в «отложенный пост» – аффорданс, позволяющий редактировать текст публикации и откладывать время её выхода. Подобный подход позволяет быстро собирать информацию (в случае газеты) и координировать процесс создания постов между сотрудниками организации (в случае школы и библиотеки). Смартфон также позволяет собирать информацию из других сообществ района:

«Я подписана на огромное количество групп. Конечно, у меня просто выплывает в ленте, что вот там-то состоялось то-то, было то-то» (администратор 1, жен.).

«И конечно, я в режиме двадцать четыре на семь просматриваю ленту. Я подписана на все группы всех организаций Печорского район» (администратор 4, жен.).

Однако, подобный подход ведёт и к тому, что мы назовём «ошибками»¹². Например, к путанице понятий. В ряде публикаций в сообществе школы во время пандемии долгое время вместо понятия «онлайн» писалось «офлайн». И пост, в котором говорилось о невозможности личной встречи из-за пандемии, превращался в: «Ребята мечтали прийти в школу в роли выпускников. К сожалению, очно пока это невозможно. Но мечты должны сбываться... хотя бы в офлайн формате!». Некоторые англоязычные термины могут быть неправильно написаны: в одном из постов школы, например, VR (virtual reality) записано как «Viag». Иногда «ошибки» вызывают реакцию со стороны пользователей и приводят к редактированию поста. В «Печорской правде» это грамматические ошибки:

«Опубликовала чей-то материал, а там оказалось есть грамматические ошибки. И обвинили в этом меня» (администратор 4, жен.).

В случае школы последствия могут быть более серьёзными: неправильное написание имени ученика или его не-упоминание может вызвать негативную реакцию со стороны родителя.

Иногда «ошибки» проявляются в отсутствии базовых навыков. Например, один из информантов забывает нажать кнопку «ответить»:

«У меня до сих пор есть такое, что я захожу дать ответ и путаю, например, даю ответы не от газеты, а от себя...» (администратор 4, жен.). В этом случае пользователь не получит уведомление об ответе.

В разделах сообществ могут находиться старые статьи с неактуальной информацией: в школе и библиотеке они не обновлялись и не дополнялись 4 года. В «Печорской гимназии» есть ссылка на сообщество, которое было приурочено к определённому мероприятию, однако страница полностью пуста, и там один

¹² В данном случае слово «ошибка» следует воспринимать как аналитическую категорию.

участник – администратор. В «Печорской правде» долгое время существовала снятая *вертикально* видеозапись, в которой подводили итоги розыгрыша 5 килограммов сахара и трёх книги (сейчас это видео удалено).

Заключение. В рамках модели, которая представлена в этой работе, на то как организации социальной сферы репрезентируют себя в социальной сети «ВКонтакте», влияют две стороны: «центр» и пользователи-администраторы на местах. «Центр» фактически воспроизводит доминирующий менеджериальный дискурс цифровизации, с помощью рекомендаций, курсов, сообществ-эталонов задавая правила администрирования. Правила, которые задаёт «центр», подразумевают, что сообщество должно эффективно «продвигать» себя, привлекать аудиторию, но это приводит лишь к соблюдению формальных требований: регулярному созданию стандартизованных однообразных постов.

Формальные требования, курсы и рекомендации, подражание сообществам-эталонам приводят к потере аутентичности: привычные в организациях способы создавать контент заменяются «постами-отчётами» – бесконечному потоку однообразных текстов, соответствующих единой формальной структуре. Спешка, совмещение с основными обязанностями, недостаток навыков сводят создание постов к трансляции повседневной рутины, в большинстве случаев не задействуя творческие способности администраторов и почти не вовлекая аудиторию. При этом зачастую прежние авторские методы создания контента, личные творческие инициативы выполняли требуемые задачи информирования, нередко вызывали отклик аудитории, но не вписывались в предлагаемый «центром» формат.

В качестве администраторов региональных сообществ, как правило, выступают рядовые сотрудники организации, не обладающие профильными SMM-навыками, зато, помимо задач по сбору информации и оформлению постов, имеющие основные рабочие обязанности. Из-за спешки и отсутствия базовых навыков в администрировании возникают «ошибки».

Можно говорить о том, что правила, предлагаемые «центром», приводят к унификации и стандартизации контента, что напрямую влияет на репрезентацию сообществ: пользователь, заходя на страницу, видит посты, формально вписывающиеся в представление о сообществе, как об открытом инструменте коммуникации. Тексты постов, прикреплённые изображения, оформление страницы и прочие элементы чаще всего соответствуют тому, что можно назвать стандартами SMM-администрирования. В самих постах структурировано и подробно описываются события, которые произошли в организации и за её пределами (в случае газеты). Иногда появляются ссылки на сторонние региональные и федеральные проекты. Формальные требования соблюдаются: сообщества действительно позиционируют себя как официальные страницы. Это также приводит к тому, что сообщества становятся частью единой, унифицированной сети, тем самым теряя уникальность и аутентичность. В итоге, сообщества работают не столько на привлечение и взаимодействие с пользователями, сколько на соблюдение формальных требований. Процесс создания и публикации постов становится самоцелью, а не способом решения конкретных творческих и коммуникативных задач: администратор, используя одни и те же алгоритмы, ставит публикации на поток, чтобы вписаться в план по количеству публикаций.

Таким образом, исследование выявило существенные противоречия между декларируемыми целями создания госпабликов и их фактическим функционированием, что требует дальнейшего научного осмысления и практических решений.

Библиографический список / References

1. *Василенко И. А.* Госпублики органов местного самоуправления Алтайского края во «ВКонтакте»: опыт анализа // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. С. 17–25. EDN [PPNOYG](#).
Vasilenko I. A. Altai krai local government communities in “VKontakte”: experience of analysis. *PR v izmenyayushchemsya mire: regional'nyi aspekt*. 2023;(28):17–25. (In Russ.).
2. *Федоровских А. А., Хусайнова М. М.* Госпублики как инструмент трансформации культуры информационно-коммуникационного взаимодействия органов власти и общества // Культура и природа политической власти: теория и практика : Сб. науч. трудов / Под общ. ред. А. А. Керимова. Екатеринбург : УрГПУ, 2023. С. 299–303. EDN [HSSNXR](#).
Fedorovskikh A. A., Khusainova M. M. State publics as a tool for transforming the culture of information and communication interaction between authorities and society. In: Kerimov A. A. (ed.) *Culture and nature of political power: theory and practice: coll. of scientific works*. Ekaterinburg: UrGPU; 2023. P. 299–303. (In Russ.).
3. *Филатова О. Г.* Электронное взаимодействие власти и граждан в экосистеме государственных коммуникаций: исследование региональной специфики // Медиа в современном мире : Сб. матер. в 2-х томах (Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023) / Отв. ред. А. А. Малышев. Том 2. СПб : «Медиапапир», 2023. С. 260–261. EDN [JZQYDO](#).
Filatova O. G. Electronic interaction between authorities and citizens in the ecosystem of state communications: study of regional specifics. In: *Malyshev A. A. (ed.) Media in the modern world: coll. of materials in 2 vol.* (St. Petersburg, 28 June – 01 July 2023). Vol. 2. St. Petersburg: ‘Mediapaper’; 2023. P. 260–261. (In Russ.).
4. *Иванов Д. В.* Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 3. С. 7–35. DOI [10.31119/jssa.2023.26.3.1](#). EDN [YLSMCN](#).
Ivanov D. V. Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(3):7–35. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2023.26.3.1](#).
5. *Никитина А. С., Зерчанинова Т. Е.* Информационная открытость государства в условиях цифровой трансформации: социологический анализ // Власть. 2023. Т. 31, № 1. С. 148–156. DOI [10.31171/vlast.v31i1.9479](#). EDN [NINXJO](#).
Nikitina A. S., Zerchaninova T. E. Information openness of the state in the context of digital transformation: a sociological analysis. *Vlast'*. 2023;31(1):148–156. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v31i1.9479](#).
6. *Скокова А. Н.* Вовлеченность населения в процессы цифровой коммуникации с региональными органами власти: оценка жителей Курской области // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 97–102. EDN [IFKKAW](#).
Skokova A. N. Involvement of the population in the processes of digital communication with regional authorities: assessment of residents of the Kursk region. *Legal Science*. 2023;(4):97–102. (In Russ.).
7. *Панфилов Г. О., Чугунов А. В.* Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью // Управленческое консультирование. 2024. № 5(185). С. 253–264. DOI [10.22394/1726-1139-2024-5-253-264](#). EDN [TFSLPR](#).
Panfilov G. O., Chugunov A. V. Centralization of the system of e-participation in the Russian Federation: expert interviews data. *Administrative Consulting*. 2024;(5):253–264. (In Russ.). DOI [10.22394/1726-1139-2024-5-253-264](#).
8. Bluteau J. M. Legitimising digital anthropology through immersive cohabitation: Becoming an observing participant in a blended digital landscape. *Ethnography*. 2019;22(2):267–285. DOI [10.1177/1466138119881165](#).
9. Miller D. Digital anthropology. In: *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. 2018. DOI [10.29164/18digital](#).
10. Madianou M. Smartphones as polymedia. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014;19(3):667–680. DOI [10.1111/jcc4.12069](#).
11. Costa E. Affordances-in-practice: an ethnographic critique of social media logic and context collapse. *New Media & Society*, 2018;20(10):3641–3656. DOI [10.1177/1461444818756290](#).

12. Acedera K. A., Yeoh B. S. 'Making time': Long-distance marriages and the temporalities of the transnational family. *Current Sociology*. 2019;67(2):250–272. DOI [10.1177/0011392118792927](https://doi.org/10.1177/0011392118792927).
13. Madianou M. Ambient co-presence: transnational family practices in polymedia environments. *Global networks*. 2016;16(2):183–201. DOI [10.1111/glob.12105](https://doi.org/10.1111/glob.12105).
14. Madianou M. Polymedia and ethnography: understanding the social in social media. *Social Media + Society*. 2015;1(1). DOI [10.1177/2056305115578675](https://doi.org/10.1177/2056305115578675).
15. Madianou M., Miller D. Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. *International Journal of Cultural Studies*. 2013;16(2):169–187. DOI [10.1177/1367877912452486](https://doi.org/10.1177/1367877912452486).
16. Tagg C., Lyons A. Polymedia repertoires of networked individuals: a day-in-the-life approach. *Pragmatics and Society*. 2021;12(5):725–755. DOI [10.1075/ps.20051.tag](https://doi.org/10.1075/ps.20051.tag). EDN [IBXLQW](https://www.edn.net/IBXLQW).
17. Kusters A. [et al.]. Beyond languages, beyond modalities: transforming the study of semiotic repertoires. *International Journal of Multilingualism*. 2017;14(3):219–232. DOI [10.1080/14790718.2017.1321651](https://doi.org/10.1080/14790718.2017.1321651).
18. Pink S. [et al.]. Digital ethnography: principles and practice. New Delhi: SAGE Publ.; 2015. ISBN 978-1473902381.
19. Swidler A. Culture in action: symbols and strategies. *American Sociological Review*. 1986;51(2):273–286. DOI [10.2307/2095521](https://doi.org/10.2307/2095521).

Поступила: 23.10.2024. Доработана: 17.02.2025. Принята: 11.03.2025.

Сведения об авторе:

Терашкевич Илья Сергеевич, бакалавр (социология), инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
ilya.terashkevich@yandex.ru

I. S. Terashkevich¹

¹ St Petersburg University. St. Petersburg, Russia

SELF-REPRESENTATION OF SOCIAL SPHERE ORGANIZATIONS ON VKONTAKTE: ROUTINIZATION AND LOSS OF AUTHENTICITY

Abstract. The article presents a study of communicative practices of social sphere organisations in VKontakte after the adoption of the law on state publics. On the material of a qualitative study of communities in the city of Pechory (Pskov region) the key trends of changes in the self-representation of local communities in the digital space are revealed. The study was conducted in the paradigm of digital anthropology with the support of D. Miller and M. Madiana's theory of polymedia and K. Tagg and A. Lyons' concept of polymedia repertoire. For the empirical study, three communities in a small regional city were selected, their posts were chronologically analysed, and a series of semi-structured interviews with the administrators of these communities were conducted. Particular attention was paid to the influence of unified centralised, top-down requirements on content creation practices and the consequences of this standardisation. The contradiction between the declared goal of creating publics as open communication channels and the actual result in the form of formal fulfilment of requirements through the publication of standardised, emasculated texts that broadcast the daily routine inside and outside the organisation, which often does not resonate with the audience, has been revealed. At the same time, authentic ways of creating original content based on the creativity of administrators are being displaced, despite their greater effectiveness in engaging audiences. There are consequences of the tendency to involve ordinary employees without special skills in administration, which increases their workload while reducing user engagement, as well as accelerating the processes of algorithmicisation and formalisation of content.

Keywords: digitalization, digital anthropology, polymedia, gospablik, local online communities, digital communication

For citation: Terashkevich I. S. Self-representation of social sphere organizations on VKontakte: routinization and loss of authenticity. *Science. Culture. Society*. 2025;31(1):71–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.1.6>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00093, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00261/>

Received: 23.10.2024. Corrected: 17.02.2025. Accepted: 11.03.2025.

Information about the author:

Илья С. Терашкевич, Bachelor's degree (sociology), research engineer,
St Petersburg University. St. Petersburg, Russia.
ilya.terashkevich@yandex.ru

Рецензия
DOI [10.19181/nko.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.7)
EDN [RWBMEG](https://www.edn.org/RWBMEG)
УДК 316.42

С. В. Козин¹, Т. П. Жидяева²

¹ Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия
² ЧГУ им. И. Н. Ульянова, Алатырский филиал. Алатырь, Россия

НОВЫЕ ЗНАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКОГО ПРЕКАРИАТА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИЗНЕННЫЙ МИР РАБОТНИКОВ: УСТОЙЧИВОСТЬ VERSUS ПРЕКАРНОСТЬ / ПОД РЕД. Ж. Т. ТОЩЕНКО. М.: ВСЬ МИР, 2024. 462 с.)

Аннотация. Рецензия освещает ключевые идеи и положения опубликованной в 2024 году коллективной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» под редакцией члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко (Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с.). Монография завершает цикл публикаций, посвящённых прекаризации – особому аспекту труда в современном обществе, характеризующемуся нестабильностью и неустойчивостью профессиональной занятости больших групп населения. В современном обществе, где границы между работой и личной жизнью всё больше «размываются», концепции «устойчивости» и «прекарности» становятся центральными для осмысления жизненного мира работников. Устойчивость подразумевает наличие стабильной занятости, чётких карьерных перспектив и социальной защиты, она создаёт уверенность и содействует развитию талантов, профессиональных навыков и личной идентичности. Прекарность, напротив, отражает неопределённость и нестабильность. Работники, очутившиеся в ловушке временных контрактов, фриланс-проектов и/или неполной занятости, подвержены стрессу, который отрицательно сказывается на их психическом и физическом здоровье, что порождает не только экономическую уязвимость, но и социальную обособленность, существенно снижая качество жизни. На страницах монографии коллектив авторов пытается дать комплексное освещение этому явлению. Рецензентами освещается структура монографии, рассматривается её базовое понятие «жизненный мир» и его эволюционное развитие в недрах исторической социологической и философской мысли. Кроме того, даётся краткий разбор трансформационных изменений занятости в России и за рубежом, а также в системе образования. Рецензенты полагают, что данная коллективная монография вызовет заинтересованность не только представителей профессорско-преподавательского и научного состава, но также будет интересна докторантам, аспирантам, специалистам и студентам, управленцам, исследующим социальные проблемы занятости.

Ключевые слова: прекаризация труда, прекариат, жизненный мир, профессиональное образование, трансформация занятости

Для цитирования: Козин С. В., Жидяева Т. П. Новые знания в изучении российского прекариата (рецензия на книгу: Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2024. 462 с.) // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 1. С. 85–93. DOI [10.19181/nko.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.7). EDN [RWBMEG](https://www.edn.org/RWBMEG).

Московское издательство «Весь Мир» летом 2024 года презентовало коллективную монографию «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» под редакцией члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко [1]. В авторский коллектив вошли более пятнадцати авторов, представляющих ведущие вузы и академические центры России. Работа опирается в значительной степени на

данные всероссийских репрезентативных социологических исследований, в том числе на проект «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е гг.)» (РНФ, проект № 14-18-02016, исследование проведено коллективом РГГУ под научным руководством Ж. Т. Тощенко) и проект «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (РНФ, проект № 18-18-00024, исследование проведено коллективом РГГУ под научным руководством Ж. Т. Тощенко).

Рассматриваемая монография является, как и предыдущие фундаментальные работы коллектива по этой тематике [2; 3; 4; 5], последовательным изложением теоретических и прикладных понятий прекарности труда в различных аспектах. Отличительная особенность новой монографии заключается в том, что, *во-первых*, в ней представлен тщательный анализ исторических аспектов рождения понятия «жизненный мир», его интерпретации с точки зрения а) единства сознания, поведения и условий, в которых они функционируют (т.е. общественной среды); б) жизнедеятельности социальных, профессиональных, этнических и конфессиональных общностей и групп и т.д. *Во-вторых*, осмысление жизненного мира происходит в виде комплекса как позитивных, так и проблемных черт; под влиянием как внешних факторов, таких как научно-технологические и информационные революции, так и внутренних, личных мотивов и интересов. *В-третьих*, особое внимание направлено на феномен появления нового класса – прекариата, под которым понимаются социальные общности и группы у которых «а) негарантированное социально-правовое положение (отсутствие или краткие сроки трудового договора); б) специфические формы организации трудового процесса (неполная, эпизодическая или сезонная занятость)...» [1, с. 23]. *В-четвёртых*, осуществлён сравнительный анализ данных пяти всероссийских опросов трудоспособного населения по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов. *В-пятых*, проведён анализ новых профессиональных групп подобно научным работникам, сотрудникам сферы культуры, работникам торговли. Отдельного внимания заслуживает изучение жизненного мира студенческой молодёжи и прекарнизация жизненного мира старшего поколения.

Монография по своей структуре состоит из предисловия (Г. А. Тосунян), введения (Ж. Т. Тощенко), двух частей, включающих в себя совокупно шестнадцать глав, заключения, трёх приложений (эмпирические данные всероссийских социологических исследований коллектива социологов РГГУ 2012–2022 гг. в табличной форме) и именного указателя. Чтобы избежать пересказа всей книги постараемся максимально обобщить её идеи, остановившись подробнее лишь на паре-тройке глав.

В основе коллективного научного труда лежит теоретическая концепция «социология жизни» (Ж. Т. Тощенко), в которой жизненное пространство рассматривается как синергетическая особенность процессов, происходящих в жизни людей во всех ключевых областях общества – экономической, политической, социальной и духовно-культурной. Авторский коллектив опирается на современную специализированную (отечественную и зарубежную) научную релевантную литературу. Эмпирической основой произведения стали данные всероссийских опросов трудоспособного населения России, проведённых РГГУ в 2018 (n=1200), 2019 (n=900), 2020 (n=900), 2021 (n=800), 2022 (n=1200) годах по квотной выборке с охватом различных отраслей национального хозяйства.

Кроме этого в работе использованы данные исследований других научных организаций, среди которых Институт социологии ФНИСЦ РАН (2021 г., n=4241), Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (2014 г., n=1601; 2018 г., n=1605; 2022 г., n=1700) и др.

В главе 1 «Жизненный мир, эволюция смыслов и его особенности в современной России» Жаном Терентьевичем Тощенко подробно (можно сказать, эталонно) проанализировано понятие «жизненный мир», его структура, а также раскрыта трансформация исторического, философского и социологического понимания идей, связанных с данным феноменом. Как указывает в тексте сам автор, существенное влияние на трансформацию идей, связанных с жизненным миром, оказали такие именитые зарубежные учёные, как А. Шюц, Д. Э. Дюркгейм, М. Вебер, Э. Гуссерль, Ю. Хабермас. Обращаясь к классическим трудам, Ж. Т. Тощенко напоминает, что научное понятие «жизненный мир» впервые прозвучало в трудах немецкого философа Э. Гуссерля (1859–1938), который трактовал его как «окружающую человека действительность, как основу (“почва и горизонт”, по его выражению) общественной и повседневной практики» [1, с. 26]. «Жизненный мир – это единство объективного и субъективного, – пишет Ж. Т. Тощенко, – что в социологической интерпретации предполагает синтез реального общественного сознания... действительного поведения людей; условий, в которых они реализуются» [1, с. 30]. По мнению Ж. Т. Тощенко, сам по себе жизненный мир чрезвычайно многогранен, а порой даже и вовсе двойственен [1, с. 31–32].

Главной проблемой, отражённой в монографии, является прекаризация труда в современной России. Под этим явлением автор понимает расслоение общества на определённые группы, члены этих групп имеют неустойчивую форму занятости и зачастую не защищены на законодательном уровне. Основными чертами прекаризации являются: отсутствие оформления трудовых отношений или оформление отношений на короткие сроки; «серая» или «чёрная» схема выплаты заработной платы; отсутствие выплат по временной нетрудоспособности, декретных, отпускных и т.д.; сезонная или эпизодическая формы занятости. Современные исследования зарубежных коллег показывают расширение класса прекариата, а так же увеличение научного поля в изучении отдельных социальных профессиональных групп, подверженных прекаризованной занятости, которая сказывается на их повседневной жизни, проведении культурных, досуговых предпочтений [6; 7; 8; 9; 10].

Жизненный мир рассматривается с различных позиций. Например, с точки зрения социальной сферы проблемы прекариата заключаются в низкой заработной плате данной группы по отношению к прочим, отсутствии социального страхования и гарантий перед гражданами. В политической жизни региона данный класс практически не принимает участие, как правило, негативно оценивает деятельность органов государственной власти, а также считает, что простые граждане не могут оказать воздействие на государственную и муниципальную власть. Особое внимание автор уделяет проблемам социального неравенства в сфере образования и науки. В нашей стране произошла трансформация единого образовательного пространства посредством реформирования [1, с. 32].

Советское образование и учёные считались самыми лучшими в мире (не случайно такие страны как Великобритания, Финляндия переняли его), однако некоторые либерально нацеленные индивидуумы подставили под сомнение качество российского образования и науки. К чему привели попытки улучшения их по западному образцу хорошо видно на примере «российской силико-

новой долины» Сколково – научного центра по разработке инноваций. В США аналогичная «долина» делала упор на консолидацию и базу университетских учебных заведений страны, а Сколково располагало скромными ресурсами и, буквально, «непаханным полем» перед собой, которое требовало «обработки» [1, с. 53]. Второй пример касается «Роснано» во главе с «эффективным менеджером» А. Б. Чубайсом [1, с. 53]. Целью данной корпорации стали инвестиции в высокотехнологичные проекты на территории России. За первые 8 лет существования компании было вложено около 300 млрд рублей, однако инвестиционные проекты не окупились, и «Роснано», по данным 2020 года, несло убытки в размере 52 млрд рублей [1, с. 54]. Особо подчеркнём, что все раскрученные в СМИ «инновационные» проекты, за которые брались «Роснано», как правило, заканчивались сплошным фиаско.

В завершении главы автор пытается не только обобщить массив прошлого, но и на основе этого выработать прогноз на ближайшее будущее. На основе обширных эмпирических данных Ж. Т. Тощенко констатирует: « Особое место в характеристике жизненного мира россиян занимает такой социально-психологический показатель как *неуверенность в своём социальном положении не только в текущий момент, но и в перспективе*, в своём будущем» (курсив автора – Ж. Т.) [1, с. 59].

Весьма интересной для читателя может быть глава 3 «Трансформации занятости в России и за рубежом» А. В. Попова и Т. С. Соловьёвой. По их мнению, трансформация занятости совершается и на мотивационном уровне. Авторы предлагают разбор существующих в данное время форм занятости [1, с. 102–104]. В завершении обобщения научной литературы и статистики А. В. Попов и Т. С. Соловьёва приходят к выводу, что прекаризация стала одним из наиболее существенных вызовов трансформации занятости. Её влияние стремительно расширяется за пределы непосредственно трудовой деятельности. Она приводит к снижению доходов, отсутствию социальных гарантий, ухудшению здоровья и ограничению жизненных возможностей, включая создание семьи и карьерный рост. Состояние нестабильности влияет на доступ к качественно-му жилью, медицине и образованию и, как следствие, на благополучие будущих поколений. Субъективно прекарность вызывает тревогу, неопределённость и сужение горизонтов планирования. Феномен имеет комплексный характер, отражая общую социальную нестабильность общества [1, с. 109–110].

Также следует обратить внимание на главу 9 «Профессиональное образование в жизненном мире россиян: состояние и перспективы», которая представляет собой глубокий анализ роли образования в развитии общества и личности. М. Б. Буланова подчёркивает, что образование является ключевым фактором успешной социализации и самореализации индивида, а также укрепления интеллектуального потенциала нации [1, с. 216]. В жизненном мире россиян профессиональное образование занимает особое место, формируя будущую траекторию жизни человека. М. Б. Буланова утверждает, что в последние годы произошли значительные изменения, и образование утратило статус «социального лифта» в современном обществе. На передний план выходят такие аспекты, как финансовое благополучие, влияние и личные связи, существенно потеснив образование в рейтинге факторов, способных повлиять на возможность продвижения по социальной лестнице [1, с. 216–217].

В главе отмечается стабильный рост на протяжении последнего десятилетия числа студентов, поступающих по программам среднего профессионального об-

разования, что обусловлено большей по сравнению с высшим образованием близостью образовательных программ к потребностям отечественного рынка труда. Параллельно отмечается снижение количества студентов, осваивающих программы высшего образования: «...за период с 2010 по 2021 гг. количество студентов, осваивавших программы бакалавриата, специалитета, магистратуры, снизилось почти вдвое (с 7 млн чел. до 4 млн чел.)» [1, с. 226]. Существует дифференциация занятых по образованию и выпускники колледжей и техникумов имеют более понятные перспективы трудоустройства по сравнению с выпускниками вузов.

Автор подвергает анализу трансформации, произошедшие в системе как высшего, так и средне-специального образования после подписания Россией Болонской декларации в 2003 году. М. Б. Буланова рассматривает основные тенденции и проблемы, связанные с реформой в данной сфере, в частности выделяя несовпадение ключевых направлений высшего образования с потребностями общественного развития и спросом на рынке труда. Здесь также обсуждаются вопросы доступности среднего профессионального образования и изменения в структуре подготовки специалистов в вузах. На наш взгляд, в данной главе было бы полезным и интересным рассмотреть примеры успешных практик и инициатив, направленных на адаптацию системы образования к новым условиям в Российской Федерации [1, с. 226–228].

Осенью 2024 года было принято решение о выходе России из Болонской системы. С 1 сентября 2026 года в России вводится двухуровневое образование: 1-й уровень – базовое высшее образование, 2-й уровень – специализированное образование. Новая система образования направлена на формирование у обучающихся в первую очередь практических навыков и умений, которые требуются работодателями. Монография «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» увидела свет чуть раньше, чем парламентарии приняли соответствующий законопроект, в связи с чем данная информация не отражена в монографии.

Не обошли вниманием авторы и такие «острые» и неоднозначные темы, как безусловный базовый доход, роль социальных гарантий в минимизации прекаризации, изучение мировоззренческих ориентаций россиян и т.д.

В целом коллективная монография написана научным академическим языком, хорошо структурирована, включает множество иллюстрационных материалов и соответствующие аналитические уточнения к ним. Если говорить о том, чему в работе уделено недостаточно внимания, так это, прежде всего, раскрытию анализа прекариата как «социально-опасного» класса (выражение Г. Стендинга). Представляет определённый интерес и добавление анализа региональных различий российского прекариата, в чём его схожесть и каковы отличительные черты.

В главе 8 «Работники сельского хозяйства: противоречия социального положения» И. О. Шевченко рассматривает, безусловно, очень важную социальную группу – работников сельского хозяйства, параллельно описывая царящую в сельской местности ситуацию. Увы, в своём анализе она не приводит примеров того, что делает государство для улучшения жизни данных людей. Также отсутствуют сведения, как представители местной власти (районных администраций и сельских поселений в частности) относятся к уровню растущей прекарности? Как именно планируют исправлять ситуацию? К каким последствиям для села это может привести в недалёком будущем? Как пишет И. О. Шевченко: «Работ-

ники сельского хозяйства демонстрируют самую высокую жизненную неудовлетворённость по сравнению с работниками других отраслей» [1, с. 212].

Кроме всего прочего в рецензируемом произведении встречаются редкие, но досадные опечатки и неточности [1, с. 32, 33, 36, 40, 42, 398, 399, 400]. Так, например на странице 40, авторы ссылаются на данные ВЦИОМ за 2023 год и делают соответствующую ссылку, но в списке литературы к данной главе этого источника нет. Мы считаем, что данные моменты можно будет исправить при последующем переиздании рассматриваемой монографии.

Переходя к выводам рассматриваемой монографии отметим, что в сфере труда существует множество проблем. Так, около трети работников (до 31,7%) сообщают, что всегда или нередко получали «деньги в конверте» за свой труд. Сохраняются и зависящие от места работы и вида деятельности различия в оплате труда женщин и мужчин. Основу решения этих и иных проблем авторы монографии видят в создании нормативно-правовой базы, необходимом поднятии престижа рабочих профессий в стране (как это было, например, в СССР), создании новых специализированных программ подготовки и переподготовки кадров, доступности бесплатного образования и пр.

В ходе исследований зафиксировано резкое снижение общественной и политической активности работников: большинство респондентов – 82% – не являются членами каких-либо добровольных организаций. Также отмечен постепенный рост числа граждан с левыми взглядами. В 2014 г. таких насчитывалось 21%, в 2018 г. их стало уже почти 23%, а в 2022 г. – более 24%. Что касается членства в профсоюзах, то на сегодняшний день они объединяют лишь 17,5% работающих граждан.

Жизненные цели работников определяют как их личные амбиции, так и развитие общества в целом. Россияне стремятся к достижению как долгосрочных (на перспективу), так и текущих целей. К перспективным относятся высокие идеалы: процветание страны, реализация потенциала граждан и усиление международного влияния России. Текущие цели более практичны – это улучшение условий труда, рост зарплаты и доступ к качественному образованию и медицине. При этом даже в текущих целях прослеживается связь с глобальными: улучшая свою жизнь, люди способствуют развитию государства, обеспечивая его стабильность и успех.

Полученные выводы стоит считать скорее промежуточными, требующими дальнейшей проработки. Так, например, при изучении работников сельского хозяйства явно не хватает эмпирической информации, а именно полуструктурированных биографических интервью с работниками сельского хозяйства, постоянно проживающими в данной местности.

Изучение жизненного мира дало возможность увидеть разнообразие его составляющих в динамике, выявляя присутствие противоречивых тенденций, а также указывая как на положительные, так и проблемные, а иногда и негативные явления и процессы. Книга будет полезна не только учёным (теоретикам, практикам), но также, например, специалистам в области защиты населения, муниципальным служащим, студентам экономических и социологических специальностей и всем интересующимся прекаризацией труда. Фактически, раскрытие новых горизонтов и приглашение к полемике и есть мерило состоявшейся коллективной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность».

Библиографический список

1. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Р. И. Анисимов, М. Б. Буланова, И. В. Воробьева [и др.]. М. : Весь Мир, 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7. EDN [IEJRKS](#).
2. *Тощенко Ж. Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1. EDN [VKRCMM](#).
3. Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа) / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов, А. В. Кученкова [и др.]. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с. ISBN 978-5-906001-76-4. EDN [ATVUBE](#).
4. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. М. : Весь Мир, 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6. EDN [ECFFBH](#).
5. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.]. М. : Весь Мир, 2022. 364 с. DOI [10.55604/9785777708861](#). EDN [VOKUSY](#).
6. *Bosmans K.* Precarious employment, precarious life? A qualitative study exploring the perspective of temporary agency workers and their households // *Work*. 2023. Vol. 75, No. 1. P. 113–127. DOI [10.3233/wor-220095](#). EDN [LWSTDF](#).
7. *Shah D., Meiklejohn A., Spencer N., Lawrence S.* Precariat women's experiences to undertake an entrepreneurial training program // *Journal of Business Research*. 2024. Vol. 178. Art. 114671. DOI [10.1016/j.jbusres.2024.114671](#). EDN [ZRAZUZ](#).
8. *Burton S., Bowman B.* The academic precariat: understanding life and labour in the neoliberal academy // *British Journal of Sociology of Education*. 2022. Vol. 43, No. 4. P. 497–512. DOI [10.1080/01425692.2022.2076387](#). EDN [WSPOPW](#).
9. *Vu A. N., Nguyen D. L.* The gig economy: The precariat in a climate precarious world // *World Development Perspectives*. 2024. Vol. 34. Art. 100596. DOI [10.1016/j.wdp.2024.100596](#). EDN [KNSIOJ](#).
10. *Almeida R. K., Paz L. S., Poole J. P.* Precarization or protection? The role of trade and labour policies on informality // *Journal of Development Studies*. 2022. Vol. 58, No. 7. P. 1416–1435. DOI [10.1080/00220388.2022.2061850](#). EDN [FUCHYT](#).

Поступила: 06.02.2025. Доработана: 25.02.2025. Принята: 01.03.2025.

Сведения об авторах:

Козин Сергей Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. mister.svk92@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [346402](#); ORCID: [0000-0002-8398-8805](#)

Жидяева Татьяна Павловна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Алатырский филиал. Алатырь, Россия.

tanya21_84@mail.ru

Author ID РИНЦ: [623229](#); ORCID: [0000-0002-8238-193X](#)

S. V. Kozin¹, T. P. Zhidyayeva²¹ Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia² I. N. Ulianov Chuvash State University, Alatyr Branch. Alatyr, Russia

NEW KNOWLEDGE IN THE STUDY OF THE RUSSIAN PRECARIAT (REVIEW OF THE BOOK: THE LIFE WORLD OF WORKERS: SUSTAINABILITY VERSUS PRECARITY / ED. BY ZH. T. TOSHCHENKO. M.: VES' MIR PUBL., 2024. 462 p.)

Abstract. The review highlights the key ideas and provisions of the collective monograph “The life world of workers: sustainability versus precarity” published in 2024 and edited by corresponding member of the Russian Academy of Sciences J. T. Toshchenko (Moscow: Ves' Mir Publ., 2024. 462 p.). The monograph completes the series of publications devoted to precarisation, a special aspect of labour in modern society, characterised by instability of professional employment of large groups of the population. In today's society, where the boundaries between work and private life are increasingly “blurred”, the concepts of “sustainability” and “precarity” are becoming central to understanding the life world of employees. Sustainability implies stable employment, clear career prospects and social protection; it creates confidence and promotes the development of talents, professional skills and personal identity. Precarity, on the other hand, reflects uncertainty and instability. Workers trapped in temporary contracts, freelance projects and/or underemployment are exposed to stress, which has a negative impact on their mental and physical health, which creates not only economic vulnerability, but also social isolation, significantly reducing the quality of life. In this monograph, the team of authors attempts to provide a comprehensive coverage of this phenomenon. The reviewers highlight the structure of the monograph, consider its basic concept of “lifeworld” and its evolutionary development in the depths of historical sociological and philosophical thought. In addition, a brief analysis of transformational changes in employment in Russia and abroad, as well as in the education system is given. The reviewers believe that this collective monograph will be of interest not only to representatives of teaching and research staff, but will also be of interest to doctoral students, postgraduates, specialists and students, managers who study social problems of employment.

Keywords: precarization of labor, precariat, life world, vocational education, employment transformation

For citation: Kozin S. V., Zhidyayeva T. P. New knowledge in the study of the Russian precariat (review of the book: The lifeworld of workers: sustainability versus precarity / ed. by Zh. T. Toshchenko. M.: Ves' mir Publ., 2024. 462 p.). *Science. Culture. Society.* 2025;31(1):85–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.1.7>

References

1. Anisimov R. I., Bulanova M. B., Vorobyeva I. V. [et al.]. The life world of workers: sustainability versus precarity. Moscow: Ves' Mir; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0938-7.
2. Toshchenko Zh. T. Precariat: from proto-class to a new class. Moscow: Nauka; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-02-040118-1.
3. Toshchenko Zh. T., Anisimov R. I., Kuchenkova A. V. [et al.]. The precariat: the formation of a new class (the experience of sociological analysis). Moscow: Center for social forecasting and Marketing; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-76-4.
4. Anisimov R. I., Belova N. I., Bulanova M. B. [et al.]. Precarious employment: origins, criteria, features. Moscow: Ves' Mir; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0852-6.
5. Anisimov R. I., Belova N. I., Bulanova M. B. [et al.]. From precarious employment to

- precarization of life. Moscow: Ves' Mir; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0886-1.
6. Bosmans K. Precarious employment, precarious life? A qualitative study exploring the perspective of temporary agency workers and their households. *Work*. 2023;75(1):113–127. DOI [10.3233/wor-220095](https://doi.org/10.3233/wor-220095).
 7. Shah D., Meiklejohn A., Spencer N., Lawrence S. Precariat women's experiences to undertake an entrepreneurial training program. *Journal of Business Research*. 2024;178:114671. DOI [10.1016/j.jbusres.2024.114671](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2024.114671).
 8. Burton S., Bowman B. The academic precariat: understanding life and labour in the neoliberal academy. *British Journal of Sociology of Education*. 2022;43(4):497–512. DOI [10.1080/01425692.2022.2076387](https://doi.org/10.1080/01425692.2022.2076387).
 9. Vu A. N., Nguyen D. L. The gig economy: The precariat in a climate precarious world. *World Development Perspectives*. 2024;34:100596. DOI [10.1016/j.wdp.2024.100596](https://doi.org/10.1016/j.wdp.2024.100596).
 10. Almeida R. K., Paz L. S., Poole J. P. Precarization or protection? the role of trade and labour policies on informality. *Journal of Development Studies*. 2022;58(7):1416–1435. DOI [10.1080/00220388.2022.2061850](https://doi.org/10.1080/00220388.2022.2061850).

Received: 06.02.2025. Corrected: 25.02.2025. Accepted: 01.03.2025.

Information about the authors:

Sergey V. Kozin, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia.
mister.svk92@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); CoLab ID: [R-3AA5D-0F265-EZ64S](https://colab.org/record/R-3AA5D-0F265-EZ64S)

Tatiana P. Zhidyayeva, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Economics, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Alatyr Branch. Alatyr, Russia. tanya21_84@mail.ru
ORCID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); CoLab ID: [R-3AA65-0F298-XQ56M](https://colab.org/record/R-3AA65-0F298-XQ56M)

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2025. Том 31. № 1. Дата выхода в свет: 28.03.2025.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru